

ISSN 3034-1388 (online)

Геннадий **Батыгин**

Александр **Кобеляцкий**

Лариса **Козлова**

Иван **Климов**

Алина **Лихачевская**

Алексей **Новиков**

Денис **Сивков**

Татьяна **Черкашина**

Никита **Яценко**

Пути России

Журнал социальных
и этнографических исследований

Том 2 **№2**
2024

Пути России

Том 2

№ 2

2024

Журнал социальных
и этнографических исследований

Пути России

Журнал социальных
и этнографических исследований

Том 2 № 2 2024

ISSN 3034-1388 (online)

Издается с 1993 года. В 1993–2003 гг. выходил ежегодный альманах под заглавием «Куда идет Россия?» С 2004 по 2021 гг. ежегодный альманах под заглавием «Пути России». До 2021 года включительно все выпуски выходили в печатном виде. В 2023 году вышло в свет два пилотных номера. С 2024 года журнал выходит один раз в квартал в электронном виде.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер: ЭЛ № ФС77-86371 от 27.11.2023

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Опубликованные в журнале материалы распространяются свободно. Ссылка на журнал при перепечатке и цитировании материалов обязательна.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

www.jrsre.ru

@RUSSIANWAYS

© ОАНО «МВШСЭН», 2024

Главный редактор:

Дмитрий Розозин, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РАНХиГС, Москва.

Заместитель главного редактора:

Александр Никулин, канд. экон. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Роман Бумагин, канд. социол. наук, Фонд «Общественное мнение»,

Ирина Дуденкова, канд. филос. наук, МВШСЭН, Москва, Анна Ипатова, канд. культурологии, независимый исследователь.

Ольга Карпова, МВШСЭН, Москва,

Никита Петров, канд. филол. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва,

Ольга Солодовникова, канд. филол. наук, РАНХиГС, Москва, Александр Сувалко, НИУ ВШЭ, Москва,

Татьяна Черкашина, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Роман Абрамов, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Светлана Барсукова, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Татьяна Богомолова, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т,

Леонид Бляхер, д-р филос. наук, Тихоокеанский гос. ун-т, Хабаровск,

Сергей Зуев, канд. искусствоведения, МВШСЭН, Москва,

Марина Карцева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,

Гульнара Краснова, д-р филос. наук, РАНХиГС, Москва,

Виталий Куренной, канд. филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Татьяна Малева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,

Штефан Мерль, д-р философии, Ун-т Билефельд, Германия, Ольга Моляренко, канд. социол. наук, Фонд Хамовники,

НИУ ВШЭ, Москва,

Сергей Мохов, канд. социол. наук, Ливерпульский ун-т Дж. Мурса, Великобритания,

Юрий Плюсин, д-р филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Вадим Радаев, д-р эконом. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Мария Сизова, д-р эконом. наук, МВШСЭН, Москва,

Денис Стребков, канд. социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Ирина Тартаковская, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва,

Ирина Троцук, д-р социол. наук, РУДН, Москва,

Валерий Фёдоров, канд. полит. наук, ВЦИОМ, Москва.

Секретарь: Максим Григоренко, МВШСЭН, Москва

Редактор: Катя Наумова

Дизайн, обложка: Максим Григоренко

Редактор сайта: Александр Артамонов

The Journal of Russian Social Research and Ethnography

Vol 2 No 2 2024

ISSN 3034-1388 (online)

Published since 1993.

Frequency — four issues per year.

Editor-in-chief:

Dmitrij Rogozin, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, RANEPa, Moscow.

Deputy editor-in-chief:

Aleksandr Nikulin, Cand. Sc. (Economics), MSSES, RANEPa, Moscow.

EDITORIAL BOARD

Roman Bumagin, Cand. Sc. (Sociology), FOM (Public Opinion Foundation),

Irina Dudenkova, Cand. Sc. (Philosophy), MSSES, Moscow,

Anna Ipatova, Cand. Sc. (Culturology), independent scientist.

Ol'ga Karpova, MSSES, Moscow,

Nikita Petrov, Cand. Sc. (Philology), MSSES, RANEPa, Moscow.

Ol'ga Solodovnikova, Cand. Sc. (Philology), RANEPa, Moscow.

Aleksandr Suvalko, HSE University, Moscow,

Tatyana Cherkashina, Cand. Sc. (Sociology), IEIE SB RAS, Novosibirsk State University.

EDITORIAL COUNCIL

Roman Abramov, D.Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Svetlana Barsukova, D.Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Tatyana Bogomolova, Cand. Sc. (Sociology), Novosibirsk State University

Leonid Blyaher, D.Sc. (Philosophy), Pacific National University, Khabarovsk,

Sergej Zuev, Cand. Sc. (Art Criticism), MSSES, Moscow,

Marina Karceva, Cand. Sc. (Economics), RANEPa, Moscow.

Gul'nara Krasnova, D.Sc. (Philosophy), RANEPa, Moscow.

Vitalij Kurennoj, Cand. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,

Tat'yana Maleva, Cand. Sc. (Economics), RANEPa, Moscow.

Stepfan Merl, Prof. Dr. Dr. h.c. mult., Bielefeld University, BRD
Ol'ga Molyarenko, Cand. Sc. (Sociology), Fund of support of social researches «Hamovniki», HSE University, Moscow,

Sergej Mohov, Cand. Sc. (Sociology), Liverpool John Moores University, UK,

Yurij Plyusnin, D.Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,

Vadim Radaev, D.Sc. (Economics), HSE University, Moscow,

Mariya Sigova, D.Sc. (Economics), MSSES, Moscow,

Denis Strebkov, Cand. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Irina Tartakovskaya, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, Moscow,

Irina Trocuk, D.Sc. (Sociology), PFUR, Moscow,

Valerij Fyodorov, Cand. Sc. (Politics), VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Moscow.

ESTABLISHER

The Moscow school of social and economic sciences

ADDRESS

119571, Moscow, Gazetnyj per., d. 3-5, str. 1

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Биографические исследования

Биография как предмет

<i>А. В. Лихачевская</i>	Метафорика социологии возраста и необходимость новых дотеоретических оснований	9
<i>Н. Яценко</i>	Биографическое воображаемое: Джорджо Агамбен и спасение реального	22
<i>Д.Ю. Сивков</i>	Как работать с дневниками?	31

Восприятие прошлого

<i>К. Е. Новиков</i>	Теплота в холодном пространстве	37
<i>А. В. Кобеляцкий</i>	Успеть спросить о прошлом	45

ИМЕНА, ИСТОРИИ, АРХИВЫ

Памяти Г. С. Батыгина (1951–2003)

<i>Л. А. Козлова</i>	«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»	51
<i>И. А. Климов</i>	Батыгин: «методологическая принципиальность» и «методологическое смирение»	66
<i>Г. С. Батыгин</i>	Этос науки. <i>Вторая лекция в курсе «Методология социологического исследования», прочитанного в 2002-2003 учебном году в Шанинке</i>	80

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

<i>А. С. Новиков</i>	Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь: Слово современной философии. М.: АСТ, 2023	111
<i>В. В. Федоров</i>	Селеев С., Моляренко О. Черные копатели. Этнография приборного поиска. М., Фонд «Хамовники», Common Place, 2023	116
<i>А. А. Тесля</i>	Литошенко Л. Н. Критика советской аграрной политики. / Под ред. А. М. Никулина, В. О. Афанасенкова, И. А. Кузнецова, А. Ю. Мельникова. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2022	119
<i>И. А. Чудова</i>	Шубрт И. Подвойский Д. Г. Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024	122
<i>Н. В. Александрова</i>	История Третьяковской галереи. XX век. 1913-1925. В 2-х кн. М.: Третьяковская галерея, 2022	126
<i>Г. Артёменко</i>	«Хочется жить во всю силу...»: дневники подростков Оттепели. / Изд. подг. И. Л. Савкина, С. В. Николаева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023	130
<i>И. Скворцова</i>	Кобеляцкий А., Шиц М. Люди 1920-х годов. Вопреки утопии. М.: Бослен. 2024	133
<i>А. С. Новиков</i>	Джаффе С. Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь. М.: Individuum, 2023	136
<i>В. В. Федоров</i>	Павлов А., Прохоров А., Селеев С. Рои и ульи. Российское и промышленное пчеловодство. Москва-Ульяновск: Фонд «Хамовники», Common Place, 2023	142
<i>С. Чеппаруло</i>	Gänswein, Georg, Gaeta, Saverio. Nient'altro che la verità. La mia vita al fianco di Benedetto XVI. Milan, Piemme, 2023	145
<i>Т. Ю. Черкашина</i>	75 новых книг по экономической социологии для чтения, обсуждения, рецензирования	148

Contents

SOCIAL RESEARCH

Biographical Research

Biography as a subject

<i>A. Likhachevskaya</i>	Metaphors in Sociology of Age and the Necessity of Pretheoretical Basis	9
<i>M. Yatsenko</i>	The biographical imaginary: Giorgio Agamben and the salvation of the real	22
<i>D. Sivkov</i>	How to Work with Diaries?	31

Perception of the past

<i>K. Novikov</i>	Warmth in a cold space	37
<i>A. Kobelyatsky</i>	Have time to ask about the past	45

NAMES, STORIES, ARCHIVES

In memory of G. S. Batygin (1951–2003)

<i>L. Kozlova</i>	“Batygin invited us to see the non-obvious meanings behind what seems obvious”	51
<i>I. Klimov</i>	Batygin: “methodological integrity” and “methodological humility”	66
<i>G. Batygin</i>	Ethos of science. <i>Second lecture in the course “Methodology of Sociological Research”, given in the 2002-2003 academic year in Shaninka</i>	80

BOOK REVIEWS, OVERVIEWS, ABSTRACTS

<i>S. Novikov</i>	Illouz E., Cabanas E. Fabrika schastlivykh grazhdan. Kak industriia schastia kontroliruet nashu zhizn: Slovo sovremennoi filosofii. M.: AST, 2023	111
<i>V. Fedorov</i>	Seleev S., Moliarenko O. Chernye kopateli. Ehtnografiia pribornogo poiska M., "Khamovniki" foundation, Common Place, 2023	116
<i>A. Teslia,</i>	Litoshenko L. Kritika sovetskoï agrarnoi politiki / Pod red. A.M. Nikulina, V.O. Afanasenkova, I.A. Kuznetsova, A.Iu. Melnikova. M.: Publishing House "Delo", RANEPa, 2022	119
<i>I. Chudova</i>	Shubrt I. Podvojskij D.G. Sovremennye sociologicheskie teorii: kak ne zabludit'sya v konceptual'nom labirinte? M.: VCIOM, 2024	122
<i>N. Aleksandrova</i>	Istoriia Tretiakovskoi galerei XX v. 1913-1925. V 2 kn. M.: Tretiakovskaia galereia, 2022	126
<i>G. Artemenko</i>	"Hochetsya zhit' vo vsyu silu...": dnevniki podrostkov ottepeli. / Izd. podg. I.L. Savkina, S.V. Nikolaeva. SPb.: Publishing House EU SPb, 2023	130
<i>I. Skvorcova</i>	Kobelyatsky A., Shic M. Lyudi 1920-h godov. Vopreki utopii. M.: Boslen. 2024	133
<i>S. Novikov</i>	Jaffe S. Dorigie kollegi. Kak liubimaia rabota portit nam zhizn. M.: Individuum, 2023	136
<i>V. Fedorov</i>	Pavlov A., Prokhorov A., Seleev S. Roi i ul'i. Rossiiskoe i promyslovoe pchelovodstvo. Moscow-Ulianovsk: "Khamovniki" foundation, Common Place, 2023	142
<i>S. Cepparulo</i>	Gänswein, Georg, Gaeta, Saverio. Nient'altro che la verità. La mia vita al fianco di Benedetto XVI. Milan, Piemme, 2023	145
<i>T. Cherkashina</i>	75 new books on on economic sociology to read, discuss, and review	148

Биографические исследования

Биография как предмет

Восприятие прошлого

БИОГРАФИЯ КАК ПРЕДМЕТ

А. В. Лихачевская

Метафорика социологии возраста и необходимость новых дотеоретических оснований

Алина Владимировна Лихачевская — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** alina.likhachevskaya@yandex.ru.

Аннотация: Отсутствие сквозных оснований для концептуализации возраста привело к тому, что социология возраста сейчас представляет собой ансамбль из нескольких разрозненных субдисциплин, исследующих детство, молодость и старость по отдельности. Одним из эффектов такой разрозненности стала также нечувствительность социологии к «взрослости» как к самостоятельной категории, а не вспомогательному атрибуту индивида. Существующие возрастные классификации, к которым прибегают социальные ученые, одновременно полагают взрослых как типичных, в этом они наследуют классикам нашей науки, и в то же время «взрослость» и возраст ускользают от попыток социологов дать им определение. Прежде чем сформулировать фундаментальные концепции, способные придать социологии возраста целостность, мы обратимся к метафорическим логикам, которые лежат в основании нынешних подходов к исследованию различных возрастных групп, проявим их политическую подоплеку, а затем предложим собственную версию концептуальной метафоры, которая могла бы побудить социологов к поискам новых источников эвристик.

Ключевые слова: метафора, возраст, социология возраста, взрослость, детство, молодость, старость

Для цитирования: Лихачевская. А. В. Метафорика социологии возраста и необходимость новых дотеоретических оснований // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 9–21.

В библиотеке Шанинки раздел, посвященный социологии возраста, представлен корпусом книг, ни одна из которых не содержит в названии слово «возраст». На полках мы найдем упоминания детства, молодости и старости в самых разных вариациях — и практически ни одной работы, которая работала бы со взрослыми¹ и с общей категорией возраста как объектом исследования. Это не дефект библиотечного каталога, а отражение ситуации, которая сложилась в субдисциплине на сегодняшний день. Более того, подобное происходит не только в социологии: «Общество в целом и научное сообщество в частности занято возрастными периодами до и после зрелости. Оно интересуется возрастными формациями, в которых человек или ещё не достиг автономии (детство), или не установился в жизни (молодость), или в какой-то мере утратил автономию „по возрасту“ (старость)» [Лишаев, 2017, с. 96, курсив мой]

Для того чтобы найти источник избирательности исследователей в отношении разных возрастных групп, я решила обратиться к метафорам, которые стоят за социологическими работами о детях, молодежи и пожилых и которые могли бы объяснить внутреннюю раздробленность социологии возраста. Будучи теоретиком метафоры, я понимаю её как дотеоретическое основание социологического исследования [Лихачевская, 2023], которые предоставляют ученому источник «новых идей, горизонтов, смыслов, прозрений» [Шмерлина, 2017, с. 15].

В самых общих чертах своей задачей я вижу поиск нового источника эвристики, который позволит утверждать, что социология возраста способна быть самостоятельной субдисциплиной [Смолькин, 2022, с. 27], а не ансамблем нескольких социологий, сосредоточенных каждая на своем диапазоне возрастов и плохо общающимися между собой.

Исходная интуиция подсказывает, что связь категории возраста с невниманием социологов к людям средних лет, не случайна. На это указывает Смолькин: в первом и пока единственном сборнике статей по социологии возраста на русском языке во вступительном слове редактора он отмечает, что в социологической теории типичный всегда понимается как взрослый. «Все акторы равно „акторны“, однако под ними подразумеваются взрослые люди, и веберовское понимание социального действия явно не предназначено для анализа детского поведения и т. п.» [Смолькин, 2019, с. 10–11]. На протяжении развития наша наука опиралась на допущение «типичный = взрослый», а значит все остальные категории возрастов становились маргинальными

¹ За исключением тех исследований, которые работают с категорией «средних лет» в комбинации с другими характеристиками. Например, ряд работ посвящен «женщинам среднего возраста», где впрочем сам возраст не тематизируется. См. [Здравомыслова, 2018].

и их изучение требовало обособления, которое впоследствии привело к появлению социологии детства, социологии молодежи, геронто-социологии и т. п. [см., например, Журавлева и др., 2023].

Но это равенство может быть рассмотрено и в обратном направлении: «взрослый = типичный». Разница, на первый взгляд, незначительная, но позволяет объяснить ключевой эпистемический разрыв, который ответственен за лауну, обнаруженную нами в начале статьи. Взрослый — это тот, относительно которого определяется ребенок, подросток или пожилой человек, а значит и всё то множество объектов исследовательского интереса, которые составляют сейчас социологию возраста. При этом субдисциплина попадает в петлю двойной негативности: как понятие «взрослый» остается не-до-определенным или, скорее, определяется апофатически (взрослый это «не-ребенок/не-молодой/не-старый»), но в то же время каждая из возрастных групп дети/молодежь/старики понимается через инаковость относительно взрослых. Развернем эту вторую негативность подробнее.

Как за обиденными, так и за распространенными научными описаниями возраста стоит идея вектора, который направлен от рождения к смерти². Возраст в этом случае выступает делениями вектора, а возрастные группы — соответствующими диапазонами³. Этот образ находит отражение в половозрастных демографических пирамидах, таблицах и иллюстрациях классификации возрастов, а также в тех лингвистических средствах, которые используются в описании категории возраста. Вектор также характеризуется целостностью, а деления и диапазоны сменяют друг друга в определенном порядке. Все эти предикаты наследуются в том понимании возраста, который отвечает за отсутствие категории «взрослость»⁴: в середине направленного отрезка/шкалы «возраст» есть привилегированный неименованный диапазон⁵, а всё, что остается по левую и правую сторону от него, и будет попадать в фокус внимания социологии возраста.

В этом случае детство и старость становятся «ещё-не» и «уже-не» взрослостью, а молодость — «не-взрослостью», но совсем по другому

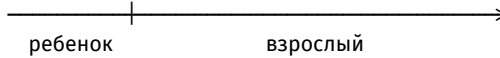
² Здесь мы прежде всего отсылаем к подходам для изучения возраста как стадии жизненного цикла и возраста как этапа *жизненного пути* [Бочаров, 2001; Лаз, 2019], которые имплицитно опираются «на представление о том, что возраст линейен» [Лаз, 2019, с. 154].

³ Опустим здесь вопрос о «плавающих» границах возрастных диапазонов в определении детства, юности, молодости и старости.

⁴ Я избегаю употребления термина «зрелость», так как он метафорически нагружен и содержит нежелательные импликации.

⁵ Здесь мы угадываем формулу «людей среднего возраста», которая обычно употребляется применительно к людям приблизительно между 35 и 65 годами.

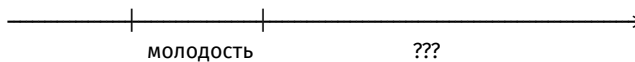
основанию. Чтобы доказать этот тезис, следует внимательно проследить ту метафорику, которая наиболее часто встречается в социологии возраста.

Начнем с детства. Всё многообразие метафор, к которым обращаются социологи в исследовании детей, сводится к двум доминирующим интуициям: «ребенок как некомпетентный человек» и «ребенок как неполноценный человек». Эти две группы метафор комплементарны и могут смешиваться в разных комбинациях, но для меня будет принципиальным то, как они относятся к категории взрослости и возраста.

В первой логике дети предстают как индивиды, которых надлежит сделать достойными членами общества в процессе социализации [Бергер, Бергер, 2004, с. 73]. Взрослый здесь всё тот же «типичный», а возраст — маркер ожидаемого достижения полноценной социализации. Относительно ребенка как ещё-не-члена-общества все остальные будут гомогенными взрослыми: неважно речь идет о людях 20 или 70 лет.

В группе метафор «неполноценности» ребенок оказывается несовершенной версией человека, что, помимо прочего, находит отражение в языке⁶. Для социологии такая версия детства означает период, когда человек не может считаться эквивалентным тому, кто его изучает, на основании количества прожитых лет. Здесь мы впервые подходим к позиции самого социального ученого, который посвятил себя изучению детей. Если ребенок = «недо-человек», то оптика социолога будет отмечать те дефициты и несоответствия, которые отличают детей и взрослых, а не фокусироваться на особенностях и уникальных проявлениях, присущих этому диапазону возрастов (если таковые вообще схватываются).

С молодежью дело обстоит иначе. Поначалу складывается впечатление, что в исследованиях подростков, юности и молодости доминирует метафорика чуждости и девиации: люди этого возраста описываются как носители не свойственных взрослым субкультур и делинквентных практик: не в последнюю очередь связке «молодежь/

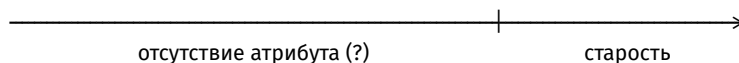
⁶ Термины *несовершеннолетний*, *underaged*, а также английская пара *minor/major*, и немецкая *minder/voll* указывают на распространенное понимание детей как «недо-людей».

девиантность/субкультура» социология обязана ряду классических работ Чикагской школы [Бергер, Бергер, 2004, с. 315], которые выбирали различные группы молодежи в качестве парадигматических кейсов в исследованиях отклоняющегося поведения. Впрочем, некоторые философы считают, что это общепринятое отношение: «Сегодня общество боится молодежь потому, что не знает, что она собой представляет и к чему стремится. Будучи частью мира взрослых, она этому миру чужда — вроде бы своя, но в то же время чужая» [Бадью, 2017, с. 85].

Тем не менее, есть и другая группа метафор, которая предлагает смотреть на молодежь как на экспериментаторов и авангардистов. Понимаемая как «инновационная сила» [Бочаров, 2001, с. 39], молодость становится для общества (и для социальных ученых) источником нового: «Молодое население является креативным достоянием общества, способствующим созданию и осуществлению инноваций в экономике и других сферах его жизни» — вот выдержка из аннотации к сборнику статей «Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов» [2019], выпущенного по итогам одноименной конференции. Составители рассчитывают, что материалы сборника не только продемонстрируют потенциал молодежи, но и пригодятся «молодым специалистам, ориентированным на реализацию своих компетенций в регионах как стартовых площадках молодых лидеров России». [Там же, с. 4]

Из этих двух метафорических логик произрастают два типа отношений социолога к молодежи: индивиды в этом диапазоне возрастов могут быть теми, кто ведет себя не как взрослый, или теми, кто принесет в мир инновации. Следовательно, по отношению к типичному человеку представитель молодежи либо маргинал, который по емкому комментарию Бергеров «перебесится» [Бергер, Бергер, 2004, с. 259], либо потенциальный контркультурщик, способный изменить историю.

Снова отметим, что две метафорические логики могут переплетаться и обычно не рефлексировуются учеными, поэтому предлагаемое различие носит скорее аналитический характер. Оба способа предлагают взгляд на молодых как на не-таких-как-взрослых. Но, в отличие от социологии детства, здесь взрослый преимущественно отсутствует. Он, безусловно, такой же типичный или «нормальный» человек, но для исследований молодежи период взрослости выступает фоном, на котором предстает фигура молодости.

Исследования старения и старости преимущественно стремятся ответить на «проблему глобального постарения населения» [Смолькин, 2019, с. 11], что часто выливается в отсутствие каких-либо

теоретических оснований в эмпирических работах⁷. Тем не менее, в классических и современных социологических текстах присутствуют метафоры, которые с долей упрощения можно сгруппировать также в две метафорические логики.

Первой доминирующей интуицией в размышлениях о старости становятся идеи завершения и ухудшения. Для этой модели характерно ретроспективное понимание среднего возраста как «жизненного пика», после которого вектор устремляется «вниз» к смерти. Здесь старость связывается с болезнями и близостью к смерти⁸, а старение устойчиво воспринимается как проблема: «Подобный подход фокусируется на пожилых людях, причем старость преимущественно понимается как негативное явление, как период упадка и ослабления» [Лаз, 2019, с. 158–159].

С появлением запроса на «проекты позитивной старости» [Елютина, 2023, с. 245] и критики модели старения как «завершения со знаком минус» социология обратилась к иному способу теоретизирования, которую мы обозначим как метафору аккумуляции. Согласно этой идее, старость воспринимается как период наибольшего накопления опыта, мудрости, знаний [Там же, с. 233], а часто и богатства, следовательно люди старшего возраста предстают кем-то, кто в определенном отношении превосходит индивидов в периоде взрослости.

Наблюдая за дискуссиями на конференциях, посвященных темам старости и старения, я предполагаю, что по крайней мере одна из причин такого переосмысления состоит в том, что сами теоретики возраста неизбежно обнаруживают себя в числе «пожилых»⁹. В сборнике статей о старении (aging) одна из ведущих исследовательниц в этой области Г. Хагестада пишет: «С возрастом меня всё больше поражает, как много „других“ возникает в научных дискуссиях. Одновременно смешно и грустно видеть, как группа геронтологов, всем далеко за 60, говорит о них — стариках. Мы говорим так, как будто согласны с Мэри Пайфер, которая называет старость „другой страной“, местом, где мы не живем. Добрались бы мы большего прогресса, если бы сказали мы и нас?» [Hagestad, 2011, p. 654, курсив в оригинале].

Если суммировать метафорические логики завершения и накопления, раздел социальных наук о старости и старении полагает цело-

⁷ Анализ В. Бенгтсоном 5-летнего среза статей по социальной геронтологии показал, что в большинстве (72%) публикаций в восьми журналах не сделано ни одной отсылки или упоминания какой-либо теоретической традиции.» [Смолькин, 2019, с. 11].

⁸ Например, в книге Бергерова одна из глав выглядит следующим образом: «Старость, болезнь и смерть» [Бергер, Бергер, 2004. с. 353].

⁹ Автор статьи неоднократно фиксировал артикуляцию своего возраста организаторами, докладчиками и комментаторами таких конференций, что в будущем, возможно, станет самостоятельным предметом отдельного исследования.

века старшего возраста как имеющего такой набор свойств и характеристик, которые не присущи людям среднего и младшего возраста (не столько важно, будут ли это условно отрицательные феномены вроде болезней и патологий или положительные, как мудрость и знания).

Резюмируя краткий экскурс в метафорические основания социологии возраста, я вернусь к двойной негативности взрослости. Возрастной диапазон, который находится между детством и молодостью, с одной стороны, и старостью с другой, выступает для трех этих категорий отправной точкой. При этом люди в периоде взрослости оказываются в позиции невидимого гегемона по отношению к остальным: они определяют кого и почему считать «не-взрослым», не позволяя пошатнуть сложившиеся властные отношения и классификации [Лаз, 2019, с. 175].

Не будет преувеличением сказать, что социологии возраста не существует. Есть совокупность субдисциплин, которые, если мы и хотим объединить под общим заголовком, корректнее было бы назвать социологией не-взрослости. Отсюда возраст нельзя считать самостоятельным концептом — он будет применяться и работать по-разному в зависимости от того, в каком контексте его употребляет социолог.

Итак, я подхожу к политической стороне понимания возраста и взрослости. Это не первая попытка посмотреть на возрастные категории по аналогии с классовой борьбой и преодолеть навязанное доминирующей группой «видение мира и видение своего положения в мире» [Бурдые, 2007, с. 21], поэтому обращаюсь к более авторитетному автору.

В работе А. Бадью «Истинная жизнь» [Бадью, 2018] взрослые практически отождествляются с буржуазией, а персональная ставка автора заключается в том, чтобы свергнуть их гегемонию руками молодых, к бунту которых смогут присоединиться «старые драчуны»: «Было бы в высшей степени справедливо организовать совместный поход молодых и стариков против сегодняшних взрослых» [Там же, с. 88]. В этом манифесте сам Бадью мыслит себя именно таким стариком. «Начнем с очевидного: мне шестьдесят девять лет», — такой репликой он открывает эссе. Будучи востребованным мыслителем, он явно не относит себя к тем, «кто занимает в обществе все ключевые позиции, и чей возраст варьируется примерно от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет» [Там же, с. 89]. И, судя по этому тексту, ситуация его не устраивает.

Не вдаваясь в подробности альянса между угнетенными возрастными группами, перейдем к проекту перераспределения власти взрослых. В попытке помыслить низвержение возрастной иерархии, Бадью продолжает опираться на то же самое разделение молодежь/взрослые/старика, чем только укрепляет ортодоксию. Восставшие сегодня молодые и пенсионеры, которые свергнут власть людей среднего возраста, завтра столкнутся с возмущением детей и подростков,

так как источник дискриминации в виде самой классификации возрастных диапазонов никуда не исчез. Если Бадью действительно стремится к обществу, построенному на принципах равенства [Там же, с. 99], необходимо отказаться от идеи дробления возраста на подобные иерархизированные категории.

Попробуем зайти с другой стороны и поискать проекты сглаживания возрастной дифференциации. М. Эпштейн в философских рассуждениях о возрасте намеревается «усилить межвозрастную симпатию» [Эпштейн, 2006, с. 51] посредством умножения возрастов и указания на самоподобие возрастных промежутков. Так у него возникают повторяющиеся циклы детства, отрочества, молодости, зрелости и старости, внутри которых можно различить те же самые пять фаз [Там же]. На этом основании Эпштейн заявляет, что новая возрастная классификация повысит солидарность между людьми разных возрастов: «Старый молодой человек, переходящий черту молодости, может почувствовать бóльшую возрастную близость к своему отцу, переходящему черту старости, чем к своему же младшему брату, находящемуся в расцвете молодости, в „молодой“ или „зрелой“ её поре» [Там же, с. 51]. На наш взгляд, такая мультипликация категорий только радикализирует проблему иерархии разных возрастов. В модели Эпштейна возникают «взрослые в квадрате»¹⁰, а внутри каждой фазы — свои дети и старики, что вряд ли способно преодолеть борьбу за власть, а скорее её только усугубит и сделает более выраженной в пределах, как возрастных категорий, так и в целом.

Эти два отступления в философию были призваны показать ограничения разных способов мыслить возраст и доминирующее положение взрослых в существующей парадигме. Теперь вернемся к социологии и её предложениям в деле теоретизирования возраста. Обнаружив устойчивую связь между возрастом и властью, Ш. Лаз [2019, с. 175] также столкнулась с необходимостью найти новые основания для концептуализации возраста. Она предложила мыслить возраст-как-достижение [Там же, с. 149] по аналогии с гендером и указала на сходства между этими категориями: «согласно традиционным культурным представлениям, гендер ассоциируется с женщинами, тогда как доминирующая группа — в данном случае мужчины — рассматривается как лишенная пола» [Там же, с. 147]. Действительно, ситуация напоминает положение взрослых относительно других возрастов.

Однако метафорика перформативности не позволяет раскрыть целый ряд особенностей, которые присущи возрасту, но не гендеру. «Возраст человека — нелинейная, недискретная (в сравнении с гендером или расой) и индивидуально вариативная характеристика»

¹⁰ В авторской классификации «зрелые зрелые» — люди в возрасте примерно 45–55 лет [Эпштейн, 2006, с. 50].

[Смолькин, 2019, с. 9]. Если с нелинейностью и вариативностью предложение Лаз справляется, то недискретность требует других интуиций. Здесь, как ни странно, на первый план выходит позиция самого общества относительно вопроса возраста.

«Любое общество осуществляет строгий контроль над переходом своих членов из одного статуса в другой. Что касается полового статуса, этот контроль осуществляется особенно строго. Изменения допускаются только в жестко регламентированных случаях, причем в дальнейшем они обычно рассматриваются как „временные“ и „игровые“ вариации того, чем человек „в конечном счете“ является „на самом деле“. Таким путем общество осуществляет строгий контроль над своей половой структурой и её изменением» [Гарфинкель, 2007, с. 126]. Если в этом фрагменте из статьи Гарфинкеля заменить половой статус на возраст, она всё ещё останется справедливой. Но, в отличие от смены пола, чему и посвящена работа, смена возраста оказывается попросту невозможной. Такое уникальное положение можно объяснить с самых разных позиций, но ключевое здесь то, что индивид не может изменить возраст по собственному желанию. Строго говоря, в российском законодательстве предусмотрены только три основания для смены возраста: ошибка при оформлении документов, попадание в программу защиты свидетелей и усыновление ребенка¹¹.

Все эти обстоятельства сами по себе не представляют интереса в рамках этой статьи, но особое отношение к возрасту нужно учитывать при поиске тех метафор, которые позволят говорить о сквозной теории возраста в социологии. Кроме этого, кажется важным, что «возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и разделение по часовым поясам, и если для детства она ещё оказывается эффективной, то в случае старости теряет свой предсказательный потенциал. <...> Иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять» [Смолькин, 2019, с. 9–10]. Такая угасающая сила категории возраста в её повседневном применении также должна быть учтена.

Было бы несправедливо после такого пространного рассуждения не предложить собственного кандидата на позицию базовой метафоры возраста. Сразу оговорюсь: сама по себе идея требует основательной работы с дальнейшей концептуализацией, чтобы продемонстрировать свою (не)состоятельность. Но всё-таки я её привожу, чтобы стимулировать читателей к нетривиальным способам мыслить привычные категории и пригласить коллег к дискуссии о необходимости новых оснований социологии возраста.

¹¹ В последнем случае изменение возможно до наступления возраста 1 года и с разницей не более чем на 3 месяца от фактической даты рождения. Источник: <https://agesecrets.ru/vozrast/zamena-daty-rozhdeniya-v-pasporte-skazka-ili-byt> (Дата обращения: 11.02.2024).

Выше уже приводились те характеристики, которые ассоциированы с категорией возраста: подконтрольность, недискретность, динамичность, относительность, нелинейность. Дополним их нормативностью («поведение [человека в определенном возрасте] должно соответствовать нормам» [Лаз, 2019, с. 147], а переход индивида из одного института или статуса в другой осуществляется в соответствии с возрастом [Бочаров, 2001, с. 11–12]), сконструированностью [Лаз, 2019] и необходимостью понимать возраст как целое, разделяемое на отрезки.

Не отказываясь полностью от образа вектора, упоминаемого в начале текста, но переосмысляя его через нелинейное отношение прожитых лет и тех предписаний, которые навязываются индивиду обществом, я предлагаю посмотреть на возраст как на смирительную рубашку с бесконечным количеством ремней, которая надета на человека, и с наступлением каждого нового года жизни на рубашке застегивается половина от оставшихся ремней. Метафора, безусловно, провокационная. В то же время она схватывает то стирание различий между возрастами по мере старения, на которое указывал Смолькин (чем больше человек прожил, тем больше на рубашке застегнуто ремней и тем меньше разница между предыдущим и следующим годом), учитывает невозможность отказаться от возраста или изменить его, зато позволяет притвориться человеком, который вовсе не связан по рукам, или оковы которого не настолько туго его связывают, насколько полагается его возрасту.

Смирительная рубашка явным образом отсылает к фукольдланскому производству дисциплинированных тел [Фуко, 1999], к общественным ожиданиям и нормативным представлениям [Лаз, 2019], но ещё улавливает парадоксальное изменение без изменений, которое происходит с наступлением каждого Дня рождения: я вчерашний и я сегодняшний отличаемся только тем, что теперь при ответе на вопрос «Сколько тебе лет?» требуется называть новое число, на единицу больше предыдущего. И если в детстве эти изменения могут восприниматься самим индивидом как более ожидаемые, значимые и желанные, то чем дальше, тем менее заметной становится разница между собственными соседними возрастами. Также предполагается, что чем больше времени носитель проводит в смирительной рубашке, тем больше с ней свыкается и адаптируется. Применительно к возрасту это будет значить, что несмотря на всё возрастающее количество требований со стороны общества, человек способен игнорировать посягательства на собственную автономию [Гоффман, 2019] и действовать настолько свободно, насколько это возможно.

В завершение ещё раз сошлюсь на размышление Г. Хагестада о том, что мы бы, вероятно, преуспели в единой социологии возраста, если бы социологи стали активнее рефлексировать свой собственный опыт проживания конкретного возраста и мыслить самих себя

как молодых, взрослых или пожилых, а не как тех, кому категория возраста не свойственна вообще. Тогда, возможно, социология перестала бы воспроизводить стереотипы по отношению к не-взрослым и укреплять их дискриминируемое положение в обществе, а обратила внимание на сходства между людьми разных возрастов и особенности каждого возраста.

Источники

1. Бадью, А. Истинная жизнь / Пер. с фр. В. Липки. М.: РИПОЛ классик, 2018.
2. Бергер, П. Л., Бергер, Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. М.: Академический Проект, 2004. С. 25–398.
3. Бочаров, В. В. Антропология возраста: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001.
4. Бурдые, П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
5. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
6. Гоффман, Э. Тотальные институты. М.: Элементарные формы, 2019.
7. Елютина, М. Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии, 2023, 26 (2). С. 231–248.
8. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., & Чулина И. П. Теоретические и эмпирические аспекты изучения феномена старости // Образование и право, 2023, (2), С. 307–314.
9. Лаз, Ш. Веди себя по возрасту! // Социология власти, 2019, 31 (1). С. 146–179.
10. Лихачевская, А. В. Неконтролируемая экспансия метафоры: к дотеоретическим основаниям эмпирических исследований в социологии [Диссертация]. 2023.
11. Лишаев, С. В. К феноменологии зрелости // Вестник РХГА, 2017, №3. С. 95–107.
12. Смолькин, А. А. Социология возраста и границы социального конструирования // Социология власти, 2019, 31 (1). С. 8–13.
13. Смолькин, А. А. Социология возраста // Социодиггер, 2022, 5–6 (18). С. 27–29.
14. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
15. Шмерлина, И. А. Метафора — когнитивный барьер (на примере использования понятия «институт») // Социологические исследования, 2017, №10. С. 15–25.
16. Эпштейн, М. Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Бюллетень сибирской медицины, 2006, №5. С. 48–57.
17. Hagestad, G. O. Studying Age Across Borders // Settersten, R., Angel, J. (eds.) Handbook of Sociology of Aging. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer, New York, NY, 2011. P. 651–654.
18. Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов : сб. докл. / ст. участников XV Всерос. науч.-практ. конф. в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов». Санкт-Петербург, 9–11 октября 2019 г. / сост. Н. И. Лапин, Р. Х. Салахутдинова ; отв. ред. А. В. Немировская. СПб. : «Реноме», 2019.

Alina Likhachevskaya

Metaphors in Sociology of Age and the Necessity of Pretheoretical Basis

Alina Likhachevskaya — MA in Sociology, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka) **Address:** Moscow, Gazetny Lane, 3–5, building 1. **E-mail:** alina.likhachevskaya@yandex.ru

Abstract: The lack of a consolidated framework for conceptualizing age has led to the fact that sociology of age is now a bricolage of several disparate subdisciplines that study childhood, youth and old age separately. One of the effects of this fragmentation has also been sociology's insensitivity to adulthood as an independent category rather than an auxiliary attribute of the individual. The existing age classifications simultaneously assume adults as typical, inheriting previous authorities, while at the same time adulthood and age elude sociologists' attempts to define them. Before formulating fundamental concepts that can give the sociology of age coherence, we turn to the metaphorical logics that underlie current approaches to the study of different age groups, show their political background, and then propose our own version of a conceptual metaphor that might encourage sociologists to search for new sources of heuristics.

Keywords: metaphor, age, sociology of age, adulthood, childhood, youth, old age, aging.

References

1. *Badiou A.* (2018) *La vraie vie*. M. RIPOL Classics. (In Russ.)
2. *Berger, P.L., Berger, B.* (2004) *Sociology: A Biographical Approach // Personality-Oriented Sociology / M: Academic Project: 25–398.* (In Russ.)
3. *Bocharov, V.V.* (2001) *Anthropology of age: Study guide*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. (In Russ.)
4. *Bourdieu, P.* (2007) *Sociologie de l'espace social / Translated by N.A. Shmatko*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
5. *Elyutina, M.E.* (2023) *Kontseptual'naya metafora starosti [The conceptual metaphor of old age]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(2): 231–248* (In Russ.)
6. *Epstein M.N.* (2006) *On philosophy of age. Fractal structure of life and periodic table of ages. Bulletin of Siberian Medicine, 5: 48–57.* (In Russ.)
7. *Foucault M.* (1999) *Surveiller et punir. Naissance de la prison. M.: Ad Marginem* (In Russ.)
8. *Garfinkel, G.* (2007) *Studies in Ethnomethodology*. SPb.: Piter. (In Russ.)
9. *Goffman, E.* (2019) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. M.: Elementary forms.* (In Russ.)

10. *Hagestad, G.O.* (2011) *Studying Age Across Borders* // Settersten, R., Angel, J. (eds.) *Handbook of Sociology of Aging. Handbooks of Sociology and Social Research.* Springer, New York, NY: 651–654.
11. *Laz C.* (2019) *Act Your Age.* *Sociology of Power*, 31 (1): 146–179. (In Russ.)
12. *Likhachevskaya, A.V.* (2023) *The Uncontrolled Expansion of Metaphor: Toward a Pretheoretical Basis for Empirical Research in Sociology [Dissertation].* (In Russ.)
13. *Lishaev, S.V.* (2017) *On Phenomenology of Maturity* // *Review of The Russian Christian Academy for the Humanities*, 3: 95–107. (In Russ.)
14. *Shmerlina I.A.* (2017) *Metaphor as a cognitive obstacle (exemplified by the concept 'institute').* *Sociological Studies*, 10: 15–25. (In Russ.)
15. *Smol'kin A.A.* (2019) *Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction.* *Sociology of Power*, 31 (1): 8–13. (In Russ.)
16. *Smol'kin, A.A.* (2022) *Sociology of Age* // *Sociology of Power*, 5–6 (18): 27–29. (In Russ.)
17. *Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., & Chupina I.P.* (2023) *Theoretical and empirical aspects of studying the phenomena of old age.* // *Education and Law*, (2): 307–314. (In Russ.)
18. *Conditions and methods of increasing of the activity of the youth as a subject of innovation and sustainable development of regions (2019)* Compiled by *Lapin N.I., Salakhutdinova R.H.* / Ed. *Nemirovskaya A.V.* Saint Petersburg: RENAME. (In Russ.)

Н. Яценко

Биографическое воображаемое: Джорджо Агамбен и спасение реального

Никита Яценко — магистрант Центра практической философии «Стасис», Европейский университет в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А. **Электронная почта:** nyatsenko@eu.spb.ru.

Аннотация: В статье рассмотрена попытка Джорджо Агамбена изобрести способ ухода от реального как того, что основано на экономизации жизни, полагающей жизнь в качестве набора подсчитанных фактов. В качестве альтернативы Агамбен предлагает понимать жизнь как несосчитанное. Для этого он обращается к делу о пропаже Этторе Майорана, представляя этот случай не как побег эксцентричного гения, а как единственно возможный жест проявления реального. В позднем творчестве Агамбен развивает свой подход, дополняя его концептом непрожитого, маской которого становится Пульчинелла, который не просто сбегает от экономизации жизни, а становится носителем иной, пародийной экономики.

Ключевые слова: биография, реальное, экономика, пародия, непрожитое, Пульчинелла.

Для цитирования: Яценко Н. Биографическое воображаемое: Джорджо Агамбен и спасение реального // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 22–30.

Джорджо Агамбен часто обращается к биографиям, но, казалось бы, не особо рефлексировал над тем, как их стоит разбирать, как к ним стоит подходить. Наиболее яркий пример работы с биографией можно обнаружить внутри многотомного проекта *Nomo sacer* — в нём Агамбен касается жизни Примо Леви в отношении проблемы свидетельствования. В остальном кажется, он просто упоминает тех или иных личностей в качестве объектов цитирования. При этом всё же мы можем найти как минимум одно более-менее обстоятельное размышление над биографическим вопросом, которое Агамбен позволяет себе в рамках описания своего философского метода.

В книге *Signatura rerum* (*The signatures of All things: On Method*) Агамбен описывает метод философской археологии и находит сходство между археологией и вопросом о воображении. Их сходство заключается в типе движения, которое они совершают. Агамбен пишет, что археология движется назад по ходу истории ровно так же, как и воображение по оси индивидуальной биографии. Они представляют из себя регрессивную силу, которая, однако, подобно травматическому неврозу, не регрессирует к неразрушимому истоку, но к точке, в которой история впервые становится доступной. Это соображение синонимично агамбеновскому определению анархизма, которое гласит, что «власть перестаёт существовать не тогда, когда ей не повинуются более или менее в полной мере, но тогда, когда она перестаёт отдавать приказы» [Агамбен, 2013]. Ввиду неразрушимости, монолитности истока, любая попытка его разрушить оказывается подвластной и действует в рамках доминирующей логики. Поэтому повторяющийся вопрос Агамбена состоит в том, как возможна жизнь внутри устоявшихся и нависающих над нами форм. Таким же образом вопрос ставится и в отношении истории: как сделать историю доступной, при этом не касаясь истока.

Куда чаще метод Агамбена нацелен на ход истории — и проект *Nomo Sacer* является квинтэссенцией этого подхода, в котором биографии отдельных личностей оказываются дополнениями к огромному расследованию. Но в промежутке между томами нашлось место и небольшой работе «Что реально» (*Che cos' è reale*), в которой в центр исследования помещена биография Этторе Майорана, а точнее, один конкретный случай из жизни — его исчезновение.

Этторе Майорана — итальянский физик-теоретик, принадлежал к кругу Ферми, который называл его гением. В 1933–1937 годах обучался в Германии, где среди прочего познакомился с Гейзенбергом и Бором. После обучения он возвращается на родину, где получает место на кафедре теоретической физики в Неаполе. 25 марта 1938 года, в возрасте 31 года Майорана садится на почтовое судно из Неаполя в Палермо и затем бесследно исчезает.

Прояснение пропажи Майорана является не просто попыткой разобраться, что произошло с человеком, — Агамбен открещивается

от психологизирующих, чересчур биографических интерпретаций. Агамбен пишет: Майорана представляют, как человека, почувствовавшего угрозу, которая сулит современная ему наука. Будто бы он бросил физику и сбежал в монастырь, так как раньше других понял, что наука ведёт к возникновению атомной бомбы. Такие объяснения не кажутся интересными — можно даже сказать, что в деле по пропаже, Этторе Майорана в наименьшей мере интересуется Агамбена как человек. Для Агамбена Майорана важен как концепт или даже как жест исчезновения.

Если в чём Агамбен и согласен с психологизацией Майорана, так это в том, что дело в определённом контексте, в мысли, которая окружала происшествие. Агамбен считает, что исчезновение связано с вероятностной природой квантовой физики, с возникновением которой естественный закон теряет свойство выражать неизбежную последовательность явлений, — теперь они обретают вероятностный, статистический характер. Как для Этторе Майорана, так и позднее для Симоны Вейль, проблема состояла в том, что, если мы не в состоянии с определённой уверенностью утверждать о реальном состоянии системы, если это состояние не опознаваемо — в таком случае статистические модели становятся необходимыми и подменяют собой реальность. В результате подмены вопрос сводится к интерпретации свидетельств реальности, что является опорой для дела управления.

В отсутствии определённости нашей единственной реальностью оказывается расчёт, производимый с помощью моделей. Проблема реальности и подмены её расчётами у самого Агамбена возникает в виде угрозы экономизации жизни. Случай Майорана важен для Агамбена в свете того, что возможности, потенции жизни из-за подмены расчётом сводятся к отделению жизни от своей формы и, в своём пределе, в сведениях к голой жизни — к биологическому существованию, к бытию фактом. Для Агамбена же человек не тот, кто уже случился, тем или иным образом окончательно и бесповоротно просчитан; человек — это «существо потенции, может действовать или бездействовать, добиваться успеха или терпеть неудачу, терять или обретать себя» [Агамбен, 2011]. Однако в складывающихся условиях такой человек не находит себе места, так как его судят не по потенциям, а по фактам, сосчитывая и складывая его жизнь в качестве череды удач и неудач.

В этом смысле становится понятным, почему Агамбен отказывается от интерпретаций, психологизирующих Этторе Майорана. Подобные объяснения оформляют Майорана как того, кто испугался грядущего, не выдержал давления катастрофы, которой только предстояло произойти. Одним словом, в такой трактовке Майорана проявляется в форме «эксцентричного и ненормального сарацина» [Агамбен, 2016], жалким образом сбежавшим от будущего. Это ровно то объяснение, которое только и могло возникнуть как раз в рамках

набирающей силу подменённой интерпретирующей реальности. Майорана посчитан как тот, кто в конечном итоге не смог и сбежал, — вот он факт. Агамбен пытается спасти его от такого оформления и предлагает гипотезу, которая предполагает, что это не бессильный побег, а единственно реальный выход из сложившейся ситуации. Это радикальный жест, направленный против экономизации жизни, — ведь что может быть реальнее в мире, построенном и понятом на основе статистических моделей, чем исчезновение? Только оно как раз и оказывается, по мысли Агамбена, тем, что невозможно подсчитать, о чём нельзя ничего сказать (и, следуя Людвигу Витгенштейну, о чём следует молчать). Как будто бы ответ на интерпретацию, метод воображения в отношении биографии позволяет выявить угрозу экономического, которое пытается подменить реальность. Благодаря ускользанию от расчётов, исчезновение способно найти место человеку без соприкосновения с неразрушимым истоком. Оставить исток безмолвным, лишить его возможности дробить жизнь на факты, чтобы затем суммировать их и вынести вердикт, — вот какова ставка Джорджо Агамбена в обращении к биографии Майорана.

Подобный подход оставляет в стороне историческую, «реальную» личность, давая голос воображаемому Этторе Майорана. На фоне археологического метода, применяемого к истории, Агамбен с помощью воображения представляет рассказ, делая людей персонажами и наделяя их потенцией, возможностью прожить жизнь. В этом подходе для него оказывается важным умение рассказывать истории. Агамбен пишет, что у Бахофена он научился тому, что миф — это экзегеза символа, которая может проявиться только в форме рассказа [Agamben, 2022]. Теологи, по мнению Агамбена, так плохо умеют рассказывать истории, что превратили светлый и фантастический рассказ об Иисусе в набор догм. Рассматривая догмы как факты, можно предположить, что проблема рассказа касается и истории Этторе Майорана, — и тем более её толкования. Проблема подмены реальности расчётами и экономизация жизни в современности происходит в том числе из-за того, что разучились рассказывать о неявном, о потенциальном — о том, что могло бы быть иначе или вовсе не быть. Вместо этого выбор пал на язык фактов, который отвечает за способность быть реальным, фактическим.

Научиться рассказывать истории становится одной из целей в проекте спасения Джорджо Агамбена. Этторе Майорана как определённым образом сосчитанный человек, как сбежавший трус, возможно, действительно не заслуживает спасения, — как не заслуживает спасения и современная жизнь, возникшая из вытеснения субъективного политического административным экономическим. Важно не пытаться поднять павшее, ведь это предполагает борьбу с истоком с помощью инструментов, которые сам исток и предоставляет. Но другое дело, если мы говорим о воображаемой биографии, у которой иная

цель. Её уже в своё время назвали Делёз и Гваттари, когда сказали, что воображение есть изобретение персонажей. Агамбен не только спасая творит, но и вместе с тем изобретает персонажей. И как раз необходимо изобрести иную модель экономики, которая соответствовала бы Этторе Майорана не как личности, а как персонажу. Персонажу, являющемуся пародией на себя самого.

Почему именно пародией? Дело в том, что для самого Агамбена пародия противоположна вымыслу. Суть вымысла состоит в том, что он ставит под сомнение реальность своего объекта. Вымысел стоит на страже экономического. Ведь рассказ об исчезновении Майорана как революции против статистических моделей может быть признан выдумкой и существовать в роли забавной истории или теории заговора, ведь всем известна реальная история сбежавшего гения. Майорана становится персонажем сугубо литературного жанра в мире, в котором не умеют рассказывать истории. Пародия же «не ставит под сомнение реальность своего объекта, объект становится, наоборот, так невыносимо реален, что приходится как раз удерживать его на дистанции. „Как если бы“ вымысла пародия противопоставляет своё резкое „ещё бы не так“ (или „не иначе как“» [Агамбен, 2014]. Пародия, таким образом, претендует на то, чтобы в некоторой степени быть реальнее самой реальности, находясь на пороге с вымыслом, — она становится для экономизирующей реальности настолько невыносимой и неудобной, что заставляет молчать.

Как пародия предполагает иную модель обращения к реальности в соотношении с вымыслом, так и должна быть иная, пародийная экономика, которую как раз и предлагает Агамбен в своём методе. Агамбен в своей пародийной, иной экономике занимается перераспределением реального, решает, что может быть определено в качестве реального, а что должно быть отброшено. Правда, сам Агамбен должен быть пережить трансформацию, которая позволила бы ему заниматься новой экономикой реального. Ведь не всякий Агамбен (точнее, не на каждом отрезке своего творчества) подходит на эту роль — проблема кроется в той позиции, которая занимается в отношении биографии.

Наиболее отчётливо эту проблему можно увидеть в одном из томов проекта Homo Sacer, «Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель», посвященного вопросу свидетельств. Особенно интересен момент, в котором Агамбен демонстрирует работу археологического метода и начинает с того, что представляет этимологию слова «свидетель». Он пишет, что в латыни есть два слова для обозначения свидетеля. В качестве наиболее релевантного для исследования Агамбен выбирает слово *superstes* (выживший), указывающее на «того, кто пережил нечто, прошёл до самого конца какое-то событие и поэтому может свидетельствовать о нём» [Агамбен, 2012]. Это слово важно ещё тем, что предлагает недостаточную нейтральность,

которая была бы важна в судебном процессе. Нейтральность же как раз подразумевает второе слово — *testis*. Оно обозначает фигуру, вступающую в роли третьей стороны «в процессе или в споре между двумя противниками» [Агамбен, 2012]. Слово *testis* было упомянуто и затем забыто — ведь оно не имело ничего с опытом Леви и других свидетелей. Апеллирование к биографии в этой работе — это обращение к предельному опыту, пережитому до конца. Фигура же *testis*, чьим фокусом является судебная функция, основанная на сборе фактов, предполагает отсутствие реальности пережитого. *Testis* не прожил, поэтому достаточно нейтрален, чтобы вынести вердикт.

Superstes и *testis*, казалось бы, соответствуют опыту жизни и её обнищанию. Ведь то, что было пережито до конца, третьей стороной учитывается в суде лишь в форме фактов, что имеет схожесть с упомянутой выше экономизацией жизни. Однако, проблема кроется в том отношении, которую предполагает свидетель-*superstes*. Ведь пережитый опыт опирается на то, что всё было реально. В этой модели воображение — это то, что свойственно заключенным, которые превратились в мусульман и «перестают замечать реальные причинно-следственные связи между явлениями, подменяя их бредовыми фантазиями» [Агамбен, 2012]. Обращаясь к теме свидетельства, Агамбен не находит места для воображения и для пародийного, которые заметны в поздних работах. Более того, быть комичным — значит позволить себе стыд превратить в удовольствие, отказаться от дисциплины и игнорировать необходимость быть субъектом собственной субъективации. Подобное отношение с неизбежностью оказывается трагическим, ведь опирается на действия, которые в сумме своей составляют прожитое реальное. И таким же трагическим кажется Агамбен, когда законно предлагает не комически воображая, а реально отнестись к свидетелю — выбрать не *testis*, а *superstes*. Оставаться серьёзным в невыносимых условиях.

Более поздний Агамбен не согласен с подобным мнением о себе. По собственному признанию, он полон надежды, которая отыскивается в отчаянном положении [Smith, 2004]. И попытка комично относиться к трагической жизни и к катастрофам наиболее полно выражена в дальнейшем творчестве Агамбена, в котором представлена возможная фигура пародийной экономики — Пульчинелла, персонаж, который продолжает линию пародии. Именно этот шут совершает иной подсчёт реального, избегая необходимости совершить окончательный выбор и удерживая себя между трагическим и комическим ощущением мира.

Можно предположить, что комичность Пульчинеллы является возвращением самого Агамбена к принципам иной, пародийной экономики — ведь ещё в 1977 году, в работе «Станцы» (*Stanzas: word and phantasm in Western culture*), была осуществлена критика Карла Маркса. Одним из главных пунктов этой критики было то, что Маркс

остаётся слишком утилитарным (а потому и серьёзным) в своём отказе от меновой стоимости в пользу потребительной. Маркс в интерпретации Агамбена оказывается трагическим персонажем, из-за чего «от внимания Маркса ускользает возможность взаимоотношений с предметами, выходящих за рамки и использования потребительной стоимости, и накопления стоимости меновой» [Agamben, 1993]. Ощущение отчуждения как катастрофы и попытка его приструнить, свести до потребления, не позволяет Марксу обратиться к фетишу как абсолютному товару, находящемуся по ту сторону потребительной и меновой стоимости; точно так же Маркс не может посмотреть на отчуждение как на высшую степень владения вещью, как об этом уже ранее писал Гегель. В итоге, отказ от упрощения реальности и расхождение между потребительной и меновой стоимостями, манифестированные ещё в прошлом веке, оказываются возвращены в творчестве Агамбена в качестве Пульчинеллы, который, будучи пародийным персонажем, изобретает свою экономику.

Случай Пульчинеллы ещё важен тем, что в его отношении Агамбен интенсифицирует тот подход, который он применил к биографии Этторе Майорана. Это такая же история персонажа на фоне катастрофы и переживания им приближающихся трагедий. Пульчинелла, однако, иначе относится к грядущему: «Для меня новый мир — штука старая, я его уже сто пятьдесят раз видел, а то и больше» [Агамбен, 2021]. Более ранний корпус работ можно скорее отнести к критической части, к определению status quo без внятной программы по выходу из сложившегося положения. В позднем же творчестве Агамбена проходит красной нитью необходимость иначе относиться к современности и к тому, что за ней грядёт. Подобное отношение предполагает отказ от прожитого как реального, как того, что было, и непрожитого, которое нам дано лишь в качестве того, что не случилось в жизни и теперь лежит тяжким грузом, — того, что трагически явлено в виде характера, «запечатлев на лице узнаваемый след». Таким же образом необходимо удерживать себя от непрожитого как от фантазма — непрожитого как недостижимого. Для Агамбена важно, что «Пульчинелла ускользает и от того и от другого: от характера — потому что он отказывается от лица в пользу маски, и от фантазма — потому что полагается исключительно на свою детскую забывчивость» [Агамбен, 2021]. С помощью воображаемой биографии Пульчинеллы Агамбен удерживается по ту сторону обеих возможностей. Он предпочитает «возможность-не»: не стать ни тем, ни другим, а любым, а потому и специальным.

На протяжении творческого пути Агамбен вместе с развитием археологического метода обращается к индивидуальным биографиям, постоянно додумывая их. Этот выход за пределы устоявшейся биографии позволяет ему увидеть господство «реального». И для того, чтобы противостоять реальному экономическому, он сначала с

помощью воображения в отношении биографии утверждает исчезновение как реальное. А затем доводит реальное до непрожитого, чтобы полностью отбросить *bios* и из голой определённой подсчитанной жизни выйти в форму-жизни, какую-то жизнь.

Библиография

1. *Agamben, G. Che cos' è reale. La scomparsa di Majorana. Vicenza: Neri Pozza Editore, 2016.*
2. *Agamben G. Quel che ho visto, udito, appreso. Torino: Giulio Einaudi Editore, 2022.*
3. *Agamben G. Stanzas: word and phantasm in Western culture (tr. Ronald L. Martinez). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.*
4. *Agamben G. The signatures of All things: On Method (tr. Luca D'Isanto with Kevin Attell.). New York: Zone Books, 2009.*
5. *Smith J. "I am sure that you are more pessimistic than I am...": An interview with Giorgio Agamben. Rethinking Marxism, 2004. Vol. 16, No. 2, pp. 115–124.*
6. *Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012.*
7. *Агамбен Дж. Профанации. М.: Гилея, 2014.*
8. *Агамбен Дж. Пульчинелла, или Развлечения для детей в четырех сценах. М.: Носорог, 2021.*
9. *Агамбен Дж. Форма-жизни. М.: Художественный журнал. № 81, 2011*
10. *Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Grundrisse, 2013.*

Mykyta Yatsenko

The Biographical Imaginary: Giorgio Agamben and the Salvation of the Real

Mykyta Yatsenko — master's student at «Stasis» Center for Practical Philosophy, European University at St. Petersburg. **Address:** St. Petersburg, Gagarinskaya st., 6/1, A. **E-mail:** nyatsenko@eu.spb.ru

Abstract: This article examines Giorgio Agamben's attempt to invent a way of escaping the real as something that is based on an economization of life that believes life to be a set of counted facts. As an alternative, Agamben proposes to understand life as uncounted. To do so, he turns to the case of Ettore Majorana's disappearance, presenting this case not as the escape of an eccentric genius, but as the only possible gesture of the manifestation of the real. In his later work, Agamben develops his approach, supplementing it with the concept of the unlived, whose mask becomes Pulcinella, who does not simply escape from the economization of life, but becomes the carrier of a different, parodic economy.

Keywords: biography, real, economy, parody, unlived, Pulcinella

References

1. Agamben, G. (2016) Che cos' è reale. La scomparsa di Majorana. Vicenza: Neri Pozza Editore. (In It.)
2. Agamben G. (2011) Form-of-life. M.: Moscow Art Magazine. № 81. (In Russ.)
3. Agamben G. (2014) Profanations. M.: Hylaea. (In Russ.)
4. Agamben G. (2021) Pulcinella: Or Entertainment for Children. M.: Nosorog. (In Russ.)
5. Agamben, G. (2022) Quel che ho visto, udito, appreso. Torino: Giulio Einaudi Editore. (In It.)
6. Agamben G. (2012) Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive. M.: Publishing house Europe. (In Russ.)
7. Agamben, G. (1993) Stanzas: word and phantasm in Western culture (tr. Ronald L. Martinez). Minneapolis: University of Minnesota Press.
8. Agamben, G. (2009) The signatures of All things: On Method (tr. Luca D'Isanto with Kevin Attell.). New York: Zone Books.
9. Agamben G. (2013) What Is a Command? M.: Grundrisse. (In Russ.)
10. Smith J. (2004) "I am sure that you are more pessimistic than I am...": An interview with Giorgio Agamben. Rethinking Marxism. Vol. 16, No. 2, pp. 115–124.

Д. Ю. Сивков

Как работать с дневниками?

Денис Юрьевич Сивков — кандидат философских наук, доцент Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–6, стр. 1. **Электронная почта:** sivkov-dyu@universitas.ru.

Аннотация: В обзоре круглого стола «Как работать с дневниками?», проходившего в МВШСЭН в рамках конференции «Биографическая коллизия: теория метод и нарратив», представлена ветка дискуссии, посвященная проблеме контекстуальности написания, чтения и исследования дневников.

Ключевые слова: социальные исследования, эго-документ, дневник, редаKTура, стиль.

Для цитирования: Сивков Д. Ю. Как работать с дневниками? // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 31–35.

На конференции «Биографическая коллизия: теория, метод и нарратив» я организовал круглый стол «Как работать с дневниками?». Лично меня, антрополога космоса, интересовала работа с дневниками как этнографическими источниками. Антропология космоса так или иначе ограничена тем, что исследователь не может реализовать *being there* — важное требование этнографической объективности непосредственного присутствия. Поэтому социальные исследователи изобретают другие методологические средства и подходы. Американская исследовательница-антрополог Деббора Батталья предложила рассматривать дневники космонавтов и астронавтов как своего рода полевые дневники [Battaglia, 2012]. Действительно, эти датированные отчеты из длительных орбитальных экспедиций содержат достаточно подробное насыщенное описание космической повседневности, рефлексии и даже попытки концептуализации тех или иных социальных феноменов. При чтении дневников меня интересовали вопросы: можно ли личные биографические записи считать источником этнографических данных? Как в личных переживаниях заметить какие-то социальные и исторические закономерности? Что способствует тому, что исследователи доверяют или не доверяют дневникам? Более того, мне хотелось знать, что толкает людей вести и потом публиковать эго-документы?

В общем, мне хотелось с разных перспектив узнать, как работать с дневниками: как вести дневник, как читать и как изучать. Конференция предоставила такую возможность, и я предложил коллегам собраться в формате круглого стола и попробовать ответить на эти вопросы.

Я сознательно пригласил «разношерстную компанию» экспертов. Во-первых, позвал Алексея Екайкина, гляциолога и полярника из Арктического и антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ). Он много лет участвовал в экспедициях в Антарктиду, где вел дневники. На встрече Алексей говорил, что лёд, который исследуют гляциологи, — это тоже своего рода дневник, документ, свидетельствующий о различных событиях в истории нашей планеты. Во-вторых, я предложил участвовать историку Михаилу Мельниченко, руководителю Центра изучения эго-документов «Прожито» в Европейском университете Санкт-Петербурга. Михаил — ведущий специалист по дневникам в РФ. Он инициатор составления цифровых корпусов биографических текстов. Кроме того, Михаил и его коллеги регулярно публикуют дневники по той или иной тематике [Ломагин, Павловская, 2022]. Наконец, я пригласил коллегу-социолога Ивана Александрова из Московской высшей школы социально-экономических наук. Иван, будучи историком-африканистом по первому образованию, интересовался с социологической перспективы, как можно работать с опубликованными дневниками советских специалистов по Африке.

В ходе представления и дискуссии всплыло несколько сюжетов и тем. Я хотел бы обратить внимание на генеральную линию в наших медитациях. Один из дневников Алексея Екайкина был опубликован в альманахе издательства Paulsen [Екайкин, 2011]. Это были впечатления от поездки по континенту на вездеходе «Харьковчанка». Специалист-гляциолог вёл «литературный» дневник специально для публикации. При этом параллельно он вёл ещё один дневник, более личный. Алексей сказал следующее: «У меня из этой экспедиции есть ещё дневник „для себя“, который, наверное, не такой литературный, грубый, неотесанный, с матюгами и так далее. То есть два параллельных текста. Один опубликован, это не дневниковый стиль, а репортажный, скорее. И есть какой-то там параллельный дневник для самого себя, где, ну, наверное, всё то же самое, только вполне с какими-то, может быть, личными подробностями и эмоциями. Лишними эмоциями».

Случай Алексея поставил вопрос о том, какой дневник лучше, правдивее, интереснее — подготовленный или тот, что более личный. Дальше разговор коснулся темы цензуры, правок, авторской и редакторской работы со стилем. Что если сам автор или его наследники не хотят при публикации, чтобы некоторые чувствительные моменты становились всеобщим достоянием? Михаил Мельниченко отметил, что в практике публикации появились компромиссные решения: «Но вот для меня самым приемлемым, не скажу желанным, но приемлемым и не мучающим меня стилистически, вариантом редакторской работы с текстом является сокращение. Причем сокращение, уровень которого прописан в преамбуле и демонстрируется, где у нас это сокращение сделано. То есть в тексте остается значок, помечаящий, что здесь какая-то часть информации была выпущена. Вот это такое компромиссное решение. Да, мы скрыли, но мы не скрываем, что мы скрыли».

Иван Александров, основываясь на опыте работы с личными документами советских африканистов, предложил эпистемологическое решение, основанное на понимании контекста. Нужно отдавать отчет, кем, где и когда был создан дневник, при каких обстоятельствах он публиковался и может быть прочитан. По словам Ивана, «когда мы работаем с дневником, который на этом воображаемом спектре находится в значительном отдалении от нашего модельного варианта дневника, мы задаем другие вопросы по типу, которые, может быть, в меньшей степени связаны с непосредственным содержанием, но могут быть связаны с институциональным контекстом, в котором этот дневник появился. Почему он был издан? Кто его читал?». В случае Ивана дневники, изданные в советское время и после Перестройки разительно отличаются, даже если речь идёт об описании одних и тех же событий.

Михаил Мельниченко добавил также, что, с учетом контекста, в самом дневнике видно, что авторы хотят добавить что-то от себя.

Например, у подростков Оттепели был такой особый кураж, когда они как будто хотели выше головы прыгнуть на письме дневников. Это похоже на «момент, когда в маршрутке у тебя звонит телефон, ты начинаешь с кем-то разговаривать, и при этом ты понимаешь, что ты настолько на кураже и ты так остроумно что-то сейчас отвечаешь, что ты начинаешь говорить громче, для того чтобы понравиться, чтобы тебя слышала вся маршрутка. Это действительно часто включается в дневники, особенно в подростковые дневники, когда ребенком овладевает кураж по описанию всего, что вокруг него. И он начинает „врубать“ или большого писателя, или великого мыслителя. Но мы можем доверять этому документу, если мы поймем, кому автор хочет понравиться».

В продолжение дискуссии я спросил у Алексея, есть ли у него воображаемый читатель, для которого полярик пишет. Алексей ответил следующее: «Как раз слушал сейчас ваше рассуждение и думал о том, насколько я честен в своих дневниках. Не хочу ли я самого себя лучше изобразить или приукрасить действительность, в расчёте на то, что этот дневник когда-нибудь кто-нибудь прочтет? Хотя я никогда не писал с расчётом, что кто-то его прочтет. Это реально для себя психотерапия, в том числе. Пережёвываешь что-то в этом дневничке, и потом легче становится».

Эта неопределённость в ответе Алексея в отношении того, для кого пишется дневник, своего рода невозможность думать оппозициями и выбирать одну из возможностей, привели меня к такому выводу в дискуссии: «У антропологов очень много рефлексии было по поводу собственного мифа о чистоте всего: поля, дневника и данных, которые ты привозишь. Ну в общем нет никакой чистоты. Грязные, загрязнённые документы, в которых наследили все, включая редактора, это не так уж и плохо, и с этим как раз нужно и можно работать. Дошло до меня что, оказывается, может быть, не стоит думать о такой чистоте». Действительно, смысл работы с дневниками и другими эго-документами для автора, редактора, читателя и исследователя может заключаться в работе со следами и всякого рода загрязнениями.

Литература:

1. Battaglia D. Coming in at an unusual angle: Exo-surprise and the fieldworking cosmonaut // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. No 4. P. 1089–1106.
2. Екайкин А. Сезон 56-й РАЭ на станции Восток // *Полярный альманах*. М.: Paulsen, 2011. С. 122–131.
3. Ломагин Н.А. (ред.), Павловская А. Ю. (сост.) «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника. СПб.: Издательство Европейского университета в СанктПетербурге, 2022.

Denis Sivkov

How to Work with Diaries?

Denis Sivkov — PhD in Philosophy, lecturer at Moscow School of Social and Economic Sciences.
Address: Moscow, Gazetny Lane, 3–5, building 1. **E-mail:** sivkov-dyu@universitas.ru.

Abstract: In the review of the round table «How to Work with Diaries?» held at the conference «Biographical Collision: Theory, Method and Narrative» at the Moscow State University of Social Sciences and Technology, a branch of the discussion devoted to the problem of contextualization of writing, reading and researching diaries is presented.

Key words: Social studies, ego-document, diary, editing, style.

References

1. *Battaglia D.* Coming in at an unusual angle: Exo-surprise and the fieldworking cosmonaut // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. No 4. P. 1089–1106.
2. *Ekajkin A.* (2011) Sezon 56-j RAE na stancii Vostok // *Polyarnyj al'manah*. M.: Paulsen. S. 122–131. (In Russ.)
3. *Lomagin N.A.* (red.), *Pavlovskaya A. YU.* (sost.) (2022) «YA znayu, chto tak pisat' nel'zya»: Fenomen blokadnogo dnevnika. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v SanktPeterburge. (In Russ.)

ВОСПРИЯТИЕ ПРОШЛОГО

В прошлом номере журнала мы опубликовали четыре текста: выдержки из дневников и воспоминаний разных людей [Григоренко, 2024, Галицкий, 2024, Козлов, 2024, Дмитриева, 2024]. Они относятся к разным периодам XX века, их действие разворачивается в разных регионах страны. Один из этих текстов — дневник, остальные — воспоминания. Объединяет эти тексты интерес потомков к прошлому своих семей. Потомки сохранили записи, они подготовили их для публикации, часто они являлись инициаторами написания воспоминаний. Так проявляется одна из функций зафиксированной памяти — быть инструментом самоидентификации человека в настоящем через сопричастность с жизнью предков. Жизнь, не выхолощенной до страниц учебника истории или строчек на памятнике, но по-настоящему живой. Но это же является причиной личного отношения публикатора к документу.

Мы предложили высказаться по поводу этих текстов экспертам, работающим с эгодокументами, Кирилла Новикова и Александра Кобеяцкого. Получилась дискуссия о роли и значении таких текстов для настоящего, о многомерности и неоднозначности их интерпретаций. Прошлое никуда не ушло. Мы живем прошлым и в прошлом, потому важно не отрицать, не отстраняться, не игнорировать пометы казало бы минувшего. Позволим прошлому быть рядом, отзовёмся на слова людей, которых давно нет, но которые есть, жизнь которых продолжается в нас. Мы не архивисты, не объективные учёные, не безучастные наблюдатели. Мы современники, носители того искреннего личного знания, которое теплится в семейных историях, продолжает жить в нашем эмоциональном отклике.

Литература

1. Григоренко, Т.Д. Ветер судьбы. Главы из книги // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 137–145.
2. Галицкий, Б.А. Эвакуация. Дорога от Смоленска до Коканда // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 149–159.
3. Дмитриева Е.К. Музей моей памяти // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 179–191.
4. Козлов А.Л. Дневники: фрагменты о Москве // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 167–178.

К. Е. Новиков

Теплота в холодном пространстве

Кирилл Евгеньевич Новиков — кандидат философских наук, доцент кафедры Международной политики и зарубежного регионоведения РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1, **Электронная почта:** kepovikov@yandex.ru.

Аннотация: Опыт исследования внутреннего мира и художественного кредо советского мемуариста, для которого описание скитаний по огромному и недружелюбному пространству (пассивная Одиссея) в поисках человечности и теплоты становится способом изобразить два портрета — свой и эпохи.

Ключевые слова: советские мемуары, путевые заметки, автобиографический нарратив, советский герой.

Для цитирования: Новиков К.Е. Теплота в холодном пространстве // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 37–44.

Жители улиц прячутся в щели,
Жадные двери знают, куда.
Кто тебя слышит, кто тебе верит?
И несут тебя злые поезда.
Спи, солдат.

Леонид Федоров, группа «Аукцион»

Стиль и память

Коллективная память, как следует из названия, — это совокупность общих воспоминаний, разделяемых группой. Общая идентичность народа во многом строится на общих мемах: цитаты из старых фильмов и стихотворений, заученных в школе, имена исторических деятелей, известных певцов и так далее. Общность группы обычно подкрепляется ритуалами: праздниками, минутами молчания, повседневными обычаями — всем тем, что позволяет отличить «своих», отсылая к общему прошлому. Всё это неотъемлемые части коллективной памяти, но она этим не исчерпывается. Существует ещё один пласт, лишённый публичности ритуала или вездесущности мема. Это воспоминания родителей и их родителей, которые становятся частью семейных историй и существуют как через устные рассказы, так и через дневники, мемуары, фотографии, письма и другие документы, что хранятся дома в старых папках или пылятся на чердаках. Коллективность воспоминаний здесь не поддерживается искусственно через ритуалы, она существует благодаря единству их предмета — общего прошлого, которое проживали люди ушедших и уходящих поколений. Семейные предания становятся частью коллективной памяти, когда мы узнаем свою бабушку в воспоминаниях чужой бабушки. Такая память — бесценный источник для историка, поскольку позволяет не только разглядеть детали прошедших эпох, но и реконструировать сознание людей, ставших их свидетелями.

Тексты, представленные в прошлом номере этого журнала, как раз таковы. Это воспоминания людей, представленные в виде мемуаров или художественных рассказов о пережитом. Герои этих текстов находились в описываемые годы в разных возрастных группах — раннее детство, детство, отрочество или юность, но все они были молоды, а описали свой опыт уже в зрелом возрасте. Ни один из текстов не обладает выраженными достоинствами художественной литературы, но это-то и ценно, поскольку отсутствие авторской индивидуальности позволяет лучше рассмотреть структуры коллективного бессознательного. Авторы текстов определённо имеют нечто общее в характере и мировоззрении, например, усидчивость, последователь-

ное трудолюбие и желание поделиться своим скромным опытом с окружающими. Словом, для того чтобы стать мемуаристом, не будучи участником грандиозных исторических событий, нужно обладать особым складом личности, исключающим лень и излишнюю самокритику. Тексты стилистически настолько похожи, что порой можно легко перепутать одного автора с другим:

«Молодая женщина ходила по наймам добывать себе и пятилетней девочке кусок хлеба. Отца нет. В маленьком приисковом посёлке работы нет, беспросветная нужда и безнадежность».

«Я вернулся с вокзала. Мама отдохнула. Я ей говорю: „Испеки чего-нибудь хлебного. У нас есть ржаная мука“. — „Но нет ни дрожжей, ни закваски, ведь ничего сделать нельзя“. — „Да замеси, что будет, и поставь в печку, посмотрим“».

«А если бы снегу теперь. Полное небо снегу. Чтобы летел он хлопьями. Пушистыми и нежными. И под ногами не хрустит — мягко... Ни несчастье, и ни безысходность».

Эти три фрагмента принадлежат трём разным авторам, но читаются как один текст: короткие рубленные фразы, призванные придать словам эмоциональность и выразительность, общий ритм повествования и, разумеется, общее настроение тоски и безнадёжности. В текстах перед нами предстает главным образом соединение двух базовых стилей, усвоенных в советской школе. Во-первых, это язык букваря и учебника по русскому языку, составленный из апробированных штампов: «Солнце светит, но не греет», «Усталые, но довольные мы возвращались домой» и т. п. Тексты изобилуют такого рода описаниями: «В лесу было тихо, только перекликались люди, да время от времени стучали по дну пустого ведра, пугая хозяина леса, медведя, чтобы он подальше уходил», «Достигаем самой верхней точки и замираем: колесо останавливается, и мы тихо покачиваемся. Мне очень страшно и, одновременно, радостно». Во-вторых, это русская литература из школьной программы с её неизбежным «хождением по мукам»:

Есть что-то глубоко гнетущее в каменных колодцах дворов и серых лабиринтах запутанных московских переулков. Что-то ужасающее и безысходное. Похожее на свинцовую рябь петербургских каналов и на мелкие грязно-серые волны блоковской Невы. Ещё хуже, когда гнетёт внутри. Щемит, сосёт. Тоска. Тоска неумолимая и бесконечная.

Разумеется, не все тексты пропитаны некрасовской бытовой скорбью и блоковским экзистенциальным отчаянием. Есть вполне оптимистичные сочинения, как, например, описание детства девочки из

хорошей московской семьи. И всё же перед нами общий стиль поколения, получившего стандартное советское образование и усвоившего связанное с ним представление о хорошо написанном тексте. Это писали думающие и читающие люди, погружённые в общую культурную и социальную реальность. Словом, перед нами действительно открывается окно в коллективное бессознательное людей, чьё детство и юность пришлось на 1910–1950-е годы со всеми тяготами и радостями эпохи.

Пассивная одиссея

Тексты повествуют в основном о путешествиях. Это может быть путешествие в Среднюю Азию в эшелоне с эвакуированными, или сплав по сибирской реке, или прогулки по Москве, но герой так или иначе перемещается в пространстве, причём делает это чаще вынужденно, чем по собственной воле. Пространство это описывается в основном как чужое, холодное и недружелюбное:

«Вдали показался островок, где река раздваивалась. По одному из рукавов плот понесло все быстрее и быстрее. Шум превратился в рёв. Реку зажало меж скал как в колодце. Вода металась, бросалась из стороны в сторону, перекатывая свои бешеные волны через плот... Отчиму удалось повернуть плот и обогнуть страшную скалу. Волны стали утихать, перекат кончился. Это был перекат Людоед. Его никто не переплывал. Он не пропускал никого безнаказанно из вторгавшихся в его владения. Но над ними он смилостивился, хотя без дани не остался. Все, что было на плоту, смыло водой, и ягоды, и вещи».

«Опять стучат колеса. Поезд. На этот раз не дальнего следования. Серпухов — Москва. Помню: на крыше скорого Владивосток — Москва. Тесно, все крыши заняты спекулянтами, ворами или такими же бродягами, как я. Ночами холодно. Холодно так, что выть хочется. Но средство согреться только одно: сжимать и сжимать зубы».

«Поезд двигался медленно, потому что пути были старые, заброшенные. Впереди шел помощник машиниста и проверял состояние пути, а поезд тянулся за ним со скоростью пешехода. К ночи эшелон остановился в длинной лощине. Слева и справа высокие откосы. Темно. Паровоз остановился. Там погасили огонь. По всему составу пробежали люди и предупредили: «Костры не разводить, чтобы было темно». И наш эшелон немцы нигде не бомбили, а эшелон, который шел за нами, разбомбили».

Встреча Сибирской Девочки с чудовищной скалой по имени Людоед кажется фрагментом из «Одиссеи», но коллективный герой здесь, как представляется, далеко не Одиссей. Царь Итаки двигался к цели, которую сам себе поставил, хоть и кружным путем, и время от времени наказывал зарвавшихся чудовищ. Путешествующий герой из советских воспоминаний гораздо более пассивен. Он не едет, его везут. Он лишь уклоняется от грозящих опасностей, если повезёт. Для Студента бродяжничество на попутных поездах — сознательный выбор, но цель — не конечная станция, а само движение, которое описывается как бегство от бессмыслицы и пустоты собственной жизни. Физическое перемещение компенсирует отсутствие социальных перемен:

«Отчего, собственно, мечешься? Оттого, что не живёшь в полную силу, а только какой-то сотой, тысячной частицей себя. Остальное идёт прахом. Пассивно жить не хотим, а по-настоящему активно — не умеем. Отсюда всё и идёт. А надо уметь. Уметь жить по-настоящему активно. Так, чтобы не чувствовалось своего бесплодия».

Самым страшным, разумеется, оказывается путешествие Мальчика, попавшего в эвакуацию. Его поезд медленно движется по воюющей стране, соблюдая правила ночной маскировки, обитатели вагонов разбредаются на каждой остановке, надеясь найти какую-нибудь еду, позади них взрывают мосты, эшелон, шедший следом, уничтожают немецкие самолеты, а впереди — неизвестность. Однако Мальчик рад переменам:

«Я вытащил ключи от нашего дома и забросил их. Ура — мы уже дома не будем жить».

Для него происходящее не трагедия, а большое приключение, и в итоге он получит свою награду — увлекательное знакомство с совершенно новым миром, где тепло, растут удивительные растения, а люди следуют странным обычаям. Но и его, точнее взрослого автора, вспоминающего о путешествии Мальчика, охватывает печаль, связанная с собственным бессилием. Аральское море, часть волшебной страны его детства, где можно было наконец досыта поесть, уничтожено бесхозяйственной властью:

«Потом, через многие годы, благодаря совершенно неправильному подходу к Аральскому морю, желанию завоевать звёзды героев у первых руководителей Узбекистана, Туркестана и так далее, которые хотели во что бы то ни стало повысить урожаи хлопка, стали запахивать огромные новые площади, забирая воду из рек Сырдарья и Амударья, впадающих в Аральское море. В результате Аральское море стало высыхать. Корабли, которые там плавали, сели на мель, погибли. Озеро

невероятно уменьшилось. Люди, которые веками жили за счет рыбы, остались без источника существования. А на оголенном дне лежала соль. Поднялись соляные бури, которые разносились по всему огромному безлюдному пространству. Стали тогда думать, как увеличить подачу воды в это озеро. Придумали посыпать угольной пылью ледники, чтобы больше воды таяло, запутались окончательно и погубили Аральское море. Секретарь Узбекистана Рашидов и другие стали героями социалистического труда. Это уже было при Брежневев».

Советский герой в отличие от Одиссея не пытается вернуться домой, от которого выбросил ключи. Мотив оставленного жилища предков, где было хорошо и уютно, практически отсутствует в текстах, видимо оттого, что особого уюта там тоже не было. Пассивный герой наблюдает смену странных картин и не имеет над ними никакой власти. Счастливое детство Московской Девочки, опасные странствия Сибирской Девочки, мытарства Студента и поездка Мальчика-эвакуанта описываются как наваждение или сон. Осмысления событий не происходит, поскольку во сне невозможно обобщать, можно лишь смотреть на всё новые образы, возникающие из подсознания.

Герой и холод

Одним из постоянных факторов дискомфорта в текстах выступает холод. Даже там, где про него нет ни слова, он как будто присутствует:

«Когда Миша уехал в Севастополь, то его зимнее пальто, купленное на велосипедные деньги, перешло ко мне. А до этого у меня было пальто, которое мы достали с большим трудом. Стояли в очереди, хватали что попало, и схватили демисезонное пальто. Оно оказалось девичьим. Конечно, мне было неудобно, но деваться было некуда, приходилось в нём ходить».

Порой к чисто бытовому, погодному холоду добавляется ощущение социальной изоляции, хотя таковая может иметь разную природу. Сибирская Девочка живёт в глухих местах, Московская Девочка боится рынка, где её обсчитали, Студент ненавидит обывателей, которые пытаются в этом мире жить в своё удовольствие:

«Походил по Москве — рябит в глазах. От показной и ненужной роскоши, от заплывших рож и от двойных подбородков, от приторного смеха довольных мещан и от насквозь продажных лиц торговцев золотом и телом. Рябит в глазах. А в груди кипит злорада: мужик вот

с этими, жирными, тупыми животными, с этими жаждущими наслаждений жизнью и комнатной тишины, мужик вот с этими, тварями будет строить коммунизм?!?»

Разумеется, с людьми, желающими жить хорошо, коммунизма не построить, и от этого у Студента холодно на душе, множатся душевные муки, а текст, посвящённый его страданиям, начинает казаться комментарием к Достоевскому.

Но холод отступает перед теплом человеческих отношений, взаимопомощи и глубокой солидарности людей, попавших в тяжелое положение. Мальчик во время остановки эшелона забегает в сторожку железнодорожника и видит большую семью за обедом — у них на столе целая сковорода жареной картошки. Он хочет обменять картошку на сахар, а его зовут поесть вместе с ними. Он отказывается, потому что не может сам есть, зная, что мать сидит в вагоне голодная. Он будет с благодарностью вспоминать гостеприимство узбеков, которые кормили беженцев пловом, дали им кров и работу. Бывшая Московская Девочка на всю жизнь запомнит любовь своего деда и других родичей. Даже мизантропичный Студент с теплотой говорит о своих товарищах по институту. Сталкиваясь с трудностями, люди держатся друг за друга и изо всех сил пытаются поступать правильно. Показательно, что проявления человеческой солидарности запомнились всем авторам.

В мировоззрении авторов присутствует некоторая двойственность. С одной стороны, они не сомневаются в правильности моральных выборов, которые делали они сами и их близкие, с другой стороны, они сожалеют, что вовремя не научились жить и, возможно, идти на компромиссы с собственными принципами. Особенно это заметно по тексту про эшелон с беженцами. Мальчик ещё долго будет сожалеть, что не поел тогда картошки. На одной из станций красноармеец предложил ему обменять фонарик на новенькие американские ботинки. Мальчик не отдал фонарик, потому что это был подарок друга, а ценности ботинок он тогда ещё не понимал. Ориентируясь на детские ценности, от отказался от выгодного обмена, а фонарик у него позже всё равно украли. Точно так же мать Мальчика не взяла в брошенном магазине два куска сыра, потому что всё ещё держалась за довоенные принципы.

Столкновения ожиданий с реальностью надолго запоминаются. Кинотеатр, в который любила ходить Московская Девочка, снесли, обещали восстановить, но не восстановили. Потом появился другой кинотеатр в другом районе с тем же названием, но он был совсем не похож на старый, Девочка почувствовала себя преданной. На стенах мясного магазина она с удивлением рассматривает схему раздела козлятины, ведь козлятины в продаже никогда не бывает. Зачем же она здесь? Очередной обман? Сибирская Девочка нашла жёлтый камень,

решила, что это золото, и размечталась о кукле и новом платье, а камень оказался самым обыкновенным. Но герои текстов ещё слишком молоды, они мечтают, и мечты помогают преодолеть разочарования. Московская Девочка очень расстроена, что чёрные тюльпаны оказались не чёрными, а фиолетовыми. Но ничего, она вырастет большой, станет ботаником и вырастит настоящие, чёрные тюльпаны. А вот приятель Студента по фамилии Каверин по обыкновению «закроет глаза и станет мечтать о коммунизме». Так могли бы вести себя каверинские персонажи из «Двух капитанов». Уж не наделил ли автор персонажа говорящей фамилией? Мечты, как известно, тоже согревают, и герои рано учатся уходить в себя, выстраивая барьер между собой и холодом внешнего мира.

При всех индивидуальных различиях, люди, описавшие то время, как будто выстраивают один мозаичный текст, складывающийся в портрет эпохи, где бытовые тяготы сочетались с человеческой теплотой, солидарностью и верой в светлое будущее. Огромное, холодное и недружелюбное пространство, по которому скитались герои текстов, стали частью нашей коллективной памяти и, возможно, коллективного сознания всего общества, к которому мы принадлежим.

Kirill Novikov

Warmth in a cold space

Kirill Novikov — PhD in Philosophy, associate Professor, Department of International Politics and Foreign Regional Studies, RANEPА. **Address:** Moscow, Vernadsky Avenue, 82/1. **Email:** kenovikov@yandex.ru.

Annotation: The experience of exploring the inner world and the artistic credo of the Soviet memoirist, for whom the description of wandering through a huge and unfriendly space (a passive Odyssey) in search of humanity and warmth becomes a way to create two portraits — his own and the XX century.

Keywords: Soviet memoirs, travel notes, autobiographical narrative, Soviet hero.

А.В. Кобеляцкий

Успеть спросить о прошлом

Александр Валерьевич Кобеляцкий — журналист-фрилансер, историк по образованию. Соавтор книг «Ивановы. История знаменитой спортивной семьи» (2017), «Люди 1920-х годов. Вопреки утопии» (2024). **Электронная почта:** kobe2001kobe@yandex.ru.

Аннотация: Авторский взгляд на возникший интерес к мемуарам людей, принадлежащих к различным общественным группам. Подчеркивается важность сохранения рукописного и устного наследия предшествующих поколений как для потомков семьи автора, так и для историков. Высказывается предположение, что интерес к прошлому — свойство зрелых граждан, набравшихся жизненного опыта. Дается оценка опубликованных в журнале «Пути России» (2024, №1) воспоминаний Анатолия Козлова, Елены Дмитриевой, Бориса Галицкого и Тамары Григоренко.

Ключевые слова: эго-документы, семейная история, повседневная жизнь, воспоминания, дневники, журналистика, Москва, мемуары.

Для цитирования: Кобеляцкий А.В. Успеть спросить о прошлом // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 45–49.

Когда меня попросили высказаться об опубликованных в прошлом номере журнала «Пути России» воспоминаниях, я поначалу хотел отказаться. Действительно, что может добавить к мнению более достойных и знающих ученых мужей бывший журналист с некоторым опытом книгоиздания?! Однако, поразмыслив, решил взяться за работу. Профессия журналиста сродни работе историка-биографа. Ему постоянно приходится иметь дело с людьми, их прошлым и настоящим: брать интервью у незнакомых персон, выяснять подробности их прошлого, работать с историческими источниками. Для любого профессионального журналиста обязательен живой интерес к людям. Впрочем, у меня было некоторое преимущество перед коллегами — навыки, приобретенные в ходе работы под руководством профессора Николая Ивановича Павленко. Я защищал у него диплом о жизни одного из «птенцов гнезда Петрова».

Мы живем в эпоху микроисторий, сторителлинга, подкастов и клипов, где главное — эмоции и эмпатия героев или собеседников. Наряду с официальными документами, личной и служебной перепиской, печатными изданиями, воспоминания непосредственных участников событий давно занимают достойное место в корпусе исторических источников. Их можно сравнить с яркими нитями, которыми исследователь расцвечивает грубую ткань документального повествования. Конечно, эти нити можно спутать или просто порвать — такое уже бывало прежде. Зато современный уровень развития техники дает больше возможностей для сохранения памяти о былом. Если не на каком-то далеком облачном сервисе, то в виде изображений, аудио- или текстовых файлов домашних компьютеров. Про бумагу тоже забывать не стоит.

На верхнем ряду одной из наших книжных полок стоят трехтомные мемуары Никиты Хрущева. Добросовестно их прочитал, но не уверен, что когда-либо вернусь к ним в поиске истины. А вот блокадные дневники простых ленинградцев вновь и вновь приковывают к себе внимание, поскольку рассказывают о стойкости людей, повествуют о высотах и безднах человеческого духа.

Признанных гигантов среди мемуаристов — раз-два и обчелся. Авторы знаменитых дневников и того меньше. Сразу приходят на ум знаменитые братья Гонкуры и Жюль Ренар, англичанин Сэмюэль Пипс, наши соотечественники — Лев Толстой, Дмитрий Милютин, Владимир Теляковский. В довоенный советский период ведение дневника становится опасным — он может оказаться важным оружием в допросном арсенале «товарищей» из ЧК / ГПУ / НКВД. Так случилось, в частности, с дневником вернувшегося из Харбина «сменовеховца» Николая Устрялова, который убедил себя в конечной победе большевизма. Следовательно подчеркнул в нем записи, указывающие на местоположение дачи Сталина. Дневник Корнея Чуковского в 1930-е годы утрачивает яркость, присущую ему десятилетия-

ем раньше. Михаил Пришвин от острых вопросов повседневного бытия постепенно смещается к описаниям окружающей природы. Дневник нумизмата Алексея Орешникова обрывается с его смертью в 1933 году, москвич Иван Шитц прекращает записи и находит возможность отправить дневник за границу.

В создавшемся вакууме важную роль приобретают поденные записи и воспоминания обычных людей, ранее звёзд с неба не хватавших. Они чутко воспринимают происходящее вокруг, прислушиваются к мнению окружающих. Да, они сосредоточены на семейных проблемах, учебе или работе, здоровье близких, мелких передрыгах. Обретают голос выучившиеся грамоте рабочие и крестьяне, рассказывают о себе инженеры и железнодорожники, геологи и строители, пионеры и медработники.

Неожиданно выясняется, что и у них интересная жизнь! А еще они сообщают важные для историка подробности. Елена Константиновна Дмитриева, к примеру, описывает стадион «Динамо» и расположенные рядом с ним (ближе к современному ТТК) пруды. Мне сразу же ярко представляется эта картина, поскольку и я ходил на этот стадион, но не с бабушкой, а дедушкой. Помню аллею с фонтанами, ведущую от центрального входа вниз, к Малой арене, росшие вокруг раскидистые каштаны, пруды с глинистыми берегами, в которых судомоделисты запускали свои корабли, и расположенный поблизости бассейн. После войны семья моего отца ютилась в крохотной комнатке на улице Марины Расковой: дедушка каждый день отправлялся на работу на завод «Знамя труда», отец — на тренировку. Сначала на стадион «Юных пионеров», затем — в гимнастический зал под трибунами «Динамо». Они проходили мимо красивого особняка Судакова (его упоминает Дмитриева как «охотничий домик»), на месте которого сначала возникла асфальтированная автостоянка, а ныне вырос карикатурный уменьшенный «Эмпайр Стейт Билдинг».

Так воспоминания связывают между собой совершенно незнакомых людей, воссоздают топографическое пространство, обезображенное застройщиками и властями города. Они пригодятся последующим поколениям, заинтересованным в поиске собственных корней. Инструменты для исследований уже есть: это и архив старых фотографий rastvu.com, и проекты prozhito.org и memuarist.com, публикующие различные воспоминания.

Мне кажется, что человек начинает интересоваться прошлым — своей семьей, дома, страны — в более зрелом возрасте, когда с опытом у него возникают конкретные вопросы к устройству окружающего мира, появляется потребность в самоидентификации. Во время учебы на истфаке МГПИ имени Ленина на рубеже 1970-80-х годов мы тоже не задавались этими вопросами, заученно повторяя мантры из учебников по истории КПСС и СССР. Но порой что-то нарушало заведенный порядок вещей. К примеру, на экзамене по советской истории один

из наших преподавателей, проигнорировав вопрос о книге Брежнева «Малая земля», попросил спеть «Вставай, страна огромная».

Теперь понимаю: прорваться сквозь повседневность и зашоренность сознания позволяют семейные воспоминания. Кому вы поверите: официальной точке зрения, талдычащей из каждого утюга о том, что в стране было самое вкусное мороженое, или рассказам своих предков об очередях за хлебом в конце 1939 года?

Опубликованный в журнале «Пути России» рассказ Бориса Абрамовича Галицкого об эвакуации из Смоленска в начале Великой Отечественной войны поражает обыденностью, фотографической фиксацией немислимых в мирное время поступков. И в то же время цельностью характеров героев, которые не могут преступить собственные нравственные нормы. Например, взять с полок брошенного персоналом молочного магазина головки вкусно пахнущего сыра, который помог бы пережить голодные дни. Официальные сводки тех месяцев, скрывая масштаб катастрофы, умалчивают о массах людей, бегущих подальше от надвигающейся линии фронта. За кадром остаётся и охватившая население паника, и посильная помощь местных властей. В дневнике же мы читаем как на вокзал Смоленска, который вот-вот захватят немцы, подаются открытые платформы для эвакуации жителей, а в Пензе прибывших подвергают спасительной санобработке.

В Коканде, где завершается железнодорожный анабасис мемуариста, беженцев ожидает радушный прием. Но так было не у всех. Поэт Юрий Ряшенцев, рассказывая об эвакуации в Оренбург, часто употреблял прозвище «выковырянные», которым «награждали» приехавших в город уроженцев иных мест.

Конечно, приходится считаться с аберрацией изображенной мемуаристом реальности, вызванной давностью событий. Давно замечено, что особой «дальнозоркостью» обладают дети. Воспоминания Тамары Даниловны Григоренко наглядно иллюстрируют эту аксиому. Мне в них запомнился не полный драматизма сплав через страшный пережат, прозванный Людоед, а долгая череда дней, которые девочка проводила одна-одинёшенька, дожидаясь искавших золото родителей у холодной печки и наблюдая за бегавшими по полу серыми длинноносими мышами. Более сытыми, чем она.

Работа исследователей с эго-документами в чем-то сродни с титаническими усилиями китайских археологов, раскапывавших терракотовую армию императора Цинь Шихуанди. Как же все были потрясены, обнаружив первые ряды грозных воинов! Но затем из тьмы веков стали проступать все новые и новые фигуры со своим особым выражением лиц, в различных раскрашенных доспехах. Несколько статуй вряд ли бы позволили потомкам составить всеобъемлющее представление об эпохе всесильного властителя. Целая армия — другое дело.

Можно использовать и более близкий соотечественникам пример.

Мемуары Лазаря Кагановича, Анастаса Микояна, Вячеслава Молотова, Климента Ворошилова, Никиты Хрущева и прочих сталинских царедворцев, несомненно, позволят составить представление о его правлении. Но не дадут представления о существовавшей за стенами Кремля реальности. О том, как жили наши бабушки, дедушки, отцы и матери, можно узнать только у них самих. Главное — успеть.

Alexander Kobelyatsky

Have time to ask about the past

Alexander Kobelyatsky is a freelance journalist and historian by education. Co-author of the books «The Ivanovs. The story of a famous sports family» (2017), «People of the 1920s. Contrary to Utopia» (2024). **E-mail:** kobe2001kobe@yandex.ru.

Annotation: The author's view of the emerging interest in the memoirs of people belonging to various social groups. The importance of preserving the handwritten and oral heritage of previous generations is emphasized both for the descendants of the author's family and for historians. Author suggested that an interest in the past is a property of mature citizens who have gained life experience. An assessment is given of the memoirs of Elena Dmitrieva, Boris Galitsky and Tamara Grigorenko published in The Journal of Russian Social Research and Ethnography (2024, No. 1).

Keywords: ego documents, family history, daily life, memoirs, diaries, journalism, Moscow, memoirs.

Имена, истории, архивы

Памяти

Г. С. Батыгина (1951–2003)

Л. А. Козлова

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

Лариса Алексеевна Козлова — кандидат философских наук, руководитель сектора социологии науки Института социологии ФНИСЦ РАН, заместитель главного редактора «Социологического журнала». **Адрес:** Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35 корп. 5. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru.

Аннотация: О вкладе Геннадия Семёновича Батыгина в историю российской социологии, в само социологическое сообщество (через подготовку аспирантов, совместную работу с коллегами, переводческую деятельность) рассказывает его супруга и коллега Лариса Алексеевна Козлова. Личное интервью проведено О. Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, Институт социологии РАН, методология социологических исследований, история российской социологии.

Для цитирования: Козлова Л. А. «Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным» / Интервью провела О. Б. Солодовникова // Пути России. 2024. Том 2. № 2. С. 51–65.

Лариса Алексеевна, Вы долгое время трудились вместе с Батыгиным, поддерживали его и как коллега, и как жена. Я прошу Вас рассказать о событиях той жизни, связанных с Геннадием Семеновичем, которые Вам наиболее памяты.

О Батыгине опубликовано много воспоминаний — учеников, коллег, которые нередко были и его друзьями. Пусть такие воспоминания и остаются главными в летописи его жизни, т.к. самое значительное место в ней занимала именно научная работа и всё с ней связанное. К тому же, признаться, мне публичные воспоминания о Геннадии Семеновиче до сих пор даются непросто. В первую очередь потому, что в этом контексте для меня общественное, то есть профессиональное, и личное нераздельны... Но вот сейчас все же что-то расскажу Вам, отвечу на Ваши вопросы... Но прежде хочу выразить свою большую признательность Дмитрию Рогозину, инициировавшему эту книгу памяти к 20-летию со дня смерти Геннадия Семеновича, Вам, всей его команде за ваш труд по её созданию! А также всем коллегам, кто поделился воспоминаниями!

Один из парадоксов: обладая бесспорным экспертным статусом в социологии, Батыгин оставил после себя не так много научных работ. Как Вам кажется, с чем это связано?

Думаю, что вряд ли это парадокс, скорее естественное следствие личностных ценностей и установок в сфере профессии. Геннадий Семёнович был абсолютно книжным человеком, я бы сказала, человеком логоцентрической культуры. Такое его свойство пришло из детства. Из-за болезни сердца многие школьные годы он провел дома, в постели, и при этом постоянно читал. Впоследствии к печатному слову, особенно научному, относился с особым пиететом. Даже максималистски, что, по-моему, вполне оправданно. Напечатанный научный текст для него был чем-то вечным — «рукописи не горят». Батыгин не относился к тем, кто, поймав творческое вдохновение или вспомнив о приближающейся отчетности, может набело изложить свои взгляды и тут же, не перечитывая текста, отправить его в журнал. Что греха таить, такое встречается нередко. Знаю об этом не понаслышке, работая в «Социологическом журнале»: мы такие статьи, разумеется, заворачиваем, но они регулярно приходят, это факт. Батыгин принадлежал к совсем другой научной культуре. Он долго вынашивал замысел, обдумывал логику и структуру текста, тщательно оттачивал словесное выражение мыслей, доводя рукопись до необходимой кондиции. Для него, литературного человека, имел значение даже фонетический строй текста: если текст «благозвучный», то его смыслы становятся более прозрачными для читателя. Научное текстонаписание Батыгин считал сродни искусству и стремился им

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

овладеть... У Геннадия Семеновича была расхожая шутка, выражающая его отношение к горе-авторам: некто внес большой вклад в науку тем, что не опубликовал свой труд.

Другая причина «парадокса», о котором Вы спрашиваете, — в том, что Батыгин был постоянно занят — студентами, аспирантами, своим институтским подразделением, журналом. Времени для написания собственных трудов у него оставалось мало. Конечно, об этом можно только сожалеть. Тем не менее Батыгин написал большое количество статей и несколько книг по методологии, теории и истории социологии, под его редакцией вышли монографии и переводы.

Расскажите о его главных работах.

Главными, видимо, стоит считать книги — авторские или вышедшие под редакцией Батыгина, которая никогда не имела формального характера. Эти книги многими прочитаны. Поэтому я расскажу только о некоторых фактах из истории их создания, связанных с ними своих впечатлениях.

В монографии «Обоснование научного вывода в прикладной социологии» [Батыгин, 1986], пожалуй, выражены основы всей методологической программы Батыгина. В ней, несмотря на строгую рационалистичность изложения, серьезность предмета и обязательную дань «диалектико-материалистической методологии социального познания», с которой автору пришлось начать свои рассуждения, по сути, он выступает против порожденного Новым временем сциентистского отношения к социальной реальности, против разделения «истин разума» и «правды жизни». Об этом он недвусмысленно пишет в заключительной части книги «По ту сторону шкал», признаваясь, что кое-что главное в книге, подчиненной жестким правилам методологического рассуждения, осталось не досказанным, но что хотелось сказать автору. Речь идет о необходимости выхода нашей науки за жесткие приемы и схемы эмпирической социологии, так как даже от самого изолированного измерительного инструментария ускользает нечто важное, касающееся жизненных реалий. Это сближает социологию с литературой, в которой большими авторами без применения научных методов очерчиваются сложнейшие социологические проблемы. О литературоцентризме — естественном начале отечественной социологии — и его значении для постижения общественной жизни, о необходимости развития языка социологии, развитии междисциплинарных подходов Батыгин будет много думать и писать в своё последнее десятилетие. Но уже в этой монографии, приведу одну цитату, он метафорически приглашает увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным, предлагая «взглянуть на проблему социологического познания извне, выйти в области пограничные, туда, где пересекаются светотени и пролегает линия контраста

между наукой и ненаукой, линия, лишь издали кажущаяся жёсткой и непроницаемой. Преодолев тесный часток кол шкальных значений и процентов, мы получим возможность встать на точку зрения той самой жизни, которую социология берется изучать и даже обучать» [Батыгин, 1986: 265]. На подобной точке зрения в течение десятилетий пытаются стоять направления, развивающие качественные методы, междисциплинарные исследования общественной жизни. Главным в создании «эпистемологического автопортрета» социологии Батыгин считает не столько использование ее бесспорно необходимого инструментария (ведь «списывание людей с натуры» в социологии невозможно), сколько «авторское освоение мира»¹. Иными словами, без освоения мира никакой изошренный измерительный инструментарий не способен подвести социолога к сути общественных проблем, поставить на «точку зрения жизни»...

Трепетное отношение Батыгина к языку, интерес к лингвистике — откуда это взялось? С чем было связано?

«Откуда это взялось» уже сказано выше: видимо, из детства. Не думаю, что Геннадий Семенович интересовался лингвистикой самой по себе. Став социологом, он начал осознанно заниматься лингвистическими проблемами в связи с языком социологии. В Шанинке он преподавал «Практическую стилистику и литературное редактирование» — курс, посвященный тонкостям профессионального написания социологических текстов. Для молодых специалистов такой курс был очень полезен! (После смерти Батыгина Теодор Шанин попросил меня вести этот курс, что я и делала в течение нескольких лет. Но со сменой факультетского руководства курс сократили, а жаль! Не знаю, преподают ли в Шанинке нечто подобное сейчас.) Геннадий Семенович понимал, что написание научных работ требует своей дидактики — этому же нигде не учат. Поэтому обучение молодежи считал своей задачей, но и сам все время старался совершенствовать стиль своего письма.

Конечно, Батыгин использовал наработки филологов, социолингвистов и весь комплекс лингвистических дисциплин не только в преподавании. Интерес к языку никогда не отрывал его от основной профессии. Геннадий Семёнович видел, как много значит текст, слово для самой социологии, для создания и выражения социологических смыслов.

¹ На «литературность» методологии и научного стиля Геннадия Семеновича как социолога обращал внимание Борис Докторов, который сам в последние два-три года погрузился в подобную методологию, исследуя биографии социологов, деятелей культуры в плоскости автоэтнографии. Свои работы он публикует на сайте Проза.ру.

Вернемся к главным работам.

Свои методологические идеи, заявленные в книге 1986 года, Батыгин продолжил развивать в известной монографии «Лекции по методологии социологических исследований» 1995 года [Батыгин, 1995]. Но «Лекции» я упомяну не для того, чтобы остановиться на их содержании, а в связи со связанной с ними историей.

Батыгин планировал эту книгу переиздать. Но на все уговоры заинтересованных лиц сделать это, ничего не меняя в тексте, не соглашался. Я думаю, что мысленно он переработал книгу от корки до корки, но до письменного варианта дело не дошло, не успел. В итоге издательство «Аспект-Пресс» самостоятельно выпускало монографию дополнительно к первоначальному тиражу в 3000 экз., а в 2008 году ее с моим предисловием переиздал Российский университет дружбы народов. Мы пошли на это, потому что монография была востребованной и потому, что ее первый вариант опубликовал сам Геннадий Семенович.

Так вот, в связи с «Лекциями» уже после смерти Батыгина произошла одна история, по поводу которой мне хотелось бы объяснить. Одной из его книг, точнее, ее «прообразу», не суждено было выйти в свет, и это полностью моя ответственность. Речь идет о другом курсе лекций.

С самом начале 2000-х Батыгин впервые читал свой новый (и последний) авторский курс лекций по методологии социологических исследований в МВШСЭН. Кто-то из слушателей сохранил аудиозаписи, и у них появилось желание их опубликовать. Попытка подготовить распечатки к публикации мне как редактору и научному сотруднику показала, что они требуют скрупулезной авторской расшфровки — огромного количества поясняющих гиперссылок, перевода устной речи в письменную без потери и искажения первоначальных авторских смыслов, авторского языка и стиля. И т. д. и т. п. Убедена, что это мог сделать сам и только сам Геннадий Семенович. Важно добавить, что к тому же среди аудиозаписей не было первой лекции, в которой говорилось об авторских замыслах курса, которая была его квинтэссенцией.

У меня нет сомнения, что Геннадий Семенович, случись у него желание опубликовать лекции, значительно переработал и даже полностью переписал бы их для печати. Однако планов по публикации у него и не было. Батыгин собирался включить некоторые идеи этого курса в переработку монографии 1995 года. Именно об этом он говорил сам. Зная все это, я не имела морального права подвергать память Геннадия Семеновича каким-либо репутационным рискам. Доводы некоторых коллег, что «после смерти автора его труды принадлежат не ему, а всем», считаю неудовлетворительными. За отказ от публикации аудиозаписей некоторые слушатели МВШСЭН выразили мне своё

сожаление и даже осуждение. Пришлось это выдержать, поскольку моя позиция, не изменившаяся и сейчас, исходит из знания критериев, которые Батыгин предъявлял к своим работам. Хотя, разумеется, и я сожалею, что тексты лекций, прочитанных им в последние годы и ставших результатом многолетних размышлений, не оказались на уровне, позволяющем их опубликовать...

Не могу не вспомнить сборник «Российская социология шести-десятих годов в воспоминаниях и документа» [Российская..., 1999]. Она стала результатом проекта, идея и методология которого принадлежали Батыгину. В чём ценность этого сборника? Этой весьма внушительной книгой, включившей воспоминания сейчас уже ушедших представителей 1960-х — и так называемых «шестидесятников», и научной номенклатуры — было открыто направление по изучению истории нашей социологии на основе биографического метода, а также внесен заметный вклад в исследование ее послеоттепельного периода. Биографикой давно занимались в других отечественных науках. Но в социологии крупной работы такого жанра тогда еще не было.

Несколько лет мы посвятили этому направлению в нашем секторе социологии науки, когда Геннадия Семеновича уже не было с нами (затем переключившись на изучение истории российской социологии другими методами). Вначале 2000-х создалась небольшая «группа по интересу», участники которой находились в постоянном виртуальном контакте, обсуждая волновавшие нас методологические вопросы историко-биографического исследования применительно к истории российской социологии. В нее входили питерец А. Н. Алексеев, москвички Н. Я. Мазлумянова и я, а также американцы российского происхождения — Б. З. Докторов и Д. Н. Шалин. Иногда подключался Д. М. Рогозин. Нами было написано немало статей. Позже Борис Докторов создал целую галерею из более чем 200 биографий социологов — представителей разных поколений, написал крупные работы по методологии историко-социологических исследований. Думаю, что идеи Батыгина и наши тогдашние обсуждения послужили столь заметному научному результату, каким является докторовский проект. Это крупный задел для историков российской социологии будущих поколений. Было бы только кому заниматься историко-социологической тематикой, учитывая сегодняшний неоправданно слабый интерес к эволюции собственной науки!

Еще упомяну программу переводов, которую вёл Геннадий Семенович. Во второй половине 1990-х нам представилась редкая удача: Фонд «Общественное мнение» предложил программу по изданию переводов западных источников по социологии, — разумеется, с финансированием. Конечно, мы не могли отказать, и за несколько лет были подготовлены несколько переводов по методологии социологических исследований. Батыгин для большинства книг выступал научным редактором, но в любом случае переводы выходили под его

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

полным патронатом. Назову их: Миллс Ч. Р. «Социологическое воображение» (1998); Уолтон Д. «Аргументы Ad Nominem» (2002); Садмен С., Брэдберн Н. «Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований» (2003); Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. «Как люди отвечают на вопросы: когнитивный подход к проектированию массовых обследований» (2003); Шютц А. «Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии» (2003); Гофман И. «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» (2004).

Издание перевода Ирвинга Гофмана [Гофман, 2004] пришлось завершать мне. Но сначала мы с Батыгиным год-полтора бились над сличением переведенного текста с оригиналом для выявления неточностей и ошибок, над приведением перевода к единому стилю и понятийному аппарату, — по сути, к выработке единого научного языка перевода. Дело в том, что работа Гофмана довольно объемная, ее переводили 4 или 5 переводчиков — каждый немного на свой лад. Видимо, причина в том, что язык автора богатый и живописный, насыщенный разнообразной лексикой, аллюзиями, метафорами и другими художественными приемами. А главное, гофмановский понятийный аппарат отличается особенностями: многие понятия и концепты многозначны, то есть на протяжении книги употребляются в разных смыслах, и, напротив, концепты с одним и тем же смыслом обозначаются разными словоформами. Методология квантования социальных взаимодействий в повседневном микромире Гофманом не разработана. Дмитрий Шалин как-то остроумно подметил, что если гарфинкелевская этнометодология — это «метод в поисках теории», то драматическая социология Гофмана — это «теория в поисках метода». Да и теорией в традиционном смысле слова из-за многозначности понятий и метафоричности языка ее назвать можно только с натяжкой. В общем, сличение и редактирование «Анализа фреймов» было адской работой! Но мы успели закончить собственно текст вместе с Геннадием Семеновичем... А после на мою долю остались именной и предметный указатели, а также издание книги. Над предметным указателем, занявшим более 30 страниц, разбираясь с гофмановским понятийным аппаратом, я просидела не меньше трех месяцев. Да и после ухода Геннадия Семеновича никакое другое дело в голову не шло, а как бы продолжалась совместная работы...

Можно ли сказать, что выбор Батыгина больше вкладываться в поддержание сообщества, а не в свои собственные исследования, был осознанным?

Ваша интуиция верна, но, скорее, частично. Вкладываться в дела сообщества было, с одной стороны, сознательным выбором на основе внутреннего чувства долга, а с другой — отчасти вынужденным, так

как такой выбор диктовал всё увеличивавшийся объем обязательств перед коллегами и делал Батыгина, по его отзывам, «заложником» этих обязательств. Львиная доля времени у Геннадия Семеновича уходила на те виды деятельности, которым он действительно придавал большое значение: работа с научной молодежью, создание своей школы, развитие научных коммуникаций, издание журнала, участие в экспертной деятельности и т. п. Ведь в том, что касалось преподавания, редактирования журнала, участия в ученых советах, он был связан обязательствами перед слушателями и коллегами. А в своем творчестве он был обязан только самому себе, отвечал только перед собой, поэтому занимался им, когда мог. Помнится, что Батыгин был благодарен издателям, если они заказывали у него тексты, жестко ставя сроки сдачи и тем самым заставляя отложить другие дела. Такое положение я не назвала бы полностью добровольным выбором, хотя он и был осознанным. Просто так сложилось, так обстоятельства легли на повышенную ответственность и перфекционизм Батыгина. Если бы в сутках было не 24 часа, а 48, он написал бы намного больше.

Но, думаю, своё время Батыгин не считал затрачиваемым напрасно, поскольку его вклад в повышение научного уровня социологического сообщества, в которое входят и студенты, и специалисты, тогда был очень ощутимым. Из его углубленных в каждую тему отзывов о диссертациях можно было бы составить «сборник аналитических статей». К сожалению, собрать эти отзывы не представляется возможным. Когда Батыгин выступал на ученых и диссертационных советах, где обсуждались доклады, диссертации, к его мнению неизменно прислушивались. Иной раз оно было решающим. Это ведь очень сильная и влиятельная вещь: авторитет, который поддерживается не статусом человека, а его реальной компетентностью. Он мог покритиковать коллегу, основываясь на своих знаниях и будучи совершенно свободным от пристрастий и лицемерия, которые порождаются преклонением перед научными чинами. В этом он был бескомпромиссным — никакие статусы на него не влияли. Сейчас, по-моему, этого нам не хватает.

Хотя, замечу, что студенты и аспиранты оставались той группой, к которой он относился по-отечески, т. е. был более осторожен в критике: если молодому человеку прямолинейно указать на его незнание или неумение, это может загубить ростки будущего ученого. У Геннадия Семеновича за все время было около 30 аспирантов, которых он подготовил к защите. И к каждому воспитаннику он относился трепетно, боясь навредить, чтобы каждый из них успел расправить крылышки, почувствовать, что он в силах что-то сделать. Можно говорить об избирательном отношении Батыгина к разным представителям нашего сообщества: со зрелыми и состоявшимися он часто был критичен, а с молодыми — осторожен и деликатен. Но никогда не забывал отмечать достижения тех и других. Вместе с тем не секрет, что

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

некоторые взрослые коллеги обижались на него из-за нелицеприятной критики или «непонимания». Может, и по сей день обижаются...

Вы бы назвали его неформальным лидером своего круга?

Наверное, не только своего круга, но и шире. В каком-то смысле это именно так, потому что его формальный статус был высоким, но, скажем, обыкновенным: доктор наук, профессор, заведующий подразделением института, факультета социологии — ничего потрясающего воображение. Он был лидером, конечно, не за счет своих регалий. Коллеги говорили мне: «Геннадий Семёнович — настоящий профессор», с ударением на слове «настоящий». Или еще: «Батыгин плохого не посоветует», подчеркивая, что его консультации и даже критика всегда по делу. Он был профессором — в старинном смысле этого слова, то есть по своей квалификации, компетентности, степени взаимного уважения со стороны коллег и учеников. Одна из студенток назвала его «тихим харизматиком».

Могли бы Вы привести пример того, как Геннадий Семёнович работал со своими магистрантами и аспирантами?

Я уже что-то рассказывала на эту тему... Например, был у Геннадия Семёновича аспирант, который давно стал прекрасным специалистом, — Денис Глебович Подвойский. Они вместе работали в РУДН на факультете социологии. Денис Глебович преподавал историю и теорию социологии и одновременно писал диссертацию — совершенно самостоятельно, буквально сам с собой рассуждая на теоретические темы. Коллег, которые могли бы руководить его научными интересами и самой работой, на кафедре не находилось, но нашёлся Батыгин. Я помню, как-то Геннадий Семёнович пришёл домой с огромной авоськой, набитой толстыми папками. Спрашиваю: «Что же это такое?». Он в ответ: «Вот Денис Глебович написал диссертацию, ему хотелось выразить себя, так как он был вдохновлён этой работой». В самом произведении, во всех этих папках было страниц 900 печатного текста, я воскликнула: «Неужели ты будешь этим заниматься? Это же невозможно!». А Батыгин говорит: «Это талантливый человек, надо его поддержать, помочь ему защититься». Он потом всё читал, правил, редактировал, наставлял Дениса Глебовича, как сделать текст соответствующим требованиям диссертации... Подвойский в итоге защитился — всё у них получилось и, конечно, совершенно заслуженно. Чуть позже они даже написали совместный учебник по истории социологии [Батыгин, Подвойский, 2004]; завершал его издание уже один Денис Глебович. Учебник был переиздан в 2007 году... Это характерный пример: Батыгин не мог пройти мимо талантливого человека, не поддержав его.

По-моему, уникальный случай произошел с Дмитрием Рогозиным. В 2000 году он был слушателем методических лекций Батыгина в МВШСЭН. Геннадия Семеновича в числе прочего тогда интересовал когнитивный подход к формированию методов и техник социологического исследования. В частности, его привлекала возможность исследования опросного инструментария как коммуникативной среды между респондентом и социологом, анализ которой предоставляет возможности для совершенствования инструментов опроса и, соответственно, повышения качества полученных данных. В лице Рогозина он нашел соратника, которого глубоко заинтересовал этой темой. На базе Фонда «Общественное мнение» им удалось провести экспериментальное методическое исследование, на основе которого Дмитрий Михайлович в 2002 г. издал известную многим книгу «Когнитивный анализ опросного инструмента» [Рогозин, 2002]. В ней описаны логика, методы, процедуры когнитивного анализа, показано, как можно тестировать вопросник с помощью техник такого анализа. Это, конечно, было весьма примечательное событие. Но еще более удивительным стало то, что под научным руководством Батыгина Рогозину в том же году удалось защитить кандидатскую диссертацию с одноименным названием, причем миновав этап обучения в аспирантуре. Не знаю точно, но возможно, он оформлял статус соискателя, чтобы выйти на защиту. Но это — чисто формальная вещь, не имеющая отношения к самому факту столь стремительной и успешной защиты! Были ли в российской социологии подобные случаи?

Фактически все подопечные Батыгина выходили на защиты и защищались. Другое дело, что среди них иногда встречались аспиранты, которые хотели получить ученую степень, видимо, руководствуясь конъюнктурными соображениями. Геннадий Семёнович, коль скоро становился их научным руководителем, и для таких аспирантов делал все, чтобы вывести их на защиту. Однако его труды не всегда вознаграждались: спустя время становилось ясно, что кто-то из бывших подопечных уходил из науки, кто-то пребывал в ней лишь формально. Но надо сказать, что таких было немного...

Был ли у самого Геннадия Семёновича кто-то, кого он воспринимал как своего учителя?

На эту тему он немного говорил в интервью конца 1990-х годов, которое брала Н. Я. Мазлумянова [Батыгин, 2003]. Там он называл в числе тех, кто повлиял на его становление, некоторых преподавателей философского факультета МГУ, который окончил в 1974 году: это психолог Петр Яковлевич Гальперин, философ античности Валентин Фердинандович Асмус. В них Батыгина больше всего привлекали преподавательские манеры, стиль изложения. Историка марксизма Георгия Александровича Багатурию он оценивал как одного из лучших преподавателей

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

марксистско-ленинской философии в МГУ, потому что тот читал не доктринёрские, а проблемные курсы, затрагивая социологическую тематику в ту пору, когда никакого отделения социологии ещё не существовало. А кроме того, что было очень близко Геннадию Семеновичу, он показывал, как со временем изменялись идеи Маркса. По сути, это была история идей, хотя такое словосочетание тогда мало кто знал.

Батыгин очень хорошо отзывался об Игоре Васильевиче Бестужева-Ладе, к которому попал в отдел, едва переступив порог Института социологии. Он говорил о Бестужева-Ладе как о наставнике, который помогал ему обживать в научной среде, публиковать первые статьи, давал мудрые житейские советы. Батыгин всегда вспоминал его с благодарностью. Но такого учителя, который бы направлял Геннадия Семёновича в мире социологических знаний, не было. Во всяком случае, я о таком не слышала. Батыгин всё больше учился сам, по книгам. Безусловно, он был восприимчив к научным знаниям, достижениям и навыкам коллег, которые его окружали. Но главного учителя в собственном смысле слова у него не было.

Вероятно, это связано с тем, что и сама социологическая школа ещё только формировалась.

Скорее, тогда не нашёлся старший коллега, чьи научные интересы совпадали бы с батыгинскими. Он, что называется, с младых ногтей интересовался методологией социологических исследований, но не с точки зрения развивавшихся тогда статистических методов. Напротив, ему хотелось «преодолеть тесный частокол шкальных значений и процентов», «встать на сторону жизни», о чем он писал в своей книге. В 1970–1980-е годы его исследовательская оптика была по-своему новаторской, так как, не отрицая значения математических построений, «посягала» на исследование человеческой субъективности, ускользающей от измерительных инструментов. Ведь тогда пространство российской социологии заполнилось поисками математических методов для «конкретных социологических исследований». А Батыгин в социологии, по сути, всегда оставался философом и гуманитарием.

Видимо, отчасти поэтому к концу 1990-х годов Геннадий Семёнович занялся не менее «сомнительным» и непопулярным делом — изучением истории отечественной социологии, в частности, периодом, как тогда считалось, абсолютного перерыва в развитии этой науки (её «запрета») в конце 1930-х — начале 1960-х годов. История отечественной социологии стала его второй главной темой.

Откуда интерес к 1930-м, в общем-то, «глухим» для социологии годам?

Уточню, что конкретно по документальным источникам Батыгин исследовал 1940–1950-е годы. Они, как и 1930-е, были не настолько

«глухими», как их представляет наша устоявшаяся историография истории социологии, созданная в основном школой Г.В. Осипова. С утверждением, что до начала 1960-х годов в стране социологической мысли не существовало, Батыгин решил поспорить. Поэтому он стал в архивах изучать именно этот период, хотя его убеждали, что искать там попросту нечего. Заметим, что социологию — в отличие от кибернетики или педологии — не запрещали в СССР ни постановлением, ни другими мерами. Она, я бы сказала, не исчезла как факт интеллектуальной жизни, но идейно изменилась и приобрела по преимуществу латентные формы вместо институциональных.

Геннадий Семёнович анализировал этот период с идейно-культурной позиции, рассматривая историю как непрерывный и преемственный процесс, имея в виду, что ни научные идеи, ни порождающие их культурные ценности не могут исчезнуть в одночасье, резко и бесследно. Но могут перейти, например, в неинституциональные формы бытования. Идеи дореволюционной социологии были официально вытеснены историческим материализмом, который и стал называться «марксистской социологией». Батыгина интересовало, за дверями каких учреждений и какие теоретические идеи социологии тогда «осели» в российском интеллектуальном пространстве². Кроме того, Геннадий Семенович знал, что в то время проводились и эмпирические социологические исследования. Во времена культа личности публиковать их результаты было невозможно, однако сами исследования — под грифом ДСП (для служебного пользования. — *Ред.*) — проводились по приказам партийных органов и силовых структур. Изучалось общественное мнение и разные стороны жизни советского общества, просто об этом знали только причастные круги, а в 1990-е, когда архивы открылись, — периодом 1940–1950-х годов в жизни социологии мало кто интересовался. По совокупности причин возникло искаженное представление, что ее совсем тогда не было и что она началась с нуля

² В Институте философии, например, группа М.П. Баскина изучала разные течения «буржуазной социологии», и, судя по тому материалу, который в архивах обнаружил Геннадий Семёнович, они всерьёз занимались историей и теорией социологии. Для прикрытия своей деятельности они, разумеется, всем статьям предпосылали правильные преамбулы, в духе: «буржуазный социолог Макс Вебер был не прав», а дальше подробно излагали, в чем же именно он «заблуждался». Мне попался на глаза документ — записка в ЦК ВКП(б), датированная 1949 годом, в которой Ю.А. Жданов сообщал о низком качестве руководства сектором истории социологии этого института. Что подразумевалось под низким качеством? Идеологическая невыдержанность, «неблагополучие на философском фронте», «отклонения от марксизма-ленинизма»! Но сектор все-таки работал. В той же манере преподавалась история социологии в МГУ, других вузах. Более того, М.П. Баскин был автором фундаментальной статьи «Социология» в двух изданиях «Большой советской энциклопедии» — в 1947 и 1957 г.

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

в конце 1950-х годов. Батыгин считал важным реконструировать картину — если не истинную, то более правдоподобную.

Конечно, в тот период доступность социологического знания снизилась, группы энтузиастов стали малочисленными, прошла Великая отечественная война, но это не означало полного исчезновения социологического знания. Всё это позволило Геннадию Семёновичу поставить вопрос о преемственном характере отечественной социологической мысли и оспорить распространенный тезис о том, что преемственности не было.

Его взгляды на преемственность отечественной социологической мысли кто-то разделял?

Эта точка зрения не является особенно популярной. Тому есть разные причины, в том числе связанные, на мой взгляд, с особенностями исторической памяти и исторического сознания российских социологов, писавших на темы истории российской/советской социологии. Здесь не место разбираться в этом сложном вопросе. Но так случилось в 1960-е годы, что наша отечественная традиция оказалась невостребована. В интервью, которые собрал Борис Докторов, подавляющее большинство корифеев старшего поколения, выступивших на арену социологии в хрущевскую оттепель, утверждали: «Мы тогда не знали дореволюционной социологии, нам её не преподавали, мы начинали с нуля». Но вот Батыгин не думал, что совсем «с нуля»: идеи не исчезают так быстро, а своеобразие национальной социологической школы всё равно даёт о себе знать, заставляя различать этапы в истории социологии идейно наследовать друг другу. Эту точку зрения разделяли, например, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Шубкин, А. С. Капто...

По Вашему мнению, исторический взгляд Батыгина на социологию может быть востребован в современном преподавании этой дисциплины?

Это было бы очень важно, но пока предпосылок не видно. Сейчас история отечественной социологии не находится в фокусе внимания ни вузовских программ, ни исследовательских проектов. Очень не хватает того масштабного видения нашей теории и истории социальной мысли, которое было у Батыгина. Можно по пальцам пересчитать исследователей, которые занимаются этими направлениями. Ведь мейнстрим современной российской социологии — актуальные проблемы нашего общества и социологического знания. А теоретико-методологическую базу составляют исключительно западные социологические теории.

Геннадий Семёнович хорошо понимал необходимость исторического мышления в социологии: нужно не просто знать историю своей

науки, но и уметь мыслить исторически, чтобы адекватно оценивать настоящее при решении современных научных проблем. Понимая, как развивалась предшествовавшая мысль — и отечественная, и, конечно, западная, социолог может дать себе отчет, чему, кому и для каких познавательных целей он наследует, изучая проблемы российского общества или проблемы социологического познания. Насколько это наследие — ключ к пониманию современных российских реалий.

В вопросах истории и теории важно твердо стоять на собственных ногах. Для Геннадия Семёновича был значим тот факт, что многие идеи, открытые в XX веке на Западе, точно так же были открыты (или приоткрыты) у нас до революции, просто потом это было всеми забыто... Современная российская социология оказалась в положении вечно «догоняющей» науки, колониально зависимой от западных теорий. Если совсем не знать, на каких столпах стоит наша социологическая мысль, не следует надеяться и на ее развитие в будущем. Тех, кто не защищает и не ценит своё, не уважают и вовне. Первая и последняя западная книга, которая была целиком посвящена российской социологии, была издана в 1915 году Юлиусом Геккером. Мировому социологическому сообществу не очень интересна наша история, у них есть своя, и это можно понять. Но тот факт, что и нам она не очень интересна, конечно, удивляет. Ведь необходимо реконструировать адекватный образ истории отечественной социологии, вернуть ей утраченный мировой статус... Батыгину было не жалко времени, которое он тратил на восстановление памяти о российской социологии XX века. И если говорить о наследии Геннадия Семёновича, то достойное место в нём, безусловно, занимает последовательная борьба с историческим беспамятством нашей науки.

Литература

1. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учеб. для высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 1995. — 286 с.
2. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
3. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1986. — 272 с.
4. Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. Учебник. М.: Изд-во «Новый учебник», 2004. — 368 с.
5. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р.Е. Бумагина, Ю.А. Данилова, А.Д. Ковалева, О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. — 752 с.
6. Rogozin D. M. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2002. — 251 с.

«Батыгин приглашал увидеть неочевидные смыслы за тем, что кажется очевидным»

7. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолук. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.

L. Kozlova

“Batygin invited us to see the non-obvious meanings behind what seems obvious”

Larisa Kozlova is the head of the sociology of science sector of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the Sociological Journal. **Address:** Moscow, st. Krzhizhanovskiy, 24/35 bld. 5. **E-mail:** LarissaKozlova@yandex.ru

Abstract: His wife and colleague Larisa Alekseevna Kozlova tells about the contribution of Gennady Semyonovich Batygin to the field of Russian sociology, to the sociological community itself (through the training of graduate students, joint work with colleagues, translation activities). O. B. Solodovnikova conducted the personal interview.

Key words: Gennady Semyonovich Batygin, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, methodology of sociological research, history of Russian sociology.

References

1. *Batygin G.S. (1995) Lekcii po metodologii sociologicheskikh issledovanij: Ucheb, dlya vyssh. ucheb, zavedenij. M.: Aspekt Press. (In Russ.)*
2. *Batygin G.S. (2003) «Nikakogo drugogo puti ya dazhe pomyslil' ne mog...» // Sociologicheskij zhurnal. № 2. S. 132–167. (In Russ.)*
3. *Batygin G.S. (1986) Obosnovanie nauchnogo vyvoda v prikladnoj sociologii / Отв. ред. G.V. Osipov. M.: Nauka. (In Russ.)*
4. *Batygin G.S., Podvojskij D.G. (2004) Istoriya sociologii. Uchebnik. M.: Izd-vo «Novyj uchebnik». (In Russ.)*
5. *Gofman I. (2004) Analiz frejmov: Esse ob organizacii povsednevnogo opyta / Per. s angl. R. E. Bumagina, Yu.A. Danilova, A.D. Kovaleva, O.A. Oberemko pod red G.S. Batygina i L.A. Kozlovoj. M.: Institut sociologii RAN; FOM. (In Russ.)*
6. *Rogozin D.M. (2002) Kognitivnyj analiz oprosnogo instrumenta. M.: In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie». (In Russ.)*
7. *Rossijskaya sociologiya (1999) Rossijskaya sociologiya shestidesyatyh godov v vospominaniyah i dokumentah / Отв. ред. i авт. предисл. G. S. Batygin; Ред.-сост. S. F. YArmolyuk. SPb.: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut. (In Russ.)*

И. А. Климов

Батыгин: «методологическая принципиальность» и «методологическое смирение»

Иван Александрович Климов — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. **Адрес:** Покровский б-р, д. 11, каб. М405. **Электронная почта:** Klimov_ivan@list.ru.

Аннотация: Практика работы Геннадия Семёновича Батыгина с аспирантами, его подходы к социологической теории и умение создавать профессиональные сети — в изложении ученика и коллеги Ивана Александровича Климова. Личное интервью проведено О. Б. Солодовниковой.

Ключевые слова: Геннадий Семёнович Батыгин, методологический семинар, рациональная реконструкция, профессиональное сообщество.

Для цитирования: *Климов И. А.* Батыгин: «методологическая принципиальность» и «методологическое смирение» / Интервью провела О. Б. Солодовникова // Пути России. 2024. Том 2. № 2. С. 66–79.

Вы были аспирантом Геннадия Семёновича, хотя не учились у него до работы над диссертацией. Как случилось, что ваши траектории пересеклись?

Я в университет поступил после армии — с очень сильным чувством стыда (за то, как бездарно я не воспользовался возможностями учиться до армии) и не меньшим желанием учиться. Этого запала мне хватило потом еще лет на пятнадцать. А в армии мне даже снились сны, как меня вызывает командир бригады и говорит: «Климов, мы тебя увольняем, только с одним условием: что ты, гад, будешь учиться!»

Я поступил на факультет социологии МГУ, который тогда только-только появился. И отучившись там первый курс, заметил странность. В моей альма-матер не было преподавателей из других институций — ни из Академии Наук, ни из опросных фабрик, ни просто известных исследователей и ученых. Никого «внешнего». Поэтому на втором курсе мы с двумя моими друзьями — Вадимом Кулаковым и Дмитрием Ляшенко, решили сделать курсовую работу ровно по этой теме. Мы запланировали взять серию интервью с социологами, представителями других школ и институций. Ну действительно, интересно — почему они не сотрудничают с единственными на тот момент профильным факультетом? Тема казалась очевидной, хотя научрук предупредил, что лучше делать методическую работу по фокусированному интервью, нежели содержательную, потому что содержательную с такой темой можно было и не защитить...

В общем, были встречи с Белановским, Гудковым, Здравомысловым, Шубкиным, Ослоном, с Еленой Петренко. Тогда же я познакомился с Еленой Борисовной Шестопал, и позже она стала моим научным руководителем в университете. Но первым мне повезло поговорить с Владимиром Александровичем Ядовым (чуть позже он стал преподавать на факультете), и как раз он и порекомендовал мне Батыгина. Наша встреча с Геннадием Семёновичем состоялась, по-моему, в зале Учёного совета Института социологии. Помню, меня удивило несоответствие: огромное и торжественное пространство для вполне ординарного разговора. Но разговор оказался неординарным. Меня поразила плотность смыслов, высокая структурированность рассказа, детализированность и профессиональная глубина — без скидок на мой возраст и околонулевые знания. Фактически за три часа Батыгин поведал краткую историю развития советской социологии: с Институтом конкретных социальных исследований и его «разгоном» Михаилом Руткевичем («Бульдозер»), с проектом «Таганрог», с ленинградской школой Ядова и кружком Левады, с отделом Якова Михайловича Бергера в ИНИОНе, занимавшемся реферированием иностранной социологической литературы и в котором работали уже известные мне люди — Леонид Волков, Виктория Чаликова, Инесса Рековская.

Я с ними был знаком, поскольку моя мама тоже участвовала в работе отдела. И я вдруг понял, что существует море общения и работы, живых идей и увлеченных людей. Реально как в «Понедельнике...»¹ И все эти интересные люди чем-то занимаются. Я плохо понимал — чем именно, но было очевидно, что есть большая жизнь за пределами «маленького» факультета социологии.

Кроме того, я понял, как строятся карьеры в области социальных наук, что помимо содержательной, встречаются карьеры по функции: по деятельности в сфере образования, фундаментальной науки, прикладной (отраслевой) науки, практической деятельности в сферах производственной социологии, массовых опросов, и проч. партийной линии, по профсоюзной линии... На новом факультете социологии МГУ (первый набор состоялся в 1990) у студентов и аспирантов быстро сформировались представления о репутации замечательных учёных, таких, как Никита Евгеньевич Покровский (история и теория социологии), Виктор Иванович Гараджа (отличный учебник по социологии религии), Елена Борисовна Шестопап (политическая психология), Анатолий Иванович Антонов (социология семьи), Владимир Александрович Борисов (демография). Еще несколько других ученых, у которых я не учился, но о них сокурсники очень хорошо отзывались. Их отличало прежде всего то, что у них было очень не просто учиться из-за высокой требовательности. С одной стороны были лекции Добренькова, а с другой — Покровского, который умел доступно и «на драйве» объяснять теорию, хотя и заваливал нас обязательным чтением и заставлял проходить тесты и писать эссе к каждому занятию. Роль того разговора с Батыгиным я понял позже: после интервью с ним я перестал рассматривать преподавателей только лишь в естественной оптике студента и стал чуть лучше разбираться в типах профессиональных карьер, представленных на факультете.

Эта встреча оказалась настолько судьбоносной, что вы решили продолжить учёбу в другом месте?

И да, и нет. Всё-таки после того разговора с Батыгиным мы ещё три года не пересекались. Научного руководителя я выбирал, основываясь на опыте тех интервью. Им стала Елена Борисовна Шестопап. Нас у нее оказалось пятеро, и Елена Борисовна договорилась с факультетом психологии МГУ, чтобы мы ходили на их занятия и лекции. Фактически четвертый-пятый курсы мы провели там. Я увидел другую академическую культуру, услышал лекции Виктора Фёдоровича Петренко про психосемантику, Татьяны Гавриловны Стефаненко про этнопсихологию, Леонида Гозмана про психологию эмоционального

¹ «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких.

поведения, Акопа Погосовича Назаретяна, Галины Михайловны Андреевой про когнитивный поворот в социальных науках... Это было очень хорошо. Одновременно я ходил в Институт социологии на лекции совсем молодых тогда ученых — Александра Согомонова, Елены Омельченко, Александра Малинкина. Малинкину удалось — неожиданно для меня самого — увлечь меня Мангеймом и Шелером.

Но когда встал вопрос, куда и к кому мне идти в аспирантуру, в голове у меня почему-то не было других вариантов, кроме как Геннадия Семёновича. Хотя между вторым и пятым курсом прошло много времени. И при том, что можно было пойти к Ядову или к Согомонову. Но я с определенностью понимал — только к Батыгину. Потому что Батыгин «запал» мне третьим миром Поппера и принципами Мертона. Кроме того, мне казалось, что за ним стоит большой сегмент знаний, который был недостающим звеном в образовании соцфака: это методология социального познания, раз, а также концепция и практическая реализация этоса социальных наук — два.

И вторая встреча с Геннадием Семёновичем была уже как с потенциальным научным руководителем. Тогда мне казалось, что та тема, с которой я к нему иду, очень интересная: я хотел развивать свой диплом, изучать молодежные субкультуры и заниматься теорией субкультур. Помню, что он отреагировал на эту идею очень кисло, хоть и порекомендовал что-то почитать. Через полгода я понял, что Батыгин прав. Он мне сразу пытался сказать то, что я не был готов тогда услышать. А именно: что эта тема мелкая, её теоретическая глубина мне самому уже должна быть видна, что у меня остаются два варианта: либо нанизывать разные субкультуры одну за другой и описывать их, либо разворачивать в другую сторону, фактически отказываясь от нее. Как я потом понял, он мне достаточно мягко, но вполне категорично сформулировал эту развилку. Тогда же он дал понять, что если ты хочешь развиваться как профессионал, вкладывайся в первую очередь в теоретико-методологическую работу.

Он вам помог выбрать нужную тему?

Скорее — грамотно мешал. Потому что дальше начались мучения... Примерно раз в два месяца я менял тему, переходил от идеи к идее и обсуждал с ним, чем хочу заниматься... Сейчас уже не перечислю, какие именно сюжеты мне предлагал Геннадий Семёнович, но одну тему помню очень хорошо — это «сообщества профессионалов». Формулировка названия приблизительная, мое знакомство началось с книги Баумана «Legislators and Interpreters». По сути, разговоры с Батыгиным снова стали мини-курсом про то, как структурируется наука, как формируются в ней «клики» и «сети». Что делает науку «регулярной армией», а не сборищем партизанских отрядов; причем тут эволюционная эпистемология и почему рецензии и рецензионная

речь связаны с процессами формирования профессионального сообщества. И как, в общем-то, развивается научное знание: не вообще, абстрактно, на уровне парадигм, а с точки зрения рутинного производства знания, принятых ритуалов и неформальных практик, в перспективе обычных людей — учёных, которые являются непосредственными участниками этого процесса.

Я честно три месяца ходил в библиотеку Шанинки и читал книги, которые он мне посоветовал, но остался в недоумении: к чему это всё?.. Совершенно очевидно, что тогда я до этой проблематики не дорос и понял её только спустя семь или десять лет, оставив свой мозг в стороне от такой прекрасной темы. Интересно, что Батыгин увлек этим сюжетом Галину Градосельскую. Они решили использовать методологию сетевого анализа для этой задачи и пробовали построить сеть ученых, значимых проектов, конференций и организаций. В это время или чуть позже к этой теме подключилась Наталья Даудрих... Как бы то ни было, год или полтора я то ли бездельничал, то ли был «в творческом поиске». Постепенно, и под совершенно очевидным влиянием Геннадия Семёновича и рекомендованного им чтения у меня возник интерес к теме социальной мобилизации. А из него появилась и конечная тема.

Какие еще идеи, почерпнутые из общения с Батыгиным, оказались, как вы теперь думаете, «на вырост», были значимы для вашей последующей научной карьеры?

Это непростой вопрос. Тут сложно отделить то, что я о нем знаю, и что оказало на меня влияние. Я пытался как-то систематизировать, но ничего не вышло: буду просто перечислять большое и малое. Во-первых, конечно же, это идея работы с корпусом социологической теории, понимание того, что нужно теорию изучать и что нужно иметь к ней свой вопрос. Теория — не приключенческий роман, который тебя ведет своей собственной интригой. Она с тобой начинает говорить, если у тебя есть своя боль и свой исследовательский интерес.

Вторая вещь, которую я усвоил благодаря Батыгину, — рациональная реконструкция. Это такой тип научного исследования, как говорит Имре Лакатош, когда любая теория рассматривается как научно-исследовательская программа, язык и методология которой предопределяет твою исследовательскую оптику. Понятно, что условный Парсонс ничего не писал про процессы социальной мобилизации. Но если мы разобрались, как устроена его система понятий, что такое обоснованный вывод в рамках его методологии, мы можем опрокинуть на его понятийный аппарат свою собственную исследовательскую задачу и описать процессы социальной мобилизации так, как они должны были бы выглядеть с точки зрения Парсонса. Фактически, речь идет о том, чтобы уметь моделировать ответы на интересующие тебя вопросы изнутри той или иной теории — Парсонса, Гидденса, Хабермаса и

так далее. Ты тут же начинаешь видеть нестыковки в собственных построениях, равно как и в теориях, с которыми работаешь.

Так, под влиянием Батыгина, книги Инны Фелисковны Девятко [Девятко, 1996], Поппера и Лакатоша [Лакатос, 1995], родилось очень важное для меня понимание, что весь спектр социологических теорий — это не просто пёстрая палитра экстравагантных построений и нагромождение концептов. За этим лежат макро-идеи о множестве решений нетривиальной задачи — как можно изучать общество, не впадая в методологический солипсизм, не козыряя позицией «я так вижу», не увлекаясь изобретением личного социологического новояза в наукообразных попытках теоретизирования. Сильная теория способна отстроиться от обыденного языка и предлагает исследователю свою «социологическую алгебру» — теоретическую оптику, вооружившись которой ты можешь не столько козырять умными терминами, но построить теоретическую логику исследования той или иной проблемы, задачи или темы, операционализировать понятия и разработать валидный инструмент, а также комплекс организационных и технологических решений. Поэтому можно для своего исследования взять одну оптику и работать с ней, можно взять другую, но не нужно их смешивать.

Был смешной эпизод. Однажды я пришёл к Геннадию Семёновичу с некоей фантастически креативной и прорывной идеей по своей теме. Он очень внимательно меня выслушал, а потом сказал: «Это, конечно, благородная задача и она потребует многих усилий. Однако это всё равно что гайки добавить в кашу: сколько ни перемешивай, каша останется кашей, а гайки — гайками». Именно Батыгин (а затем и Инна Фелисковна Девятко) показал, что методология — это не «знания о методах», а проблематика обоснованности научного вывода. В этой оптике любые действия исследователя оцениваются с точки зрения функций научного высказывания и оснований его значимости. Для меня тогда было контринтуитивным, что исследователь-практик может производить фиктивные знания, добросовестно фабриковать артефакты, основываясь на неявных допущениях, а часто — просто на основе своего обыденного мышления, на метафорах обыденного языка.

«Мир идей» как «мир вирусов»?

Да. Я помню этот образ-метафору. Все социологи стараются быть человекоцентричными, рассматривать человека, который что-то думает, делает и т. д. Но Мангейм писал, что человек обнаруживает себя в биографически унаследованной ситуации. Он думает языком и образами своей социальной группы, ему доступны знания и практики воспитания ума, которыми владеет его социальная группа. Но ведь можно продолжить, что это не люди думают своей головой, а идеи, как

вирусы, сражаются друг с другом за то, чтобы залезть в максимальное количество людских мозгов. Ведь в этом что-то есть, правда? Отсюда очень интересное направление Батыгинских исследований: как нашим мышлением управляют метафоры. Я помню работу Марии Рассохиной о метафорах в социологии: метафоре организма, текста, сети, кибернетики. В нашем обыденном языке «защиты» базовые метафоры, и, если их воспринимать некритически, они влияют на способ теоретизирования, порождают спекуляции и т. д. Скажем, когда человек успешный, мы говорим, что он «вырос», «достиг высот», а когда перед нами неудачник — легко употребляем глаголы вроде «опустился», «достиг дна». За таким выбором слов стоит метафора гравитации, и полезно понимать, как она влияет на наши представления о социальной мобильности или структуре власти и в какой мере их детерминирует. На таких примерах я понимал, насколько это сложное и кропотливое занятие — работа с социологической теорией.

Но здесь нужно сказать еще об одном важном не только для меня направлении — методологические штудии Батыгина. В первую очередь это Батыгинский семинар, на котором обсуждались не только метафоры в социологии, но и исследования социального поведения песцов на Командорских островах или же то, как лингвистика изучает языковые конструкции, обозначающие цвета. Одна из сквозных тем — методология социального познания. А во-вторых, это его собственные исследования (например, о российском сообществе социальных ученых — вместе с Эдвардом Свицерски) или же те, в которых он принимал участие (проект Дмитрия Рогозина — когнитивный анализ опросного инструментария). Тут важен был не только сам опыт, сколько множество сопутствующих разговоров — о когнитивном повороте в социальных науках, о теории речевых актов, об обоснованности вывода. Я тогда уже работал в ФОМе, и одна из ключевых идей, которая пришла через Батыгина — это критическая установка по отношению ко всем этапам порождения социологического знания. Заказчик говорит на своём языке, математики считают по-своему, а тебе в итоге нужно работать со смыслами. На каждом этапе — смысловые разрывы, и на каждом этапе может происходить фабрикация смыслов и выводов. Об этом хорошо написано у Сергея Чеснокова. И это понимание неожиданно подкреплялось с другой стороны: сотрудники ФОМа Ефим и Елена Галицкие всегда умели за статистическими операциями видеть смыслы. Они всегда умеют объяснить, как те или иные преобразования или решения влияют на результаты анализа и как должны быть учтены в интерпретации². Такой их подход очень резонировал с тем, о чем рассуждал Геннадий Семенович.

² Очень показательна в этом плане их публикация «Кластеры на факторах». Это часть дискуссии по этой теме с Александром Крыштановским [Крыштановский, 2005; Галицкая, Галицкий, 2006; Воронин, 2003].

Тут, наверное, больше нужно сказать о такой особенности его профессионального мышления как «методологическая принципиальность» и одновременно — «методологическое смирение». Сейчас попробую объяснить. Методологическое смирение — это признание принципиального несовершенства любой диагностической процедуры в социальных науках. Это понимание, что на каждом этапе исследования в него вмешиваются неотрефлексированные искажающие факторы. Ну, хорошо, ты понимаешь, что ты сам вмешиваешься в статистическую процедуру, когда определяешь границы кластеров. Ну, ок, ты понимаешь, что респондент воспринимает и работает с вопросом не так, как ты это планировал. Понятно, что значения переменной могут сместиться относительно теоретического концепта («триада Стефана Новака»). Можно об этом знать и пытаться контролировать. Но возникают и совершенно неожиданные угрозы. Например, это понимание, что работа социолога лежит в сфере литературного творчества. Мы пишем тексты и осуществляем свое влияние через слово. Значит ли это, что плохо описанные результаты исследования — негативный фактор, что это равно плохому результату? А хорошо и хайпово написанный текст означает ли, что исследование было и успешным, и качественным? И вообще я считаю, что гениальный писатель — лучший социолог, чем профессиональный социолог... «Методологическое смирение» — это умение видеть в многосоставной оптике ограничения ремесла социолога и принимать их.

А «методологическая принципиальность»?

А тут просто: принципиальное неприятие небрежности и пренебрежения этой проблематикой. Многим известна его шутливая классификация: социологи, как и собаки, бывают охотничьи, служебные и декоративные. Это не про статус и даже не про функции в производстве научного знания. Это — про отношение к задаче, к тому, как ты планируешь и проводишь свое исследование, как ты охотишься за своим результатом. И как в целом относишься к своей работе. Если ты так веришь в собственную правоту и непогрешимость, — что ты сделал для этого в своем исследовании? На чем основывается твой вывод и твоя уверенность в нем? И тут мы снова возвращаемся к принципам Мертона, к «третьему миру» Поппера, к известному афоризму Лазарсфельда³. Ты не имеешь права онтологизировать изучаемый феномен, не будучи полностью уверенным в корректности своей оптики. И особенно, если ты делаешь это по незнанию возникших ограничений. Ну, и известна история, когда на защите докторской диссертации Батыгин проанализировал десять заявленных гипотез

³ «Нас интересует не пол респондента, а как он устанавливается».

и показал, что только две из них удовлетворяют требованиям к гипотезам. И одна из гипотез была принципиально непроверяемой, а другая автором нигде не была проверена. Понятно, что такое заявление своей позицией спровоцировало скандал, но я уверен, что это не было личной атакой на автора. Тут «третий мир» Поппера.

Батыгин в вашем рассказе предстаёт замечательным теоретиком, может быть, историком социологии: работа с эмпирикой интересовала его меньше?

Теория у него никогда не существовала отдельно от практики, от социологического «поля». Я воспринимал уже как некую норму, что ведущие ученые Института социологии сами участвуют в сборе данных. Например, я видел, как Ядов ходит по цехам завода в Самаре и берёт интервью у рабочих. И в исследовании про когнитивный анализ инструментария Батыгин был вовлечен на всех рутинных этапах: сам искал респондентов на улице, зазывал их в комнату и проводил интервью по анкете, участвовал в создании кодификаторов и в кодировке транскриптов и видеозаписей. В этом не было никакой дидактики, «учительства»: есть исследовательская задача, есть процесс производства знания, и есть текущие проблемы и задачи. Поэтому нужно обсуждать их и находить корректное решение. Мне так открывалась профессия в её цельности — огромными сегментами. Не просто социологическая теория в четырёхтомнике Юрия Давыдова и его коллег, но и Рэндалл Коллинз с теорией глобальных интеллектуальных изменений [Collins, 1998]. Не просто понятийный каркас социологии, но и проблематика пересечений обыденного и научного языков. Не просто методология, но фальсификационизм Поппера как гигиенический принцип. Ну, и надо быть честным, Геннадий Семенович был не единственным в этой роли. Исследовательская культура сектора Ядова и методологическая рефлексия сектора Батыгина органично дополняли друг друга. Даром что мы соседствовали на этаже и у нас была общая семинарская комната.

Вам удалось поработать вместе с Батыгиным?

И да, и нет. Да, потому что были исследования российских социальных ученых, где получилось опросить больше 400 человек и потом было очень интересно обсуждать результаты с Геннадием Семеновичем. Конечно, была работа над другими текстами для того сборника [Социальные науки..., 2005], и со статьями для его «Социологического журнала», была серия переводов для ФОМа. Нет — потому что осталось глубокое сожаление: мало. В этом плане я завидую и завидовал Денису Подвойскому. Они с Батыгиным сделали хорошую книгу — «История социологии». А я тогда с головой погрузился в исследовательскую

программу Фонда Общественное мнение. А Геннадий Семёнович с какой-то глубокой, сдержанной иронией относился к практическому действию. Эта ирония распространялась и на ФОМ с его попытками выстроить позитивную науку на основе опросов общественного мнения. Он не отрицал значения практики, просто понимал множество её ограничений. Но при этом были вещи, имевшие для Батыгина безусловную ценность, к которыми он относился категорически серьёзно, например, книги.

Его книгу «Лекции по методологии социологических исследований» я немедленно исчеркал пометками «до дыр». На тот момент я воспринимал эту книгу как важное недостающее звено в том, что я читал, хотя я знал, что эта книга ему самому не нравится. Да и к той издательской программе с яркими желто-оранжевыми обложками у него были нарекания. Но он горячо поддерживал издательскую деятельность и видел объективную необходимость переводить нужные профсообществу книги. Ну а позже Геннадий Семёнович согласился помочь ФОМу выстроить его издательскую программу. Благодаря этому были переведены Цаллер, Липпман, Шютц, Гофман, Уолтон, обе книги про задавание вопросов — Садмена, Бредберна и Шварца. К некоторым из них он написал предисловия. Наверное, наиболее важным и сложным текстом стала статья об Ирвинге Гофмане. Это была очень непростая для Батыгина работа, она съедала и у него, и у переводчиков много сил и нервов. Ну а я лишь получал удовольствие, слушая споры Батыгина, Александра Ослона и Григория Кертмана о выборе книг для перевода и публикации.

Был ещё эпизод, где совершенно отчетливо проявилось влияние Геннадия Семёновича. Не прямое. Снова про этос. В какой-то момент он попросил меня отрецензировать драфт двух рукописей: одна про общественное мнение, другая про историю эмпирической социологии. Одна книжка была скучная, но добротная, я написал рецензию. За вторую я взялся, предвкушая интересное чтение, тем более, что знал автора и всегда относился к нему, как и сейчас, с большим пиететом, уважением и признательностью. Но в итоге я оказался обескураженным: эмпирического там не оказалось вообще ничего. Там не было Лазарсфельда. Просто еще одна история теоретической социологии. Я пришёл к Батыгину за советом, что не могу подготовить положительную рецензию: текст хороший, но не соответствует задаче. Что делать в этом случае?

Он не дал прямого ответа. Но сказал, что моя задача как рецензента — относиться только к тексту, проанализировать его и аргументировать свою точку зрения. В итоге я отрецензировал книгу на 7 страниц через один интервал, доказывая, что её публиковать нельзя. Однако через некоторое время книга пришла снова, на повторную рецензию, снабжённая сопроводительным письмом к уважаемому рецензенту. Его автор предположил, что квалификация рецензента

недостаточна, чтобы судить о таких вещах, что рецензент просто не разобрался, но автор переработал текст и некоторые вещи прописал более отчётливо. Я ознакомился с новой редакцией рукописи и понял, что все изменения носят косметический характер и затронули только введение и заключение. И снова был разговор с Батыгиным — с тем же исходом. Ни сочувствия, ни подсказки. В итоге я принял решение и разродился второй рецензией: уже на 9 страниц... В общем, книгу эту так и не издали. Это была непростая для меня ситуация.

Но в результате этой истории я задумался о практике рецензирования и рецензирующего высказывания как форме существования сообщества исследователей и как инструменте, который развивает и нормы профессиональной деятельности, и исследовательские программы. И когда потом получал жесткие, четкие, но в общем-то корректные и по делу рецензии — от Анны Мытиль или Дмитрия Рогозина — я в общем-то понимал, почему и зачем это. Хотя, конечно, было обидно и сильно расстраивался...

Такая интеллектуальная честность легко может сорить с коллегами. самого Батыгина однако многие вспоминают как неформально лидера социологического сообщества, готового это сообщество собирать. Вы знали о такой ипостаси научной харизмы Геннадия Семёновича?

Её я стал ценить и видеть, мне кажется, значительно позднее. Действительно, при очень тонкой, принципиальной самоиронии, при скепсисе по отношению к фетишам полевых социологов Батыгин очень ценил профессиональное общение и старался «стягивать» разные круги: Шанинка, Институт, ФОМ. Он внимательно относился к инструментам и процедурам и создавал вокруг своего журнала сети общения, в которые включались очень разные, а порой и очень сложные люди: Сергей Патрушев, Галина Татарова, Александр Галкин, Александр Согомонов, Александр Малинкин, Сергей Чесноков, конечно же — Андрей Мягков и многие другие. Разные по типу, взглядам, характерам люди — они участвовали в общем разговоре, обсуждали свои идеи, получали советы. Участники семинара уходили отсюда «с повышающим коэффициентом». Даже если личные отношения были не очень простыми, социологи, включённые в общую сеть, высказывались друг о друге в профессиональных категориях, а не в аргументации «ad hominem». Я понял, какая это ценность, не так давно — когда заметил, как сильно этого не хватает сегодня и как трудно реализовать такое общение не разово, а систематически. Мне посчастливилось повидать очень разные команды, и видел, как быстро может возникнуть ощущение, что рот лишний раз лучше не открывать. А на семинаре у Батыгина можно было говорить любую ересь, любую глупость. Если что, тебе просто беззлобно возразят, что ты что-то недодумал, не прочитал или что упёрся тупо в свою фанта-

зию и не можешь посмотреть на тему с другого ракурса. Но в любом случае это была обратная связь с «повышающим коэффициентом». В конце каждого семинара Геннадий Семенович подводил итог и резюмировал обсуждение. Лично я всегда этого ждал: он сшивал вместе идеи выступающего и комментарии участников. В результате мы все могли видеть результат общей работы и вклад «себя-любимого» в карту смыслов. Не было ощущения, что Батыгин умнее нас. Было другое: «учись, как надо работать».

Помню, как-то штудировал тексты Вильфредо Парето, долго чего-то там не понимал и мучился со своим текстом. И говорили об этом с Геннадием Семёновичем в библиотеке Шанинки. Он меня успокоил, сказал что-то вроде: «Иван Александрович, это не страшно, я тоже Парето не понимаю. Может, он станет чуть яснее, если учесть, что по базовому образованию Парето был химиком. И эта концепция осадка и производных, фактически, метафора колбы на огне, из которой нечто выпаривается». И подумалось, конечно, что вот, Батыгин не понимает Парето, и я не понимаю, но непонимание у нас какое-то разное.

Или вторая история: я пришёл к Геннадию Семёновичу с какой-то гениальной идеей, уж и не вспомню, в чём она заключалась, но была уверенность, что здесь я точно первопроходец. Батыгин выслушал и сказал: «Иван Александрович, если вам кажется, что вы совершили открытие, это означает только одно — что вы мало читали». Я даже не подумал тогда обидеться, потому что беглого разбора идеи оказалось достаточно, чтобы понять, что она нежизнеспособна, и есть более интересные и продуманные решения. Просто надо правильные книги определить и на нужной библиотечной полке их найти. Фраза засела в голову, потому что библиографический поиск, чтение навсегда стали восприниматься мной как базовое ремесло социолога. Производство научного знания, которое мне когда-то советовал исследовать Батыгин, именно так и выглядит: мы погружены в постоянно работающую машину чтения, критики, отбора и производства смыслов. Нужно иметь к этому вкус и не думать о себе слишком многого. Ну и в связи со сказанным, последняя, третья история. И у Батыгина, и у Ядова считалось нормой признавать ошибки, легко относиться к себе в профессии. Помню, что Ядов представлял результаты какого-то своего исследования, а Владимир Магун заметил, что такие-то решения в факторном анализе могли повлечь за собой такие-то ошибки. Ядов заинтересовался, переспросил, Магун изложил все детальнее, на что Ядов резюмировал: «Ну, ясно, мы сделали хрень какую-то, надо всё переделывать!» Это было запросто, и очень рифмовалось с тем, как Батыгин относился к своей профессии, к своему делу, к «Социологическому журналу». Наверное, такие вещи и делали возможным собирание сообщества вокруг журнала и Батыгинского семинара.

Литература

1. *Воронин Г.Л.* Еще раз о «кластерах на факторах» // Социологический журнал. 2003. №3. С.21–34.
2. *Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б.* Кластеры на факторах: как избежать распространенных ошибок? // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2006. №22. С. 145–161.
4. *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО РЦГО-TEMPUS/TACIS, 1996.
5. *Крыштановский А.О.* «Кластеры на факторах» — об одном распространенном заблуждении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. №21. С.172–187.
6. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1995
7. Социальные науки в постсоветской России / Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический проект, 2005.
8. *Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

I. Klimov

Batygin: “methodological integrity” and “methodological humility”

Ivan Klimov — senior fellow at the International Laboratory for Applied Network Analysis of the National Research University Higher School of Economics; senior fellow at the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences.
Address: Pokrovsky Boulevard, 11, office M405. **E-mail:** Klimov_ivan@list.ru.

Abstract: Ivan Aleksandrovich Klimov, Gennady Semyonovich Batygin’s student and colleague, tells about Batygin’s experience of working with graduate students, his approaches to sociological theory and the ability to create professional networks. O.B. Solodovnikova conducted the personal interview.

Key words: Gennady Semyonovich Batygin, methodological seminar, rational reconstruction, professional community.

References

1. *Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
2. *Devyatko I.F.* (1996) Modeli ob»yasneniya i logika sociologicheskogo issledovaniya. M.: ISO RCGO-TEMPUS/TACIS. (In Russ.)
3. *Galickaya E.G., Galickij E.B.* (2006) Klastery na faktorah: kak izbezhat’ rasprostranennyh oshibok? // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. №22. S. 145–161. (In Russ.)
4. *Kryshtanovskij A.O.* (2005) «Klastery na faktorah» — ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. №21. S.172–187. (In Russ.)
5. *Lakatos I.* (1995) Fal’sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel’skih programm. M.: Moskovskij filosofskij fond «Medium». (In Russ.)
6. Social’nye nauki (2005) Social’nye nauki v postsovetsoj Rossii / Pod red. G.S. Batygina, L.A. Kozlovoj, E.M. Sviderski. M.: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
7. *Voronin G.L.* (2003) Eshche raz o «klasterah na faktorah» // Sociologicheskij zhurnal. №3. S.21–34. (In Russ.)

Этос науки

Вторая лекция в курсе «Методология социологического исследования», прочитанного в 2002–2003 учебном году в Шанинке¹

Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003) — доктор философских наук, профессор, Главный научный сотрудник Института социологии РАН, основатель и первый декан факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки).

Аннотация: Текст лекции, посвященной научному этосу, прочитанной в 2002–2003 уч. году в рамках курса «Методология социологического исследования» совместной магистерской программы по социологии Манчестерского университета и Московской высшей школы социальных и экономических наук. Лекция записана на диктофон и расшифрована. Устная речь приведена к письменной посредством незначительной правки, сохранена авторская манера речи. Научный этос представлен через классическую схему, предложенную Мертоном, дополнен аллюзиями и прямыми отсылками к древнегреческой философии и философии Нового времени, в частности к работам Френсиса Бэкона.

Ключевые слова: Аристотель, идеализм, научный этос, номинализм, рационализм Нового времени, пайдейя, Платон, Шанин

Для цитирования: Батыгин, Г.С. Этос науки. Вторая лекция в курсе «Методология социологического исследования», прочитанного в 2002–2003 уч. году в Шанинке / Под ред. и примеч. Д.М. Рогозина // Пути России. 2024. Том 2. № 2. С. 80–109.

¹ Лекция записана на диктофон Д.Ю. Куракиным, слушателем факультета социологии 2002–2003 уч. года, подготовлена к публикации О.Б. Солодовниковой, под редакцией Д.М. Рогозина. В тексте оставлены риторические повторы, аллюзии, иронические фигуры, ритм и структура устной речи Батыгина, что позволяет хотя бы частично восстановить атмосферу учебной аудитории, отразить его манеру изложения сложного материала доступным, подталкивающим к личным размышлениям и критике языком. Заголовки в тексте не выделялись Батыгиным, представлены для придания структуры весьма плотному и содержательному нарративу. Читатель может исключить их из внимания, переопределить структуру самостоятельно. Живая речь профессора, при внимательном чтении, весьма пластична для подобных интервенций и, одновременно, жестко структурирована, неподвластна ложным трактовкам. — *Прим. ред.*

Позвольте, глубокоуважаемые коллеги, рассказать вам об этосе науки.

Наука — это специфическая форма знания. Специфическая форма знания. Она не лучше других, а, кажется, хуже других. Во всяком случае, хуже здравого смысла и хуже эстетического восприятия мира, наверняка бесполезнее такого региона жизненного мира как труд — превращение мира в полезность. ... Она создает свою оптику, эпистемологию, то есть форму производства знания, вероятно — прагматику, возможность использования науки, ученых. Оптику, прагматику, наверное, — этику. Тогда задача методолога и методиста, заключается в том, чтоб описать методологический комплекс, формы производства эпистемологии, этики, оптики, риторики.

Мы с вами говорили также о том, что наука создает специфическую форму опыта. Опыт здесь не должен нас вводить в заблуждение своей кажущейся омонимией, потому что есть опытный человек, просто человек с жизненным опытом. Такой опыт никогда не заменит научный опыт. Давайте, может быть, зафиксируем немножко рискованную вещь: наука создает и специфическую форму опыта, которая кажется мне эквивалентной эксперименту или рационально построенному эксперименту. Далекое не каждый опыт может служить опытом научным. И, кроме того, наука формирует свою собственную реальность, причём предмет или реальность науки создается методом. Мы с вами говорили о том, что это положение, типичное для кантианства или неокантианства, может легко превратиться в релятивизм. То есть весь мир может быть релятивизирован, и тогда, кроме взбесившегося субъекта, солипсиста (или коллективного солипсиста) ничего не останется. А выход из этой ситуации простой — формы производства знания являются столь же объективными, как и то, что дано в опыте. То есть человек здесь ничего изменить не может, даже если он пытается что-то выдумать. Поэтому, опять же, задача методологии заключается в том, чтобы описать эти формы как существующие независимо от наших желаний.

Наука и рационализм Нового времени

Дальше. Мы говорили о генезисе науки. Тут странная вещь: так же, как люди похожи на своих родителей, далеких предков, также и литературные образцы, часто наследуют некоторые странные черты своих предков — не непосредственных родителей, а, как Шкловский открыл: заимствование в литературе может происходить не от «отца»,

а от «дяди» или «тети»². Удивительная вещь. Также и наука — она наследует свои образцы и имеет генеалогию, рождение.

Кажется, что наука является порождением научной эпистемы Нового времени («Нового времени» — с прописной буквы, конечно, потому что речь идет об историческом этапе, это XVII век³. А не исключено, что и сегодня мы живем в Новом времени, да, скорее всего, так и есть), которую создало Новое время. Удивительные формы регулярности: парки были созданы как организованный лес с проложенными аллеями; орды и армии... Собственно, орды превратились в армии, в боевые порядки, отличие которых от орд заключается в том, что в армии единичка или личность никакого значения не имеет — всё поддается рационально рассчитанному проекту. Наверное, сформировалось регулярное образование — школа (школа — это производство людей с заранее заданными свойствами), хозяйство рациональное, тут мы можем говорить о капитализме как соответствующем типе хозяйствования. Что еще? Я пытался вслед за Зигмундом Бауманом перечислять вот эти «рационализированные регионы»⁴.

² Детально разбирая сюжеты сказок, Шкловский обнаружил необъяснимые, странные с точки зрения прямой передачи знания совпадения сюжетов, например, в сказках североамериканских индейцев и европейских сказках, занзибарской сказки и сказки Гримма [Шкловский, 1929, с. 26]. Подобные идентичные сюжеты нельзя объяснить прямым пересказом сюжетов, передачи информации от одних народов другим. Шкловский пишет о заимствованиях иного рода, определяющих не личный опыт человека или сообщества, а структуру литературной традиции. Речь идёт о некотором социальном объекте, подчиненном своим правилам и нормам, своей рациональности. Батыгин часто обращался к литературоведческой, филологической, подчас фонетической интерпретации социальных явлений. В этом он видел не только изоморфизм социального знания, искусственное, подчас надуманное разделение его на социальные дисциплины, но и мощнейшее методологическое средство для выражения сути явлений, заключенное в метафорическом переносе основных концептов из одной области знания в другую. — *Прим. ред.*

³ Знаковым автором для представления «Нового времени» для Батыгина был Фрэнсис Бэкон (1561–1926). Подробно останавливаясь на его представлениях об особенностях научного познания, до сих пор лежащих в основании научного дискурса, Батыгин не раз отмечал, что автором такого подхода нужно считать скорее Роджера Бэкона (1214–1292), а основные положения Фрэнсиса рассматривать как заимствование представленной его предшественником структуры научного знания. Это не имеет отношение к прямому контакту с текстами, ученичеству, растянутому на столетия, а лишь указывает на тождество общей логики научного исследования, остающейся неизменной столетиями и объективно присутствующей в мире. — *Прим. ред.*

⁴ Основное проявление (регион) рационализации мира Зигмунд Бауман видел в образовании эпохи модерна, когда огромные усилия затрачивались на то, чтобы представить возможным разумный контроль человека над собой и окружающим миром как един-

Ландшафт — это известно. Кроме того, сформировалось рациональное письмо: появилась такая единица, как произведение со своими реквизитами — заглавием, вспомогательным аппаратом. Разделились жанры. Отныне научный текст, научный трактат уже нельзя было писать стихами, как это делал Галилей. Это удивительно, но не получается уже почему-то в этом жанре. Роман отделился от новеллы, разделилась проповедь как высокая речь от поэзии как возвышенной речи. Что еще? Ну да, и все в мире стало разделено и тем самым организовано рациональным способом.

И этос науки, принципы которого легко перечислить — их всего четыре⁵, мы их перечислим сегодня — наследует идее рационального проекта, созданной в новоевропейской мысли. Да, тут же (извините, я на полшага вернусь назад) появилась идея рационального устройства человеческого материала. Так же, как парк является трансформацией, рациональной трансформацией леса, также и общество уже не может быть оставлено в покое, потому что если общество растет как... лес — это же тоже общество. Социология биофитоценозов или, как называлось раньше, в начале века, «растительная социология», лес — это сообщество деревьев, где есть вертикальная, горизонтальная мобильности, там есть классовая борьба между кустарником и соснами, например, это так описано занятно... И эта метафора рационально организованного проекта перенеслась на общество, где общество нужно было создать разумно. Потому что лес растет неразумно, и люди живут неразумно, а надо заставить их жить разумно — вот очень простая мысль.

Отсюда появляется идея Утопии (*утопос* — место, которого нет), и создается рациональное описание справедливого общества. Одно из этих описаний вы можете заметить у Фрэнсиса Бэкона (сейчас почему-то это не упоминается). Я не знаю, кстати, почему, но жанр утопии часто оперировал наукой дальних странствий, в стилистике «это общество нужно создать на островах». Почему на островах?.. Ну, было бы наивно привязать это все к опыту капитана Кука.

ственно правильный способ существования [Бауман, 2005, с. 112]. Не сосуществование в мире, а его трансформация и приспособление под себя выступает основным мотивом рационализации Нового времени. — *Прим. ред.*

⁵ Речь идёт о четырех принципах научного этоса, предложенных Робертом Мертоном: коммунизм, универсализм, незаинтересованность и организованный скептицизм [Merton, 1973, p. 268–269], ниже об этом будет рассказано подробнее. Несмотря на многочисленную, не стихающую десятилетиями критику мертоновского подхода к этосу научного знания, предложенные им принципы остаются фундаментом для всех последующих теоретических построений. Подробнее рецепцию мертоновских принципов научного этоса см. в статье Н. В. Дёминой [Демина, 2005], подготовленной под руководством Геннадия Семеновича и вышедшей в свет уже после его смерти — *Прим. ред.*

И вообще призыв британских капитанов превращать всю ойкумену в рационально устроенный парк, наверное, близок к этому [утопизму], но не все объясняет. Остров должен быть, наверное, отграничен от всей остальной мирской людской грязи, чтобы создать чистое общество, очищенный проект, разумный. Что-то есть в этом глубоко религиозное, может быть, связанное с ересями, а, может быть, и нет. Я уже, видимо, самого себя окончательно запутал, поэтому вернусь назад. У Фрэнсиса Бэкона этот остров назывался Бенсалем⁶. Легко этимологию уловить: в Соединенных Штатах есть примерно около 70 городков, которые называются Сэлем. Сэлем по-еврейски «шалом», благость, «мир вам», что ли. Я, когда прихожу на лекцию, мог бы сказать вам «шалом!», но боюсь, что... да, для меня это не обязательно. Бенсалем, Bensalem — вот это общество всеобщего блага, во главе которого стоит Ученый совет. Удивительная вещь. Хотя очень трудно совместить идею плебисцитарной демократии (ну, выборность всеобщую) с Ученым советом как представительством наиболее мудрых людей — просто их не выберут, и правильно сделают. Уже в XIX веке, когда в местный немецкий ландтаг избрали в парламент где-то около 70 процентов профессоров, кто-то написал злую эпиграмму: «О, моя родина, ты погибла» («O, mein Vaterland, du bist verloren»)⁷. Здесь и еще есть... еще есть одна вещь, которая не совсем мне понятна, да она и постоянно дебатруется и достаточно запутана — это взаимопроникновение науки и власти. То есть наука и власть где-то идут рядом. Франкфуртская школа и леворадикальная

⁶ В утопической повести Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» учёный орден «Дом Соломона» управляет островом Бенсалем, расположенном в Тихом океане [Бэкон, 1962]. Делается это по всем правилам рационального научного знания, во главе угла которого стоит объективность и беспристрастность, подавление эмоций и страстей и мудрый монарх, своим присутствием отрицающий осмысленность каких-либо демократических преобразований. Одновременно с неограниченной монаршей властью на острове процветает и развивается «Дом Соломона», своеобразный научный институт, действующий независимым от власти образом, развивающим объективное знание и, фактически, управляющий островом. — *Прим. ред.*

⁷ Высказывание приписывается Герману Гейне, увидевшему катастрофу в популистском, самонадеянном собрании профессоров, волею судеб, попавших в высший законодательный орган Германии, так называемое Франкфуртское национальное собрание. Первый общегерманский парламент проработал чуть больше одного года: с 18 мая 1848 по 31 мая 1849. В ходе страстных и жарких дебатов была разработана и принята Конституция, декларирующая демократические нормы социальной жизни. Однако в результате все усилия профессорско-депутатского состава оказались тщетными, поскольку опирались скорее на вымышленный, утопический мир лучшего общества, нежели отражали реалии германского. — *Прим. ред.*

традиция построила на этом целую философию⁸. Что наука — худшая форма репрессий: раньше буржуазия просто отнимала у пролетариата средства производства и выкачивала из него прибавочную стоимость, а сейчас до того изощренными стали, что эксплуатируют его интеллектуально и духовно, то есть отнимают у него знание, формы знания. Худший вид эксплуатации — это навязывание ему вот этих вот научных моделей мира и картин мира. Если вы посмотрите в русском переводе книжку Пола, или Пауля, Фейерабенда (она у нас есть)⁹, то вы увидите эту идею развернутой до конца: худший вид репрессий — это наука, которая должна быть уничтожена. При том, что он еще и физик, и очень хороший методолог, и велико-

⁸ Франкфуртская школа — одно из ярчайших социально-философских явлений немецкой мысли начала XX века. Критическая теория общества опиралась на многостороннюю и фундированную критику научной рациональности, на которой сосуществовали и продолжают сосуществовать все авторитарные режимы. Наука, трансформирующаяся во всеобщее массовое образование, технологический аппарат физического и ментального насилия, с точки зрения Хоркхаймера и Адорно, выступает основанием, легитимирующим принципом для самых непристойных и античеловечных действий власти [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Такая наука должна быть изобличена, ограничена и поставлена под контроль, а подавляемое ею население освобождено от угнетения и объективации правящих классов. — *Прим. ред.*

⁹ Батыгин упоминает избранные труды Фейерабенда, отобранные И.С. Нарским и А.Л. Никифоровым, изданные на русском языке в 1986 году, в частности фрагменты из наиболее популярной монографии «Против метода», которые составили в указанном переводе главу «Против методологического принуждения» [Фейерабэнд, 1986, с. 125–247]. Полный перевод упоминаемой Батыгиным монографии вышел лишь в 2007 году [Фейерабэнд, 2007], спустя четыре года после смерти Батыгина. Александр Николаевич Никифоров, неизменный переводчик всего корпуса пост-позитивистских работ, признанный знаток наследия Поппера, Куна, Лакатоса и Фейерабенда, на семинаре в Секторе социологии знания ИС РАН (сектор Батыгина) в начале нулевых с грустью констатировал закат масштабной методологической программы, который был увлечен в юности и посвятил всю свою профессиональную жизнь. Пол Фейерабэнд, причисляемый к разрушителям этой программы недалёкими, поверхностно начитанными научными сотрудниками, на деле был последним оплотом позитивистской исследовательской программы. Его беспощадная критика начетнического и ритуального воспроизводства давно разрушенных методологических конструкций была направлена на поддержку научного знания, очищение последнего от властных, не имеющих отношения к науке амбиций. Батыгин внимательно относился к наследию Фейерабенда и его упоминание об уничтожении науки последним следует воспринимать как ироничную фигуру, отражающую мертоновский принцип организованного скептицизма, не имеющий ничего общего с волюнтаристскими постмодернистскими трактовками вседозволенности в производстве социального знания — *Прим. ред.*

лепный, конечно, великолепно логик. Но эта идея как бы носится в воздухе, да не носится в воздухе — она и образует сам воздух Нового времени. Вот и все.

Разрушение фантазмов. Номинализм и реализм

Да, и еще одна особенность (это все в резюме) генезиса науки. Давайте ее назовем так: разрушение фантазмов. Это слово заслуживает того, чтобы его написать. Тоже лорд Бэкон. У Бэкона есть такое понятие, оно очень популярно, хотя для него никакого значения не имело — идолы. *Idolum*¹⁰. Это то, что препятствует пониманию реальности, то, что замутняет чистое зеркало рассудка, это всякого рода заблуждения, фантазмы. Давайте напишем, если можно, так: главный из этих фантазмов — имена. Люди верят в написанное и в сказанное, и принимают слово за реальность, а вещь и слово — разные вещи. Извините, тут не сказало. Как сказать? Вещь и слово — разные вещи. Можно так? (Голос: «Две большие разницы») Да, две большие разницы. То есть слова могут

¹⁰Учение об идолах изложено в «Новом Органоне» [Бэкон, 1972], однако Бэкон не раз возвращался к их истолкованию в других произведениях. Идолами он называл заблуждения, присущие опытному или индуктивному способу познания: «Они [идолы] обманывают не в частных вопросах, как остальные заблуждения, затемняющие разум и расставляющие ему ловушки; их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта. Ведь человеческий ум, затемнённый и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное, чистое зеркало, неискаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он скорее подобен какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых ведений. Идолы воздействуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т.е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй — идолами пещеры и третий — идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которые мы называем идолами театра, являющимися результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства [Бэкон, 1971, с. 322]. Любопытно, что метафора зеркала прижилась в отношении опросов общественного мнения, хотя к ним в равной мере можно приложить бэконовское описание «колдовского зеркала», вносящего гораздо больше искажений, нежели отражающее общественные мнения и настроения. Идолы рода, пещеры, площади и театра лишь умножаются в коллективном сознании, которое пытается защитить себя от внешней критики, выдавая ложные представления за точные знания. Обнаружение заблуждений есть основная задача научного сотрудника, его научный этос по Батыгину. — Прим. ред.

не означать реальности, то есть слова — это фантазмы и фикции. Отсюда эти люди в напудренных париках с буклями: Ньютон и Кавендиш, и Бокль за ними, — они в результате коротких дебатов написали на гербе этого общества: «Nullius in verba». Как это перевести? (Голос: «Ничего в словах») Ну, «ничего в словах» — это не по-русски. В переводе ведь главное — русский язык, а не ... Я бы перевел так: «Слова это... это ничто».

И на этом стоит наука, конечно — наука никогда не верит в слово, но верит только во что? В опыт. А что такое опыт? А опыт — это мир идолов. Идолов там четыре, давайте их перечислим рядом с этим: это идола театра, *idoli theatricum*, это идола внешних изображений, то есть то, что явлено, — не то, что на самом деле. Можно ли о человеке судить по его словам? Нет, конечно. Они же все наследовали идеи античной философии, они прекрасно знали конфликт между сократовцами, сократической школой, и софистами. Софист — весь красивый, в пурпурном хитоне с кистями. Вокруг него девушки, прекрасные девушки в белых туниках, с опашалами. И он на трибуне вещает народу о том, как надо жить. Причем, сам стиль вещания — риторический — рассчитан на убеждение. Вот теперь возникает вопрос. Сократ тут же стоял, неподалеку, за углом, в грязном хитоне, стараясь, чтобы его жена Ксантиппа не увидела. И он думал так (это я выдумываю, конечно): «Вот они рассчитаны на убеждение, потому что логические аргументы в толпе действуют. Или нет? А что там действует? Суггестия, конечно». Сократ уже это слово знал примерно. Суггестия, и апломб, и идола театра, то есть театрализация жизни. Наука XVII века очень сильно старалась избавиться от идолов театра. Ну, привело это, естественно, к тому, что были созданы новые театры, уже научные, но это и правильно. Ну, давайте еще... значит, идола театра, идола рынка, что там еще? Аффекты забыл. А? (Голос: «Идола пещеры») Не слышу. (Голос: «Идола пещеры») Правильно, большое вам спасибо, помогли мне, а я забыл совершенно — и идола пещеры. Идола пещеры — это идола, которые проистекают из ошибок в органах чувств. Я не буду рисовать этот знаменитый стакан, который потряс новоевропейское сознание. Если налить в стакан воды и опустить в него карандаш, то все наблюдатели — когерентно, с контрольной группой, с экспериментальной, с тремя экспериментальными группами — будут видеть, что карандаш изломан. Но, вытащив карандаш, они увидят, что он не изломан. Таких вещей очень много происходит, потому что формы опыта на самом деле извращают знание.

Что такое «идола пещеры»? В Десятой книге (в Десятой, конечно, я не ошибаюсь), в Десятой книге «Республики», то есть платоновского диалога, который еще переводится, да, переводится как «Государство», там говорится так, что люди в своих органах, воспринимая мир, находятся как бы в пещере, прикованные, и смотрят на стену

перед собой, а свет истины, свет этой идеи дает тени на этой стене¹¹. То есть сами идеи проходят там, где-то сверху (он говорит: «там, по верхней дороге»; по-моему, бред какой-то, но это мифологические вещи), и тени от вещей, самих по себе, проходящих по верхней дороге — они уже наблюдаются чувствами. Красное, желтое, зеленое, сильное, слабое, умный человек, говорят, добрый, хороший... А что это такое? Это же неизвестно. Так вот последний этот идол, идол пещеры, как раз и подлежит деконструкции со стороны ясного, отчетливого научного знания. Отсюда вывод такой, что наука дает ясные и отчетливые истины.

Различие между французским, континентальным рационализмом и британским сенсуализмом заключается в том, что для Декарта, рационалиста, истины возможны только как истины разума, а британские сенсуалисты, зная это прекрасно, пытались вытащить истину из чувства. Это связано, может быть, с религиозными различиями, поэтому давайте здесь напишем еще один подпункт в этом резюме — это различие номинализма и реализма. Реалист отличается от номиналиста тем, что понятие (напишу — «понятие»), понятие... реально, реальное. А здесь это не что иное, как... Как бы сказать? Да, лучше на латыни — *nomina*. Номинализм. Дискуссия между Платоном и Антисфеном Киником с этим и связана. Антисфен пришел на занятия в Академию и спрашивает, лошади существуют? «Вот, — говорит, — вот, лошадь пасется, она рыжая, довольно молодая, норовистая, и она радикальным образом отличается от другой лошади, на которой

¹¹ О символе пещеры речь идёт в седьмой книге платоновского «Государства», именно там обосновывается невозможность видеть истинное знание теми, кто всю жизнь видел лишь тени: «А сели заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболит у него глаза, и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показываю?» [Платон, 2007, с. 351]. Но и в десятой части можно найти развитие темы идолов ложного восприятия. В ней обосновывается недостоверность и вредность любого отражения, в частности полученного посредством подражания на театральных подмостках, в поэзии или любом другом виде искусства. Подлинность по Платону не нуждается ни в каких посредниках, которые по своей природе могут лишь вводить в заблуждение и искажать реальность. Поэтому любой рассказчик или поэт может творить лишь признаки, отдаляющие зрителя от реальности: «...все поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются. Это как в только что приведенном нами примере: живописец нарисует сапожника, который покажется настоящим сапожником, а между тем этот живописец ничего не смыслит в сапожном деле; да и зрители его картины тоже — они судят лишь по краскам и очертаниям» [Платон, 2007, с. 465]. Возможно, из-за близости повествования о копии (тени) и подлиннике (истинных фигурах на возвышении) и произошла путаница в ссылке на книги. — *Прим. ред.*

возят воду. А почему их объединяют в одно понятие? Лошади-то разные». Платон говорит: «Ведь дело не в лошади, а в лошадности самой. Именно лошадность и существует, а живые лошади — это ничто. Так же как глина не имеет никакого отношения к идее кувшина — в глине же не положена идея кувшина — демиург создает из нее идею. Так и здесь. Поэтому, — говорит, — у тебя, Антисфен, есть, наверное, то, чем воспринимается лошадь, а вот чем воспринимается лошадность, у тебя нет». Антисфен обиделся, ушел, потом, правда, отыгравшись на Платоне с этим знаменитым петухом, который соответствовал определению человека.

А здесь, у номиналистов, понятия — лишь номины, это лишь имена. Отсюда еще одно примечание такое маленькое. Что такое *потіиа*? Это Монтекки и Капулетти. Джульетта — настоящий номиналист, последовательный. Ей там сколько — 14 лет, но она уже номиналистическую традицию усвоила: «Не ты, а имя»¹². Там есть очаровательная такая... то, что называется в стилистике, в риторике — паранимическая аттракция: *Вит уои... but те... ту еиету*. Это ни к чему вообще-то, но на всякий случай. Меня это всегда очень сильно как-то занимает. *Наме*, идет паранимическая аттракция к *еиету*. У Шекспира большая часть строк замкнуты в паранимические аттракции, если вы посмотрите. «Не ты, а имя лишь твое — мой враг» переводится, но этот перевод теряет паранимическую аттракцию. «Не ты, а имя лишь твое — мой враг, — говорит она. — Ты сам собой, ты вовсе не Монтекки». Вот это и есть наука, вещи сами по себе. А что значит «сам собой»? Значит, нужно понять свойства вещи, исходя из самой вещи, избавившись от реалистичности этих понятий, от глупости этих понятий. Нет, извините, это неправильно, глупость тут ни при чем — не нам судить. Рука, нога, лицо, что-нибудь еще, что человеку принадлежит... «Роза, — говорит [Джульетта], — а роза, что,

¹² В переводе А. Радловой реплика Джульетты:

*«Не ты, а имя лишь твоё — мне враг.
Ты сам собой, ты вовсе не Монтекки.
Монтекки ли — рука, нога, лицо
Иль что-нибудь ещё, что человеку
Принадлежит? Возьми другое имя.
Что имя? Роза бы иначе пахла,
Когда б её иначе называли?
Ромео, если б не Ромео стал,
Своё всё совершенство сохранил бы
И безыменный. Сбрось, Ромео, имя,
Отдай то, что не часть тебя, — возьми
Меня ты всю»*

(В. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт второй, сцена вторая). — Прим. ред.

иначе пахла, когда вы ее иначе называли?» Эксперимент *ex post facto* идет. А перед этим создает еще чисто алхимические вещи такие, чисто словесные. Это и есть алхимия. Алхимия — это работа не с понятиями, а с вещами: серу, ненависть смешать, почувствовать превращение материалов, в реторте перекипятить всё, получить осадок, и осадок смешать опять же с медью и с ненавистью. Вот эта мистика кажущаяся... да нет, мистика на самом деле, она и пронизывала в общем творчество Ньютона, основателя экспериментального метода, механической картины мира, дифференциального и интегрального исчисления, как это ни удивительно.

Иудейский Учитель и римское право

И еще одно, пожалуй, примечание, вот к этому. У Рембрандта, кажется, есть картина (на всякий случай запишите) — я плохо разбираюсь в этом, но Карен Араевич Свасьян, который меня наставляет на истинный путь всегда по истории философии¹³, он говорит, что вот идеал европейской, новоевропейской, науки показан в этой картине — «Урок анатомии доктора Тюльпа». Как всегда у Рембрандта, из мрака выходит такое светлое пятно, лежит труп в подвале где-то, над ним склонились тени ученых. Кто-то в парике, а кто-то в халате. Один... двое из них, по-моему, роятся в трупе, препарируют, а другие очень внимательно (видимо, с блокнотами или еще с чем-то) стараются наблюдать. Это все в тайне, конечно, потому что подобным образом расколдовать мир нельзя — не одобрялось, общество не одобряло. Это можно делать только в замкнутом пространстве подвала. Отсюда ка-

¹³ С Кареном Араевичем, советским и армянским философом, Батыгина связывала многолетняя дружба. Одного поколения, близкого круга чтения, схожих философских интуиций, они по долгу обсуждали, казалось бы, далекие от экономических и социальных перипетий 1990-х вопросы. О человеческом предназначении, возможностях познания, духовной природе человека, совпадении профессиональной судьбы с личной, о поисках смысла. Геворг Арамович Погосян, их общий друг, вспоминает случай, когда в 1997-м году они с Кареном Араевичем так долго засиделись дома у Геннадия Семеновича, что опоздали на рейс Карена в Швейцарию, куда он летел преподавать в Базельский университет. Они вернулись назад и продолжили беседу до другого утреннего рейса [Погосян, Рогозин, 2023, с. 104–105]. Лекцию об этике можно трактовать как одну из бесед с друзьями, на кухне, когда переплетаются судьбы и столетия. Различные философские учения выстраиваются в одну линию, подчиняются одному исследовательскому вопросу, оставляя при этом свободу для интерпретации и мысли собеседнику, студенту, или преподавателю, или другу. — *Прим. ред.*

жется, что наука уже в то время очень хорошо дистанцировала себя от общества, хотя и наследовала религиозную традицию, схоластическую, во всяком случае. Здесь нужно что сказать? Наука поставила себя вне нормальных людей, вне общества, если угодно. И Фуко здесь, наверное, прав, что это все граничит с насилием, а, может быть, и с преступлением, с каким-то метафизическим преступлением. И вот когда... если увидите в нашей библиотеке книжку Фуко¹⁴, на обложке которой наши дизайнеры уже в прошлогодней версии изобразили голову с содранной кожей, всю в крови — вот, то это не так далеко ушло от идеи науки. Что-то антигуманное здесь есть. Но это антигуманное — вовсе не для осуждения, а даже, может быть, и наоборот.

Так, и следующей подпункт в этом резюме. Еще одно существенное дополнение к генезису науки. Я его выпустил из поля зрения, а за эту неделю все-таки задумался. Генезис науки связан еще с тремя источниками. Первый источник — это священно книжие иудейское, как это ни странно. Здесь иудео-христианское священно книжие. Что такое священно книжие? Это конституирование некоторого текста как сакрального. Вы, наверное, слышали, что у иудеев религия основана на знании: там нет понятия «верить в Бога». В христианстве, особенно в современном, там есть понятие личного религиозного опыта как переживания. Иудейская традиция не знает этого, там «верить» — это «знать». Знать и соблюдать. Например, никогда не спросят: «Ты веришь в Бога?» — у еврея. Что значит «верю»? Бессмысленный вопрос: сегодня я верю, завтра не верю, мои психические, ментальные состояния могут зависеть от чего угодно, бывают и разочарования. А верить — это значит соблюдать субботу. Спрашивают: «Ты соблюдаешь субботу или нет?» Не соблюдаешь — значит, не иудей, соблюдаешь — иудей. И всё. Да, кстати, слово «любить» в чисто эротическом смысле, там тоже этот элемент не значим, там нет такого слова определенного. Так вот идея заключается в том, что все состояния мира записаны в Книге. То есть единственное, что нужно знать, — это знать текст Книги или священно книжия. Было бы наивно сказать, что это всё — архаичные формы знания, что это только дикие люди при Соломоне, при Царе Горохе, верили в эти рассказы. На самом деле, те верования, которые бытуют сегодня, в XXI веке, насколько не лучше и не хуже тех. Значит, это священная книга. Да, а можно даже спросить (хотя я уверен, что вы знаете это): в христианской традиции священные книги есть? У вас, христиан? Да, несомненно, у вас, христиан, есть священные книги: это 37 книг Ветхого завета

¹⁴ Первое издание русского перевода «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», выпущенного Владимиром Наумовым и опубликованного издательством Ad Marginem в 1995 году [Фуко, 1995]. Перевод не единожды переиздавался, но от столь вызывающей обложки издательство отказалось. — *Прим. ред.*

и 24 книги Нового завета. Из них основные — четыре Евангелия, из них три — синоптические. И что это значит? Это значит, что переписать эти книги, изменить их, нельзя. В них можно только вникнуть. Аналогичная штука происходит и в науке, конечно, потому что в науке тоже создаются священные книги. Они называются, правда, по-другому — классика. Классика — это тот корпус текстов, где нет ошибок. Правда это или нет, трудно сказать. Значит, первый пункт — это священнокнижие. Евгений Борисович Рашковский... если вам будет это интересно, у него есть великолепная экзотичная книга (такая, паранормальная, конечно, как и все гениальное — это не вполне нормально), она называется «Наука и ученые в странах Востока и ...». Издано в Москве, в издательстве «Наука», по-моему, в 1982 году. Он там рассматривает это священнокнижие¹⁵. Там же, в этом священнокнижии, рядом есть еще идея Учителя. Учитель — это не просто преподаватель. В английском языке нет слова «учитель», кстати. А вот в русском и еврейском — есть. Учитель (нужно писать с прописной буквы) — это человек, который обладает правом толкования священной книги, то есть идея священноначалия появляется. Священноначалие — это выделение специфического сегмента акторов (живых людей, например, либо умерших), которые обладали аутентичным знанием смысла. И третий компонент тогда — что передача знаний или форма

¹⁵ У Е. Б. Рашковского не было книги с заглавием «Наука и ученые в странах Востока», не было книги и 1982 года издания. В 1979 году в издательстве Наука вышла в свет монография «Востоковедческая проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби [Рашковский, 1979], а в 1980 году — «Науковедение и Восток» [Рашковский, 1980]. Обе книги, так или иначе, затрагивают вопросы личного знания, постижения мира через самопознание, свойственные восточной традиции, однако наиболее близка к упомянутой теме священнокнижия более поздняя работа Рашковского «Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX века [Рашковский, 1990], увидевшая свет в 1990 году. По всей видимости именно об этой книге идет речь в лекции. Согласно автору священнокнижические системы познания соотносились «с попытками глубокого проникновения в природу знания», а сам «процесс познания воспринимался в таких случаях как относительно автономный, имеющий собственную внутреннюю динамику и структуру, собственные навыки самоподдержания и самокоррекции» [Рашковский, 1990, с. 33]. Реализуемое в медитативном опыте священнокнижие опиралось напрямую на античное научно-философское знание (что сближает его с европейской теологизированной традицией) и косвенно на фольклор и стереотипы обыденного сознания. Классическое рациональное знание XVII–XIX вв. игнорировало священнокнижие, однако в XX веке произошёл ренессанс последнего в неклассическом рациональном знании. Такую интерпретацию Рашковского можно составить по его монографии, которую дополняют не только упомянутые выше ранние работы, но и его обращение в последующие годы к православному канону и раннехристианской славянской традиции. — *Прим. ред.*

трансляции, трансмиссии знаний, осуществляется путем личных контактов с Учителем, передача сокровенного знания. Это не обязательно иудейская вещь, то же самое было присуще и Пифагору, который в своей школе культивировал передачу знаний вот так вот — шепотом: в углу кому-то что-то сказали тихо и сделали вид, что они услышали, и пошли дальше. Записать ничего нельзя, потому что как только запишешь, обязательно соврешь¹⁶. Эта вся традиция, наверное, присутствует и сегодня. Да, кроме священноначалия и священноначалия, и вот этого контакта, общения с Учителем с большой буквы.

В генезисе научного знания выделяется еще и римское право, как мне кажется. Здесь я менее уверен. Римское право создало такой великолепный институт или великолепнейшую машину производства знания как доказательство, судебное доказательство, а также понятие презумпции — из чего мы исходим, и, в частности, кто несет на себе бремя доказательства. Например, на защите диссертации, как вы думаете, кто несет на себе бремя доказательства, что тезис правильный? Защищающийся. А почему не наоборот? Почему не все остальные

¹⁶Устное слово не переводимо в текст. За незаметным, почти механическим переносом звуков в набранные тем или иным шрифтом слова скрывается огромная пропасть непониманий, умолчаний, ложных толкований. О проблеме трансформации смыслов в таком переносе не раз приходилось говорить с Геннадием Семеновичем, именно с этой проблемой связан его отказ от обработки и публикации лекций, читаемых в Шанинке. Строго говоря, Батыгин бы не одобрил и публикацию этой лекции, возможно, выступил резко против, осудил. Но в этом осуждении сокрыто и противоречие, невидимая чужаку двойственность научной коммуникации. С одной стороны, только устное слово, соприсутствие позволяют соотнести свой мир с миром другого, воспринять его речь. С другой — такое соотнесение длится очень короткое время, оно почти мгновение, за которым наступает забвение, уход в другое, текущее, злободневное, актуальное, далеко не всегда необходимое и достаточное для научной мысли. Продолжая традицию личного ученичества, многие преподаватели Шанинки ведут себя странно с точки зрения современного студента: превозносят личное общение и устное слово, хотя везде утверждают о главенстве текста и сами очень много времени проводят в работе над текстами; запрещают записывать свои лекции, хотя утверждают, что наука строится на цитировании и обращении к текстам других; призывают к послушанию, хотя сами порой дерзновенны до неприличия. Противоречия эти поверхностны, при внимательном рассмотрении рассыпаются. Сокровенное знание нуждается в сохранении, и лучший способ этого фиксация устной речи в письменном тексте, с потерей смыслов, образов, авторских интонаций. Последние не возродить. Текст нужен не для фиксации и протоколирования происходящего, а для сохранения личных впечатлений от встречи. Текст — это не протокол, а мета, сигнал для активизации воспоминаний о событиях. И не столь важно был или не был их участником. Соприсутствие достигается не физическим способом. Соприсутствие достигается через принятие другого как Учителя, через следование и одновременное нарушение его наставлений. — *Прим. ред.*

должны доказывать, что это неправильно? (Голос: «Презумпция неверности») Римское право нас учит этому. Кто хочет что-то доказать, тот и будет доказывать: изложит все аргументы, что это так, а другие будут сомневаться. Вот это второй источник.

Греческая «пайдейя», Аристотель и Зенон

А третий источник, он же, наверное, и самый важный, он, наверное, предшествует римскому праву — это греческая... как это назвать?.. У Льва Шестова есть книжка «Афины и Иерусалим»¹⁷ — вот, это перифраз из трактата Тертуллиана... нет, не из трактата Тертуллиана, что я говорю, а известного афоризма Тертуллиана, который вошел в традицию: «Что общего между Афинами и Иерусалимом?» Верую, потому что абсурдно. Разве можно верить рационально? Верить можно только в абсурдное. Афины — это апофеоз мудрствования рассуждения, а Иерусалим — это вера, не основанная ни на каких умствованиях, а вера сама по себе, охватывающая и знания, в том числе. Все науки — приложение к Торе, вот и всё, больше ничего нет. Так между Афинами и Иерусалимом общего ничего нет, наверное, но, тем не менее, они входят в число родителей науки. Тут можно и биологические параллели продолжить, но не слишком рискованные: кто есть кто, непонятно. Так вот, античность и античная Греция создала специфическую форму конституирования знания, которая называется... как это назвать?... умствование что ли?... логос лучше назвать, логику — в таком широком смысле, то есть рассуждение. А еще — слово «пайдейя», вот это знание, соединенное с умением рассуждать, и убеждать, и доказывать. Например, социальные конфликты либо отношения власти могут быть осуществлены с помощью оружия либо кулака. Если кто-то не согласен, что параллельные прямые пересекаются, можно дать ему по лбу, и он согласится. Но это доказательство не legitimately: он может действительно согласиться, но это не имеет отношения к порядкам мира. А вот здесь речь идет о работе словами и понятиями. Пайдейя это... Да, есть книжка «Пайдейя», так и называется, Авербаха, кажется. Нет, или Авербаха это «Мимесис»? Извините, забыл автора¹⁸. Но это не важно. Чтобы его запомнить нужно запомнить другое слово, как всегда, в мнемонических техниках — найти другое слово,

¹⁷ См., например, издание 2017-го года, доступное в книжных магазинах: [Шестов, 2017].

¹⁸ Возможно речь идёт о работе Анатолия Аркадьевича Пинского [Пинский, 1997], или Вернера Йегера [Йегер, 1997], или ещё какого автора изданного или переведенного в конце 1990-х, годах педагогических экспериментов, вдохновивших не одно поколение

привязать к нему. *Cyclos... Encyclos... paedia*. Напоминает что-то? Энциклопедия. Вот, из этого же этимологического корня — *encyclos*, «вокруг всего», это всестороннее знание и умение оперировать аргументами. Вот и все. Отсюда — греческая философия, это Сократ и его постоянное стремление все подвергнуть сомнению. Задавать постоянно вопросы. Эта же «пайдейя» стала основой политического дискурса, то есть основой политики, политика уже основывалась не на силе, а на совместном обсуждении чего-то. По-русски парламент переводится как «толковище». То есть когда собирается много людей, они начинают обсуждать, что делать. Вот тут начинается «пайдейя». А в восточной деспотии, там нет смысла обсуждать, что делать, там есть только команда и право сильного. В этом идея.

(Голос: «А воспитание относится к этому?») Несомненно. Конечно. Воспитание или социализация, воспитание гражданина — конечно, это, прежде всего, обучение его рассуждению в политике. Поэтому когда говорят о коммуникативном действии, вслед за Хабермасом говорят, прежде всего, об умении найти разумные аргументы и использовать силу знания. Вот в рамках «пайдейи» было открыто, что знание имеет странную силу: как только логически что-то доказано, это обладает какой-то силой власти — человек начинает подчиняться логическому убеждению. Но не все, а только воспитанные. Там есть «питание» еще, значит, это знание поступило в его организм в качестве питания, и он уже не может без него. Потому что есть люди, которые могут (ну, наверное, это зависит уже от типов социального действия), они могут воспринимать в качестве аргумента только кулак либо очень явную угрозу. Там работает принцип: дают — бери, бьют — беги. А здесь возникает такая странная вещь (она заслуживает трехминутного обсуждения) — представление знания как представление. Это мы, кстати, с Теодором тогда в прошлом году обсуждали эту вещь в связи с участием в военных действиях, в войне 1947 года... 1948 года¹⁹. Там есть некоторый субъект: «Я хочу и заставляю других делать». Это тоже может быть. А другой субъект, воспитанный в «пайдейе», создает нечто вроде кино — представление, то есть поставление перед собой, перед нами. Например, мы обсуждаем формы социальной мобильности, обсуждаем стабильность семейных отношений,

на поиск старых форм обучения и воспитания, одновременно забытых, изгнанных и практикуемых, воспроизводимых в современных российских школах. — *Прим. ред.*

¹⁹ Теодор Шанин не раз возвращался к войне за независимость Израиля 1947–1949 гг. Непосредственный участник тех событий, штурмовик тех лет, Теодор раз за разом переосмысливал часть своей биографии, в которой насилие выступало основным аргументом, формировало среду товарищества и братства, в какой-то степени формировало новую еврейскую нацию. Подробнее о судьбе Теодора Шанина и, в частности, его воспоминания о тех годах см.: [Архангельский, 2020]. — *Прим. ред.*

динамику власти, когда начинается Термидор — через пять лет после революционного переворота или через десять. Здесь мы оперируем не просто наблюдениями за чем-то, а общезначимыми формами.

И вот, Теодор рассказал мне очень интересную вещь, она и мне тоже знакома отчасти. Она связана с лазарсфельдовской идеей: кто более устойчив к стрессу в условиях непосредственного соприкосновения с противником?²⁰ У Лазарсфельда это было на островах

²⁰Пол Лазарсфельд умел удивлять публику. На конференции Американской социологической ассоциации он выступил с докладом о вызовах и перспективах социальных исследований, упомянув о тривиальностях в изучении американских солдат. Его выступление вошло в парсоновский сборник по американской социологии [Lazarsfeld, 1968] и в дальнейшем не раз цитировалось. С его упоминания начинается свое предисловие к известным «Лекциям по методологии социологических исследований» и Батыгин: «В 1967 году на собрании Американской социологической ассоциации Пауль Лазарсфельд делал доклад по методам измерения и остановился на мнимых тривиальностях, в которых часто упрекают социологическую науку. Известно, что солдаты с более высоким уровнем образования проявляли во время войны больше психоневрологических симптомов, чем их менее образованные товарищи — психическая нестабильность интеллектуала не требует особых доказательств. Южане лучше переносят жаркий климат южных морей, чем северяне — это просто трюизм. Рядовые-белые больше стремятся стать унтер-офицерами, чем рядовые-негры (книга написана в начале 1990-х, когда слово негр было в ходу в русском языке, а черный или афро-американец, считающиеся сейчас корректными, были бы скорее восприняты как оскорбление или насмешка — Прим. мои) — отсутствие у негров честолюбия вошло в поговорку. Во время войны солдаты сильнее стремились вернуться домой, чем после капитуляции Германии, — нельзя винить людей за то, что они не хотят быть убитыми. Самуэль Стауффер (руководитель проект «Американский солдат», в рамках которого и проводилось исследование — Прим. мои) потратил для получения этих выводов много сил и энергии. Не лучше ли принимать из без доказательств и сразу прееходить к более глубокому уровню анализа? На самом деле каждое из этих утверждений прямо противоположно тому, что было обнаружено в действительности. Солдаты с низким уровнем образования более невротичны, чем их образованные товарищи; южане не обнаружили по сравнению с северянами большей адаптации к тропическому климату; негры больше стремились к повышению в должности, чем белые. Действительно, суждения здравого смысла часто оказываются ошибочными, но значит ли это, что социологическая методология ставит социолога над миром повседневности?» [Батыгин, 1995а, с. 3–4]. Для изучения кажущихся тривиальностей социального мира не достаточно лишь обладать критическим настроем и смелостью его высказать, необходимы институциональные условия для этого. Именно построению института социальных исследований как системы отношений, вписанных в общественную жизнь страны, и посвятил свою жизнь Лазарсфельд. В своей президентской речи «Социология эмпирических социальных исследований» в 1962 году, когда он был избран 52-м Президентом Американской социологической ассоциации, Пол Лазарсфельд подобно обсуждает

Фиджи, в подразделениях морской пехоты во время войны, а у Теодора — во время войны с нашими двоюродными братьями. Высокобразованный человек, выпускник Принстона, либо Московского университета, либо Вильнюсского, вильнюсского хедера, он что делает? Как вы думаете, он более устойчив к стрессу и более приспособлен, то есть воспитан как воин? А? (Голос: «Нет») Вот все так думают, что эти выпускники университета — маменькины сынки, хлюпики, и их нельзя ни к чему приспособить, только как... ну даже отрыть полный профиль окопа они не могут. А вот люди из народа — такие крепкие, малообразованные, простые парни — вот они устойчивы. На самом деле, всё наоборот, абсолютно все наоборот. Вот эти вот выпускники Принстона, они образуют четкость, мобилизованность, физическую выносливость, и умение управлять собой, владеть собой. С чем это связано? Я так думаю, может быть, наверное, с «пайдейей». Например, как Теодор рассказывал: взвод, где в основном русские евреи — они очень образованы, в отличие от евреев, ну вот восточноевропейских, ашкенази, либо средиземноморских. Хотя сефарды и богаче, на самом деле, они намного глупее, извините за этот национализм. Ну и там ашкенази намного лучше и умнее... Так вот, этот взвод состоит из русских евреев, они очень образованы, и они не боятся танков. Почему? Потому что, когда идет на них тяжелая, кажущаяся страшной машина, они, усвоив предыдущие инструктажи, знают и представляют, представляют, что танк — это железный ящик, люди внутри которого — не жильцы. Экипаж танка, дай Бог, если он проживет 15 минут, в среднем. На самом деле, нужно как можно быстрее окопаться, не очень глубоко, и попытаться сделать так, чтобы они потеряли из поля зрения этой смотровой щели этого человека, и бояться ему не надо. Но самое глупое, что можно сделать (это говорят старшие офицеры на инструктажах), это выскочить из окопа и побежать от него, подчинившись своему страху. Тогда всё, 100 процентов уже — не жилец. Так вот, те, кто образованные, — выпускники русских, вильнюсских хедеров и Московского университета — они

институциональную неустроенность американской социологии и призывает коллег в первую очередь обратить внимание не на производство нового знания, а на методологическое осмысление и технологическую поддержку социальных исследований [Lazarsfeld, 1962]. Только через систематическое наблюдение за реальностью можно расколоть тривиальности, составляющие основу социальным убеждениям и представлениям большинства населения. Социолог по Лазарсфельду всегда находится в позиции сомневающегося наблюдателя, но удержать её самостоятельно, без институциональной поддержки невозможно. Пайдейей — это не философское и умозрительное состояние одинокого исследователя, а система эшелонированного воспроизводства социального знания, с жестко определенными ролями и позициями участников такого воспроизводства. — *Прим. ред.*

свое знание держат в представлении, то есть включают режим «пайдейя» и не побегут никогда. А рядом — сефарды малообразованные, они мигом забывают все то, что им говорили до этого, и подчиняются своему страху. У них знания нет никакого, и силы нет. И, естественно, что большая часть из них гибнет. На них понадеяться нельзя — они сильно подвержены стрессу. Умение вынести знание за пределы своего собственного Я, своей воли, и подчиниться ему, самому себе, а также подчинить других — это достижение греческого мудрствования. Оно и воспринято наукой. Потому что как бы нам не хотелось, например, быть... кем?... ну, например, скажем, есть очаровательные, опьяняющие теории какие-нибудь, вот, постмодернистская. Очень хочется быть постмодернистом, но иногда вот этот логос говорит: «Не надо, не суйся туда». — «Да, ну, хорошо, не буду». Я подчинился ему и тем самым танка уже не боюсь. Значит, и общая формула здесь такая, что это знание — «пайдейя» — безлично, как ни странно. Оно не принадлежит никому. Например, теорема Пифагора, как вы думаете, это что? Это ментальное состояние Пифагора что ли? Вовсе нет. Просто Пифагор временно подключился к сети, вошел туда, в этот предвечный сайт, скачал теорему и все, и транслировал другим. То же самое сделал и сэр Исаак Ньютон.

Ну и последнее в этом резюме, затянувшемся немножко. Аристотель. И вроде я всех отцов и матерей науки перечислил. Аристотель тоже принадлежит к этой античной традиции. Здесь мы ему обязаны только одним вообще-то. Я, правда, не знаю, был ли Аристотель ученым. Скорее всего, нет — он был просто Аристотелем. Фигура мифологизированная, неизвестная Европе вплоть до XII века. В Европу трактаты Аристотеля пришли через арабов. Они были вынуждены переводить с арабского языка на латынь. Потом обнаружили, что есть греческие оригиналы Аристотеля; оказалось, что они несопоставимы совершенно. Потом решили в общем создать миф об Аристотеле, и одним из компонентов этого мифа является различение трех видов наук: теоретические, практические и творческие. Что на самом деле думал Аристотель, я не знаю. Я не классический филолог и могу об этом судить только понаслышке. Науки теоретические имеют своей функцией *феорею* или теорию, лишь одно знание. Извините. Теоретические науки — это логика, логос, или объяснение чего-то. «Все люди смертны». Если мы определяем какого-то объекта как человека, например, «Сократ, ты смертен». «Сократ — человек, значит ты, Сократ, смертен». И всё. Вот это логика.

И тут фигуры силлогизма работают везде, независимо от материала: в биологии, в общественных науках, в религии, может быть. Так, теоретические науки есть. Науки практические — это науки, связанные с полезностью и со здравым смыслом. Тут Шютц ни при чем, конечно, хотя и хочется его привнести, но у Аристотеля есть понятие «*phronesis*» — практичность. Как вы думаете, людям науки свойствен-

на практичность? Может быть, и свойственна, но это не имеет отношения к логике. Иногда логические рассуждения оказываются менее практичными, чем алогические. Это те науки, которые Аристотель еще связывал с понятием «технос», техника, оперирование. Там совершенно другое.

И третий тип — творческие науки. Это поэсис или мимесис, подражание чему-то. Можно ли объяснить художнику, как нарисовать картину? (Голос: «Нет») Можно объяснить, но он не нарисует все равно. А он сам себе может объяснить? Может, конечно, но эти объяснения будут мистификацией. Это когда приходят покупатели картины... очень легко понаблюдать это на вернисаже — как художник начинает объяснять, что он имел в виду, что он хотел изобразить. Это обычная ахиня, которая воспроизводится все время в одних и тех же форматах. «Вот я хотел изобразить свое внутреннее чувство» — он говорит, хотя на самом деле никакого внутреннего чувства у него не было. Так нарисовалось. Здесь мы воспроизводим идею в своем внешнем виде. Вот и все.

Да, еще одно примечание, оно, может быть, вам покажется занятным. Вы, наверное, слышали, что была такая элейская школа в античности. Зенон, не Зенон Стоик, а Зенон Элеец. Это тоже, конечно, домысел — ему это приписывается, потому что самих рукописей либо (публикаций не было в то время) «публикаций» Зенона не осталось, они не описаны в каталогах. А вот в доксографах (доксограф — это то, что о них говорят, что они якобы сказали, а, может быть, и нет) получили известность апории Зенона. Одна из этих апорий, которая часто используется, называется «Ахилл и черепаха». Остальные три апории примерно одинаковы. Например, Ахилл, — как я, помню, это пояснял адъюнктам Высшей школы милиции²¹, — дикий, неуправляемый Ахилл, неуправляемый, на грани потери дееспособности Ахилл, вот, он преследует... и объект его преступного посягательства — черепаха.

Что делает хороший следователь? Он изучает сначала логическую возможность этого действия, то есть нет ли алиби, еще что-то. Ну, алиби нет, потому что все видели Ахилла и он сам признается. Но при этом Ахилл никогда не может догнать черепаху, логически.

²¹ В Высшей школе милиции (современное название: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя) Батыгин проработал несколько лет в начале 1990-х. Как он сам упоминал в биографическом интервью, нагрузка была огромной, но работать с офицерами милиции, со следователями, оперативниками, розыскниками, специалистами по боевой и физической подготовке личного состава было интересно [Батыгин, 2003, с. 161–162]. В конце десятих годов я оказался в компании отставного высшего командного состава московской милиции. Генералы в отставке с большой теплотой вспоминали Геннадия Семеновича, рассказывали об его удивительной эрудиции и интеллектуальной отзывчивости на запросы, казалось бы, далекие от философской и социологической тематики. — Прим. ред.

Почему? Потому что догнать черепаху значит переместиться из пункта А в пункт В. Для этого необходимо преодолеть хотя бы часть пути, половину пути хотя бы. И тогда проблема возобновится. Чтоб преодолеть половину пути... Когда-нибудь этот отрезок будет равен нулю? Не будет, потому что здесь введено понятие предела отчасти, $1/n$, а n стремится к бесконечности. Следовательно, никогда это нулю равняться не будет. Это понятие предела, а весь этот раздел математики отсутствовал как таковой. Он сейчас кажется естественным, а апории Зенона кажутся неестественными. Значит, Ахилл не может догнать черепаху чисто логически. Предположим, что он к ней приблизился на миллиметр. Ну, слово «миллиметр» — дурацкое весьма, но ничего. Оно может быть и километром. Но и этот миллиметр он не преодолеет.

А теперь посмотрим все за элейцами, понаблюдаем за семинаром элейцев. Он говорит, значит, один из его аспирантов, Зенона: «Но ведь он и с места сдвинуться не сможет, если исходить из этой логики». Что значит «сдвинуться с места»? Это значит переместиться из точки А в точку В, сколь бы мала она ни была. Он не может ни шевельнуть рукой, ни сдвинуться. Старик Протагор, который там сидел, говорит: «Ну, естественно. Но тогда ничто в мире не может измениться, потому что любое изменение — это изменение состояния А в состояние В». Он говорит: «Совершенно верно. Значит, движения нет». Но ведь мы говорим: «Побежала собака; киники бегают, а за ними собаки по улицам...».

«Это кажется лишь» — он говорит. Почему? Надо отличать два вида знания: одно — по мнению, другое — по истине. По истине движения нет, а мнение таково, что это движется. «Но это лишь видимость, потому что, — Протагор говорит, — на самом деле движение это видимое движение сфайроса». Сфайрос — шар, мир это, значит, сфайрос с бесконечным радиусом. Вот, наблюдатель, находящийся внутри... да, что значит внутри? Бесконечный радиус не дает возможности быть ни внутри, ни снаружи. Сфайрос, который вращается, движется или нет? Он говорит: «Понятие движения здесь совершенно бессмысленно. Он не может ни двигаться, ни не двигаться». Значит, здесь чисто логическая аргументация создает мир, кажущийся искусственным, а на самом деле он настоящий. Пушкин написал об этом... Когда, в Лицее он проходил элейскую школу, он, как и все, как и милиционеры, изумился этому доказательству элементарному, и написал стихотворение:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
 Другой... (это был Антисфен, скорее всего, Киник)
 Другой смолчал и стал пред ним ходить
 (в качестве доказательства)
 Хвалили все ответ замысловатый
 (а он незамысловатый, конечно).

И заключение там:

Но, господа, забавный случай сей
 Другой пример на память мне приводит:
 Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
 А все же прав упрямый Галилей.

Но, кстати, и Галилей-то не столь упрям, как ему казалось. Эта пайдейя и логическое доказательство опять же дистанцируют картину мира от самого наблюдаемого мира. Вот и все.

Принципы научного этоса по Мертону и Парсонсу

Ну и теперь — пункт первый, то есть второй. Пункт второй. Четыре принципа научного этоса. Здесь же, в этом пункте втором, пункт первый. Мы признательны формулировкой этих принципов (не выдумкой, конечно, а формулировкой) Роберту Мертону, который позавчера был жив еще (тут надо все время наблюдать). Его звали, да и сейчас...нет, в 60-е годы его звали «мистер Sociology». Человек очень симпатичный. Речь идет о поддержании образца. Это парсонсовский термин. Нет, лучше написать: о воспроизводстве образца, о воспроизводстве образца науки как автономной сферы знания и соответствующих форм поведения и научных институтов.

Этос (мы давали определение, еще раз его дадим), этос здесь — это система поведенческих норм, поддерживающая научный образец. Как и любое определение, это — масло масляное. Ну ничего. Для чего они нужны? Они позволяют отличить кашу от гайки немножко. Потому что мы здесь что можем сделать? Мы можем деконструировать фантазмы вслед за Джульеттой, нашей учительницей, и сказать, что некоторые формы знания, которые называют себя «Монтекки», вовсе не Монтекки. Они называют себя просто так. Если на клетке буйвола написано «лев», то мы должны это воспринимать как надпись «лев» на клетке буйвола, но не приписывать надпись ему. Значит, здесь речь идет, конечно, об этих типовых переменных.

Давайте на всякий случай парсонсовский термин запишем, потому что эти четыре принципа являются модификацией парсонсовского различения, парсонсовского различения типовых переменных. Но эти переменные не столько типовые... как это перевести, не знаю я точно, но это легко увидеть — *pattern variables*. Я не ошибаюсь? По-моему, нет. Это не типовые переменные, а переменные,

позволяющие различать типы²². У Мертона их четыре, правда, потом, вслед за Мертоном, кто только не дополнял его четыре, даже я. Я тоже выдумывал там свои, остальные. Но они являются лишь эпифеноменами уже готовых. Давайте их напишем.

Они формулируются в виде оппозиций, семантических оппозиций. Это очень занятная вещь. Чем она занята? Она занята тем, что позволяет нам видеть реальность. Вот стоит только ввести хорошее различение, поставить хороший осциллограф либо спектрометр, либо сделать изящный измерительный инструмент, и вдруг мы начинаем видеть реальность, как будто она сама нам открывается. Реальность же, она тоже не глупая, она не безразлична к тому, кто ее изучает. Тема, например, с кем-то не хочет вообще дела иметь, а есть люди, с которыми тема просто так и хочет познакомиться. Реальность тоже соображает, и вот как только мы эти переменные начинаем использовать, она начинает открываться. Значит, давайте их перечислим: партикуляризм/универсализм (сейчас перечислим, а потом будем рассматривать в отдельности) — можно и по-английски написать. Вторая переменная — аффективность/аффективная нейтральность. (Пауза) А, извините, извините, я ошибся. Я просто ошибаюсь, я все спутал, — я сейчас стал перечислять парсонсовские типовые переменные, а мне нужно мертоновские. Пожалуйста, зачеркните аффективность и аффективную нейтральность. Я потом вам скажу, что я здесь не понимаю, а сначала то, что, как мне кажется, понимаю. Значит, партикуляризм/универсализм стоит.

Вторая переменная — это... В русских переводах вы увидите слово «всеобщность», а в оригинале «коммунизм» написано. Давайте «коммунизм» напишем, принцип коммунизма. Да, так и есть — коммунизм, потому что наука — это единственная форма знания, может быть, единственная сфера жизни, единственная сфера *lebenswelt*'а,

²²Лекции Батыгина отличались характерной языковой игрой: совместным конструированием понятий, пере придумывании терминов, видимым речевым ошибкам, повторам, исправлением. Лекции шли в форме диалогов, коротких фраз, видимых всеми оговорок. Так формировался стиль мышления слушателей Шанинки, легитимировались ошибки и способы их преодоления. Например, Батыгин давно использует термин «типовые переменные», введенный Парсонсом (см. его размышления о роли Парсонса в конституировании научного этоса: [Батыгин, 1995b, с. 17], но на лекции раскрывает неоднозначность перевода, подталкивает к сомнению. Мотивированное отступление от канона строгой академической речи позволяло профессору не только мотивировать студентов к самостоятельному поиску решений, но и демонстрировало этот поиск в режиме реального времени, здесь и сейчас. Мы не стали снимать противоречия, оговорки, в надежде, что и читатель услышит сквозь текст голос великого мастера научной импровизации. — Прим. ред.

где действительно достигнуто состояние коммунизма. Коммунизм как движение за обобществление собственности в XIX веке, массовое движение, он был таким странным феноменом, идейной такой мобилизационной химерой. Он и сегодня сохранился как химера. А вот в науке это изначально существовало. Да, значит, принцип коммунизма — это второй принцип.

Третий. Третий, назовем его *disinterestedness*. Если можно, повозимся одну минутку с переводом. Я тут дефис поставлю. *Un-interestedness* и *disinterestedness* чем отличаются? (Голос: «*Un-interestedness* это просто незаинтересованность, а это принципиальная разинтересованность») Как? (Голос: «Разинтересованность») Разинтересованность? Чего-то не любит такого префикса это слово. Русский язык не любит раз-. Разинтересованность это что-то другое, по-моему. Приставка раз — это разрушение, развитие, что то же самое, — развить, свитое развить. А тут как перевести? (Голос: «Отсутствие заинтересованности») Отсутствие заинтересованности? Да, пожалуй, так, отсутствие.

И четвертый принцип: организованный скептицизм. Тут легко — *organized skepticism*. Вот еще позвольте мне вернуться на полшага назад. Зачеркните, пожалуйста, слово «универсализм»... ой, слово «партикуляризм». Это путаница с Парсонсом. На самом деле эти четыре принципа — универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм — представляют собой *differentia specifica*, то есть дифференцирующие характеристики научного этоса. Теперь надо посмотреть в деталях.

Пункт третий — это опять генезис. Слово привязалось, но оно неплохое. Генезис. Откуда они взялись, эти четыре принципа? — вопрос. Ответ: они взялись из типовых переменных Парсонса. Я вам напомню эти типовые переменные Парсонса. Давайте их запишем опять, заново. Универсализм/партикуляризм. А вот тут уже идут семантически противоположные пары, то есть оппозиции. Универсализм, чему это противостоит? Партикуляризм. Универсализм — партикуляризм. Второе: аффективность/нейтральность. Как вы думаете, научное действие или действие в регионе науки должно быть аффективным или нет? Ну а как же, вот когда открытие происходит — руки трясутся, глаза квадратные, яблоко упало на голову, побежал... Это не имеет отношения к науке, абсолютно никакого. Ничего не падает. Значит, нейтральность. А универсализм и партикуляризм это что? Если мои люди, мои аспиранты — они правы, а чужие аспиранты всегда ошибаются — это научная вещь или нет? Ключевский, кажется, когда был назначен из попечителей учебного округа министром, министром народного образования, в первый день своей работы получил прошение от самого себя, когда он еще был попечителем учебного округа. И он прочитал прошение и написал: «Отказать». (Голос: «А он понял, что это от себя?») Конечно. Там написано: «От попечителя

учебного округа, действительного тайного советника Ключевского министру. Прощение». Он отказал. Вот смотрите, если статья какая-нибудь приходит в мой же журнал, где я — редактор, встает ли передо мной проблема партикуляризма или универсализма? Конечно, встает. В науке нет ни своих, ни чужих, никого.

Специфичность/диффузность. *Specificity*, да, она специфичность и есть. Например, как вы думаете, теорема Пифагора действует только в России или также в странах Восточной Европы? Диффузно это знание либо специфично? А тезис о том, что образование является одним из основных лифтов вертикальной мобильности — это для всех стран присуще? Для всех. А в тех странах, которым это не присуще, значит, мы говорим: на самом деле, этого быть не может, значит, это не вполне так, значит, что-то там происходит не то. То есть здесь работает принцип: если факты не соответствуют теории, значит, это не факты.

Четыре. Специфичность/диффузность. Ориентация на Я. Действие индивидуально либо коллективно. Вот когда мы используем личное местоимение множественного числа, когда — единственного? В науке, как вы думаете, какое местоимение используется? (Голоса: «Множественного») Множественного. Почему? (Голос: «Потому что это коллективное действие») Правильно. Гениально совершенно, спасибо. Потому что наука — это не индивидуальное действие, это коллективное. Здесь идет ориентация на коллектив. Здесь мы все — коллективисты, хотим мы этого или не хотим. Даже эгоцентрики, которых среди нас много, тоже коллективисты в том отношении, в котором они являются участниками производства знания.

Что там еще у Парсонса? Напомните мне, если я ошибся. *Ascription*. Как это перевести? (Голос: «Приписывание»). Приписывание. Как вы думаете, способности к научной работе — это *ascription* либо *achievement*? (Голос: «*Achievement*») Гальтон бы с вами не согласился. Ну я могу, например, в аргументации сказать: «Конечно, то, что я говорю сейчас вам, это абсолютно правильно, потому что я — более способный, чем вы». А вы мне должны сказать: «Если вы это говорите, значит, ваше место не здесь, а там на улице, не в аудитории». Не принято так. Это же, кстати, выражается в научной риторике. Например, в таком, очень глубокомысленном виде. Бывают мыслители, обремененные тайной какой-то, которую они носят. Это *ascription* или *achievement* — тайна, которую носит русский мыслитель? *Achievement*... Нет, *ascription*, конечно. В науке есть мужчины и женщины? Нет. Значит, всё *achievement*'ы. И последнее... или предпоследнее. Что еще есть?

Quality и *performance*. Это вообще нельзя разумно объяснить, но иллюстрировать можно. Так, вот у Парсонса, по-моему, в разных источниках по-разному. *Quality* — *performance* это общий принцип прагматизма, который мы детально обсудим. Там есть какая-то каша, поэтому все это — результат моей реконструкции.

Я выписал эти различия, чтобы из них вывести мертоновские. А мертоновские следующие: универсализм, *disinterestedness* (я перепутал порядок, порядок не важен), коммунизм и организованный скептицизм. Не скептицизм, не философское учение, и не состояние сознания (например, «не верю»), а определенный ритуал коллективного действия, где скептицизм становится фактом институциональной коллективной работы. Например, это выражается в тайном голосовании, в экспертизах, в экспертных заключениях. В чем еще? В желании сотрудничать/нежелании сотрудничать. Например, человек вызывает неприятие большое партикуляристски, ну, например, он не той национальности, которая мне нравится, но работаю я в регионе науки, национальность не имеет никакого отношения — будем работать с ним. И сомневаться в его результатах организовано. Потом прокомментируем. Вот и все.

Так, остается полторы минуты, и тогда пункт четвертый. Общее резюме. Мертоновские принципы, четыре, они не являются этическими принципами. В них нет того, что называется «нормативизм», но это мне так хотелось бы, тут на ваше усмотрение. Они отличаются от заповедей, например: «не убий», «не укради», «не пожелай» и так далее. Извините. Дальше можно и не перечислять. Их функция чисто аналитическая. Она позволяет нам различать «факторы» («факторы» в кавычках, конечно, слово «образец» не очень тоже удачное, потому что образец — это лучший образец; образец мыслителя, умного... даже смешно), позволяет внутри текстовых массивов, в формах поведения людей науки различать «чистые» образцы и «нечистые».

Или, как в Торе сказано, отделять овец от козлищ. Иногда проводить более сильное различие, которое имеет и практический смысл. Ребе Христос говорит: «Опасайтесь пророков, приходящих в овечьей одежде, внутри суть волки хищные». «По делам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?». «Дерево доброе приносит плоды добрые, а худое дерево приносит плоды худые». «Худое дерево срубают и бросают в огонь». Отсюда — идея инквизиции. «Уже и секира при корне дерев лежит». Но эти принципы для нас имеют значение только потому, что они выступают в качестве лакмусовых бумажек, линеечек или системы координат, которые позволяют вычленивать из всего огромного эмпирического массива образцы научного текста. И тут мы можем сказать, каков их удельный вес. Иными словами, эти переменные представляют собой основу для создания гипотез в области социологии науки или социологии знания. То есть именно на них строятся гипотезы.

Например, вот одна из гипотез, мы ее рассмотрим — гипотеза Пфедфера, Ли и Штейера. Вопрос: где больше мобилизуются партикуляристские формы знания — в химии, в политической науке, в социологии, в радиационной биологии либо в математике? Это гипотеза, вообще-то, это интересно. Теперь остается только дело за тем,

чтобы партикуляризм превратить в инструмент, а это довольно легко сделать, потому что мы можем посчитать за три года в журнале по химии, сколько там публикуется «своих», то есть тех, которые работают в этом учреждении, и сколько «чужих». То же самое — по социологическим журналам и тогда гипотеза Пфедфера-Ли-Штейера начинает мощно работать, создавая целую исследовательскую программу только на одном понятии партикуляризма.

Большое вам спасибо. На этом Всё.

Литература

1. *Архангельский, А. Н.* Несогласный Теодор. История жизни Теодора Шанина, рассказанная им самим. М.: Изд-во «Редакция Елены Шубиной», 2020.
2. *Батыгин, Г. С.* Лекции по методологии социологического исследования. М.: Аспект Пресс, 1995а.
3. *Батыгин, Г. С.* Неокорпоративизм и проблемы рационального выбора // *Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Выпуск 4: Дух корпорации* / Под ред. В. И. Бакштановского, В. А. Чурилова. Тюмень, 1995b. С. 15–20.
4. *Батыгин, Г. С.* «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // *Социологический журнал*. 2003. № 2. С. 132–167.
5. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
6. *Бэкон, Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. 2-е изд. / Пер. З. Е. Александровой; Ст. и примеч. Ф. А. Коган-Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
7. *Бэкон, Ф.* Новый Органон // *Фрэнсис Бэкон. Сочинения в двух томах. Том 2* / Пер. с англ. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского; Состав., общ. ред и ступ. ст. А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1972. С. 5–222.
8. *Бэкон, Ф.* О достоинстве и приумножении наук. Книга 5 // *Фрэнсис Бэкон. Сочинения в двух томах. Том 1* / Пер. с англ. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского; Состав., общ. ред и ступ. ст. А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1971. С. 291–329.
9. *Дёмина, Н. В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // *Социологический журнал*. 2005. № 4. С. 5–47.
10. *Йегер, В.* Пайдейя. Воспитание античного грека: Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем. Том 2 / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника; Примеч. И. А. Макарова. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1997.
11. *Пинский, А. А.* Пайдейя. Работы 1986–1996 гг. М.: Частная школа, 1997.
12. *Платон.* Государство // *Платон. Сочинение в 4-х томах. Том 3. Часть 1* / Пер. с древнегреч.; Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.–Петербург. ун-та, 2007. С. 97–494.
13. *Погосян, Г. А., Рогозин, Д. М.* «Для многих из нас Геннадий Батыгин явился своего рода проводником в мир высокой профессиональной социологии» / *Интервью подготовил Д. М. Рогозин* // *Социологический журнал*. 2023. Том 29. № 2. С. 101–109.
14. *Рашковский, Е. Б.* Востокоедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби (опыт критического анализа). М.: Наука, 1976.
15. *Рашковский, Е. Б.* Науковедение и Восток. М.: Наука, 1980.
16. *Рашковский, Е. Б.* Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–

XX века. М.: Наука, 1990.

17. *Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1986.
18. *Фейерабенд, П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007.
19. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; Под ред. И. Борисовой; Дизайн А. Бондаренко. М.: Ad Marginem, 1995.
20. *Хоркхаймер, М., Адорно, Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Ювента, 1997.
21. *Шестов, Л. И.* Афины и Иерусалим. М.: Изд-во Рипол-Классик, 2017.
22. *Шкловский, В.* О теории прозы. М.: Изд-во «Федерация», 1929.
23. *Lazarsfeld, P.* Measurement // *American sociology: Perspectives, problems, methods* / Ed. By T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 93–107.
24. *Lazarsfeld, P.F.* The sociology of empirical social research // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. No. 6. P. 757–767.
25. *Merton, R.K.* The sociology of science: Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.

G. Batygin

Ethos of science

Second lecture in the course “Methodology of Sociological Research”,
given in the 2002-2003 academic year in Shaninka

Gennady Semenovich Batygin (1951–2003) — Doctor of Philosophy, Professor, Senior fellow at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, founder and first dean of the Faculty of Sociology of the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka).

Abstract: Transcript of the lecture on scientific ethos that was given in the 2002–2003 academic year as a part of the course “Methodology of Sociological Research” of the joint master’s program in sociology of the University of Manchester and the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. The lecture was recorded and transcribed. Minor editing has brought oral speech to the written form. The author’s manner of speech has been preserved.

To present the scientific ethos the classical scheme proposed by Merton was used and complemented by allusions with direct references to ancient Greek philosophy and modern philosophy, in particular to the works of Francis Bacon.

Key words: Aristotle, idealism, scientific ethos, nominalism, modern rationalism, paideia, Plato, Shanin.

References

1. *Arhangel'skij, A.N.* (2020) Nesoglasnyj Teodor. Istoriya zhizni Teodora SHanina, rasskazannaya im samim. M.: Izd-vo «Redakciya Eleny Shubinoj». (In Russ.)
2. *Batygin, G.S.* (1995a) Lekcii po metodologii sociologicheskogo issledovaniya. M.: Aspekt Press. (In Russ.)
3. *Batygin, G.S.* (1995b) Neokorporativizm i problemy racional'nogo vybora // Etika uspekha. Vestnik issledovatelej, konsul'tantov i LPR. Vypusk 4: Duh korporacii / Pod red. V.I. Bakshtanovskogo, V.A. Churilova. Tyumen'. S. 15–20. (In Russ.)
4. *Batygin, G.S.* (2003) «Nikakogo drugogo puti ya dazhe pomyslit' ne mog...» // Sociologicheskij zhurnal. № 2. S. 132–167. (In Russ.)
5. *Bekon, F.* (1962) Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya npravstvennye i politicheskie. 2-e izd. / Per. Z.E. Aleksandrovoj; St. i primech. F.A. Kogan-Bernshtejn. M.: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
6. *Bekon, F.* (1972) Novyj Organon // Frensis Bekon. Sochineniya v dvuh tomah. Tom. 2 / Per. s angl. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo; Sostav., obshch. red i stup. st. A.L. Subbotina. M.: Mysl'. S. 5–222. (In Russ.)
7. *Bekon, F.* (1971) O dostoinstve i priumnozhenii nauk. Kniga 5 // Frensis Bekon. Sochineniya v dvuh tomah. Tom. 1 / Per. s angl. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo; Sostav., obshch. red i stup. st. A.L. Subbotina. M.: Mysl'. S. 291–329. (In Russ.)

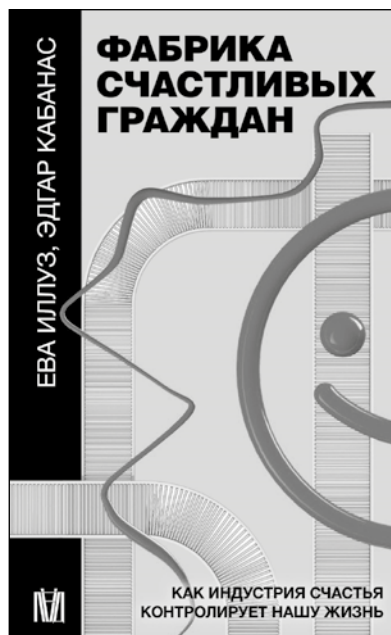
8. *Bauman, Z.* (2005) Individualizirovannoe obshchestvo / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M.: Logos. (In Russ.)
9. *Dyomina, N. V.* (2005) Konceptiya etosa nauki: Merton i drugie v poiskah social'noj geometrii norm // Sociologicheskij zhurnal. № 4. S. 5–47. (In Russ.)
8. *Fejerabend, P.* (1986) Izbrannye trudy po metodologii nauki / Per. s angl. i nem. A.L. Nikiforova; Obshch. red. i vstup. st. I.S. Narskogo. M.: Progress. (In Russ.)
9. *Fejerabend, P.* (2007) Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya / Per. s angl. A.L. Nikiforova. M.: AST. (In Russ.)
10. *Fuko, M.* (1995) Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my / Per. s franc. V. Naumova; Pod red. I. Borisovoj; Dizajn A. Bondarenko. M.: Ad Marginem. (In Russ.)
11. *Horkkhajmer, M., Adorno, T.* (1997) Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. SPb.: Yuventa. (In Russ.)
12. *Jeger, V.* (1997) Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka: Epoha velikih vospitatelej i vospitatel'nyh sistem. Tom 2 / Per. s nem. M. N. Botvinnika; Primech. I.A. Makarova. M.: GLKYU.A. SHichalina. (In Russ.)
13. *Lazarsfeld, P.* Measurement // American sociology: Perspectives, problems, methods / Ed. By T. Parsons. New York: Basic Books, 1968. P. 93–107.
14. *Lazarsfeld, P.F.* The sociology of empirical social research // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 6. P. 757–767.
15. *Merton, R.K.* The sociology of science: Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973.
16. *Pinskij, A.A.* (1997) Pajdejya. Raboty 1986–1996 gg. M.: Chastnaya shkola. (In Russ.)
17. *Platon.* (2007) Gosudarstvo // Platon. Sochinenie v 4-h tomah. Tom 3. Chast' 1 / Per. s drevnegrech.; Pod obshch. red. V.F. Asmusa. SPb.: Izd-vo S.–Peterb. un-ta. S. 97–494. (In Russ.)
18. *Pogosyan, G.A., Rogozin, D.M.* (2023) «Dlya mnogih iz nas Gennadij Batygin yavilsya svoego roda provodnikom v mir vysokoj professional'noj sociologii» / Interv'yu podgotovil D.M. Rogozin // Sociologicheskij zhurnal. Tom 29. № 2. S. 101–109. (In Russ.)
19. *Rashkovskij, E.B.* (1980) Naukovedenie i Vostok. M.: Nauka. (In Russ.)
20. *Rashkovskij, E.B.* (1990) Nauchnoe znanie, instituty nauki i intelligenciya v stranah Vostoka XIX–XX veka. M.: Nauka. (In Russ.)
21. *Rashkovskij, E.B.* (1976) Vostokoednaya problematika v kul'turno-istoricheskoy koncepcii A.Dzh. Tojnbi (opyt kriticheskogo analiza). M.: Nauka. (In Russ.)
22. *Shestov, L.I.* (2017) Afiny i Ierusalim. M.: Izd-vo Ripol-Klassik. (In Russ.)
23. *Shklovskij, V.* (1929) O teorii prozy. M.: Izd-vo «Federaciya». (In Russ.)

The page features a white background with two large, solid yellow geometric shapes. The top shape is a downward-pointing triangle that tapers towards the center. The bottom shape is an upward-pointing triangle that tapers towards the center. The text is centered between these two shapes.

Рецензии, обзоры, рефераты

**Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан.
Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь:
Слово современной философии**

М.: АСТ, 2023. — 352 с.

Книга Евы Иллуз и Эдгара Кабанаса «Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь» — обстоятельная и немаленькая книга о том, как изменилось представление о счастье, почему оно изменилось именно так, и что это для нас значит. Оригинальное название можно перевести как «Счастьекратия» (если точно, то «Хэппикратия»).

Что произошло со счастьем? Во-первых, счастье стало целью жизни. Во-вторых, появилась наука о счастье. В-третьих, эта наука начала влиять на то, как мы воспринимаем себя и, что ещё важнее, на то, как политики принимают решения.

«Больше не принято считать, что счастье хоть как-то связано с судьбой, обстоятельствами или отсутствием недугов, что оно дает оценку всей жизни или служит жалким утешением для глупцов. Теперь счастье рассматривается как мировоззрение, которое можно сформировать силой воли,

как результат применения наших внутренних сил и подлинного „я“, как единственная цель, ради которой стоит жить, как стандарт, по которому измеряется ценность наших биографий, размер наших успехов и неудач, а также наше психическое и эмоциональное развитие» (С. 18).

«Самое главное — счастье стало представляться сутью и олицетворением современного образа идеального и примерного гражданина» (с. 19).

Авторы на протяжении всей книги спорят с Мартином Селигманом, которого мы знаем благодаря введённому им понятию вынужденной беспомощности. Но оказывается, что Мартин знаменит не только не этим. Ему мы во многом обязаны современной «позитивной психологией», которая говорит о важности стремления к счастью и как бы подводит под это стремление научную основу.

Но есть небольшая деталь. Вся позитивная психология обязана своим появлением не тому, что она как-то особо хорошо помогает (существуют исследования, раскрывающие, скорее, обратную зависимость). И не тому, что все неожиданно поверили в неё. Позитивная психология существует благодаря лоббистским возможностям М. Селигмана. Его «науку» нашли весьма полезной для политики:

«...как признается сам Селигман, „через месяц появился чек на полтора миллиона долларов. Благодаря этому финансированию позитивная психология расцвела“» (с. 39).

Если вы когда-то работали в науке, да и вообще, если вы когда-то работали, то вы знаете, что чеки на полтора миллиона так просто на столе не появляются. Если вы видите такой чек как бы «просто так», то это означает, что на вас рассчитывают.

И на Селигмана правда рассчитывали:

«Уже в 2002 году объем финансирования составил около 37 миллионов долларов» (с. 39).

«Такие компании как Соса-Сола также внесли свой вклад, инвестируя в позитивную психологию с целью найти более дешёвые и эффективные методы повышения производительности труда, снижения стресса и тревожности на рабочем месте, а также вовлечения работников в корпоративную культуру. Одной из недавних и наиболее значительных инвестиций, и, возможно, самой обсуждаемой в прессе, стала инициатива „Комплексная подготовка солдата“ (КПС) стоимостью 125 миллионов долларов — психологическая программа, проводимая армией США с 2008 года в тесном сотрудничестве с Селигманом и Центром позитивной психологии» (с. 43).

Собственно, тут можно задать автору рецензии вопрос о смысле подсчёта финансирования Селигмана. Попробую на него ответить.

Я вижу заслуживающее внимания противоречие в том, что из организационной практики очень медленно и неохотно убираются нерабочие инструменты. Например, некоторые опросники, даже если есть доказательства их невалидности. В организационной практике сохраняется детектор лжи (его кажущаяся эффективность — вообще тема отдельного разговора). Но для того, чтобы убрать инструменты, особых усилий не требуется.

А для того, чтобы начать использовать новый инструмент в организации, усилия как раз нужны. Но позитивная психология крайне быстро начинает использоваться и в армии (традиционно консервативное место), и в огромных корпорациях. И напомним, речь не о новой методике бухчёта!

Например, та же CocaCola открыла филиалы «института счастья», через которые несла в жизнь селигмановские изыскания.

Чуть позже сторонники позитивной психологии открыли для себя коучинг. Если внимательно почитать соответствующую главу книги, то к коучингу есть очень много вопросов. И к методам, и к логике, и к его необходимости.

Стоит пояснить, на чём вообще основана критика позитивной психологии. Если говорить просто, то стремление к счастью не делает нас счастливыми. Оно парадоксальным образом делает нас несчастнее, чем мы были, по целому ряду причин. Во-первых, обычный человек может быть счастлив. А одержимый позитивной психологией и самосовершенствованием даже переживая момент счастья будет думать, а достаточно ли он счастлив, а все ли основания для этого есть и, что ещё кошмарнее, может ли он быть ещё счастливее, чем сейчас, и что для этого нужно сделать.

Второй пункт в критике — это формула счастья Селигмана, где он сказал, что на 50% счастье определяется генетикой, на 40% — обстоятельствами жизни, и лишь на 10% — внешними условиями, на которые можно как-то влиять.

И у любого человека, который знаком со статистикой, к этой формуле возникает два вопроса:

1. На чём основаны эти цифры?
2. Если мы можем влиять всего на 10% своего счастья, то зачем нужны все программы развития счастья?

Но почему-то сам Селигман вопросов к своей формуле не задавал.

Третий пункт критики — это бесконечность самосовершенствования в позитивной психологии. В логике позитивных психологов ты никогда не можешь быть достаточно хорош или достаточно адаптивен, ты должен постоянно задавать себе вопросы о том, как можно повысить уровень своего счастья. И счастье становится бухгалтерской единицей.

Это связано с избыточным уровнем внимания, который сейчас в обществе получают вопросы психического состояния.

В «нормальном» психологическом консультировании важно решить проблему клиента. Клиент при этом — здоровый человек без психиатрических диагнозов, которому мы помогаем стать чуть функциональнее и адаптивнее.

Не всё есть травма, требующая проработки с психологом. А вот популярная позитивная психология считает именно так. Она фокусируется не на переживании счастья, а на том, насколько качественным является это переживание.

Следующей появилась экономика счастья, и сразу же выяснилась одна интересная вещь, названная по имени исследователя

«парадоксом Истерлина»: если мы берём данные внутри страны, то выходит, что доход влияет на счастье. А если мы сравниваем данные разных стран — то нет. В этом и состоит парадокс.

Следствие из этого парадокса ещё интереснее. Получается, что уровень дохода на счастье не влияет. Но люди почему-то считают совершенно иначе. И тут стоит вспомнить классический анекдот:

«— Эксперты утверждают, что люди стали жить лучше!

— Но люди не согласны!

— Да, но люди — не эксперты!»

Тему счастья очень удобно использовать для управления работниками. Именно поэтому ей интересуются транснациональные корпорации.

Надо сказать, что отношение к работе очень сильно поменялось за последние десятилетия. Раньше рабочие объединялись в профсоюзы для того, чтобы выторговать (а где-то и «выбить») лучшие условия для себя и своих семей.

В новой ситуации, оказывается, очень удобно сделать человека лично ответственным за своё счастье на рабочем месте. В задачи работодателя больше не входит обеспечение работника чем-то необходимым для работы или создание ему нормальных условий (в психологическом и управленческом смысле). Вместо этого считается, что работник сам должен быть обязанным работать в ситуации многозадачности, создавать себе условия для работы, управлять потоком своих задач и при этом ещё и испытывать счастье!

Самопринуждение на работе (под вывеской счастья, конечно же) стало не только приемлемым, но и необходимым. А умеющих принуждать себя называли «жизнестойкими» и сделали это качество требованием к сотруднику.

Если ты жизнестойкий — добро пожаловать в компанию, и сейчас мы узнаем, насколько. Нежизнестойкий — отойди и не мешай, возможно, тебе нечего делать в нашем дружном коллективе.

Кстати, о дружных коллективах. Максимально похожий на семью дружный коллектив приводит к тому, что грань между работой и личной жизнью стирается вовсе. Именно поэтому меня, например, всегда настораживают описания компании как семьи. В конечном итоге это значит, что тебя попросят поработать бесплатно, после чего поблагодарят, сказав, что «компания теперь перед тобой в неоплаченный долг». Правдой из всего этого будет только усталость и отсутствие денег.

Ответственность за личное счастье становится ответственностью за личное счастье ещё и на работе. Но проблема-то в том, что на работе вы постоянно взаимодействуете с другими людьми, и потому не можете нести всю ответственность за счастье. Но, по современным управленческим воззрениям, должны. И ещё должны как-то делать свою работу.

Ну и финальной точкой в развитии индустрии становится создание продуктов, коммерциализирующих счастье. Всех бесконечных приложений и сервисов, которые каждый день просят у вас указать, насколько вы были счастливы. А вы начинаете думать, были ли вы сегодня счастливее, чем вчера, и как сделать так, чтобы завтра вы были счастливее, чем сегодня?

А что в итоге?

«Фабрика счастливых граждан» — отличная книга. Если вы чувствуете себя несчастным — то она может помочь лучше, чем медитация, дневник или приложение в телефоне. Потому что ничто так не мешает собственно счастью, как гонка за ним.

Авторы показывают, что не всяким новомодным течениям стоит доверять. Если кто-то говорит вам про счастье, то вероятно, его руки ищут в этот момент ваш кошелек, а то, что он говорит, может быть нужно только за тем, чтобы вы не слишком волновались.

Нужно ли читать эту книгу? Да. Но, несмотря на моё безусловно позитивное отношение к этой книге, мне кажется, что она нужна в библиотеке не всем.

В конце рецензии стоило бы сказать о том, что, по мнению авторов, является целью нашей жизни, если не счастье: это знание и справедливость.

А. С. Новиков

Для цитирования: Новиков А. С. [Рец.] Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь: Слово современной философии. М.: АСТ, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 111–115.

Селеев С., Моляренко О. Черные копатели. Этнография приборного поиска

М., Фонд «Хамовники», Common Place, 2023. — 192 с.

Перед нами — очередная книга известной серии фонда «Хамовники», призванной описать и предъяснить читателю образы неизвестной, но вполне реальной России. Она посвящена людям, увлекшимся поиском потерянных вещей, кладов, драгоценностей, металлов и прочего. «Десятки тысяч людей в России имеют в личном пользовании металлоискатели и другое оборудование для поиска скрытых в земле и под водой предметов, представляющих ценность» — этих людей, их поисковые практики и изучают Сергей Селеев и Ольга Моляренко. А они, как оказывается, «весьма разнообразные по целям, оснащению, мотивации, степени экономической вовлеченности и этическим установкам... Для одних это развлечение и хобби, для других — единственный источник дохода». В целом сообщество, сформировавшееся вокруг приборного поиска — или, на жаргоне самих поисковиков,

«копа» — весьма многочисленно и сложно структурировано. Это, кроме самих «копателей», археологи, продавцы антиквариата, реставраторы, оценщики, музейные работники, сотрудники пунктов приема металлов, продавцы инструментов по поиску и даже чиновники, отвечающие за охрану археологических памятников. Представители всех этих групп из 31 региона РФ стали информантами, у них были взяты 75 интервью, на которых и базируется проведенное исследование. Самые информативные из интервью вошли в книгу и занимают в ней около половины объема. Таким образом, читатель, не удовлетворенный предложенным анализом, может сразу же обратиться к источникам — а также познакомиться с небольшим словариком «копательского» жаргона.

Как массовое явление «коп», по оценке Селеева и Моляренко, пришел в Россию только в XXI веке. Хотя традиция поиска кладов и прочих ценностей прослеживается на территории нашей страны как минимум с XVIII века, массовость ей придали технологические и рыночные изменения. С одной стороны, процесс маркетизации страны в «лихие девяностые» показал людям, ранее занимавшимся «копом», что каждая вещь имеет на рынке свою цену, и зачастую — немалую. С другой, материаль-

ное положение россиян в эти переломные годы кратно ухудшилось, что стимулировало поиск людьми «промыслов» — любых занятий, способных прокормить их и их семьи. Не хватало лишь относительно недорогого и простого в использовании технологического оборудования, которое помогло бы неопитам быстро освоить новое занятие и начать извлекать из него финансовый эффект. Это оборудование — металлоискатели и проч. — стало весьма доступным уже в начале 2000-х годов. Именно металлоискатели позволили перейти от «объектового» поиска (привязанного к определенному объекту — кургану, городищу и др.) к «территориальному» (гораздо более доступному и распространенному). Результатом стала массовизация «копа», ставшего заметным явлением нашей постсоветской жизни. То, что раньше было уделом «благородных пионеров», превратилось в примитивный, но эффективный промысел. Впрочем, не всегда примитивный, и не всегда промысел.

В целом занятие «копом» авторы рассматривают «через призму присваивающего хозяйства, являющегося значимой частью экономики в сельских поселениях и небольших городах». По сути, копатели имеют дело с «антропогенными останками предшествующих эпох». Эти останки ничем принципиально не отличаются от природных ресурсов — дикоросов, рыбы, зверя, драгоценных и полудрагоценных камней и проч. Их сбор и реализация становится источником существования значительного числа жителей «депрессивных территорий». Но и сами по себе эти занятия привлекают определённый тип людей, извлекающих из них не финансовую прибыль, а скорее духовное удовлетворение. Условно, есть рыбаки, которым улов дает деньги на жизнь, — а есть те, кому рыбалка приносит отдохновение и наслаждение. Причем то и другое вполне можно совмещать! Но не в случае с самым распространенным видом «копа» — сбором металлолома («коп по металлу»). Этот вид поиска наиболее маркетизирован, но переживает некоторый упадок после того, как в 2022 г. цены приемщиков металла упали примерно вдвое.

Тем более, что легкодоступные ресурсы такого рода за годы предшествующего бума уже во многом освоены, и теперь нужно прилагать больше усилий, чтобы заработать меньшие суммы, чем раньше. Подобный кризис не коснулся других видов «копа», поскольку археологическая освоенность территории РФ совершенно незначительна, и поле для «копа по старине» у всех желающих — поистине необъятная. Тем более что эрозия почв, изменение русел рек и прочие природные процессы регулярно открывают перед искателями древних ценных артефактов все новые возможности.

Копателей часто называют «чёрными», но далеко не все из них именно таковы. Встречаются три вида копателей, различаемых по степени соблюдения законодательства и внутренних этических нормативов копательского сообщества: «черные», «белые» и «серые». Все, однако, отмечают неэффективность действующего законодательства (введено в 2013 г.), которое «не работает». С точки зрения самих копателей, закон

просто плохо задуман, плохо сформулирован и поэтому практически невыполним. Археологи и музейщики, со своей стороны, винят в его неисполнении «ленивых» полицейских и следователей. Поэтому «коп» находится в основном в серой зоне: он не является полностью нелегальным, но и абсолютно легальным — тоже. Санкции за нарушение законодательства слабые, стимулы за его соблюдение — ещё слабее. Так что, порхание на грани закона для копателей — повседневная реальность. Тем важнее нормы, которые они вырабатывают сами для себя. Среди этих норм есть приметы и обычаи, порой довольно смешные (например, не рекомендуется писать на поле, где намереваешься копать, ибо «удачи не будет»). Но есть и вполне прагматичные и рациональные правила, добровольное соблюдение которых снижает вероятность конфликтов копателей с полицией, археологами, владельцами земли, фермерами и проч. Например, разрытые ямы следует зарывать.

«Черными» сами копатели считают не тех, кто нарушает призрачный закон, а тех, кто не соблюдает «обычное право», т.е. неписанные нормы копательского сообщества. Авторы замечают, что вероятность несоблюдения правил сильно выше у той части копателей, которая руководствуется преимущественно экономическими мотивами («коп по металлу», прежде всего). Остальные относятся к правилам более уважительно, да и в целом более альтруистичны в свое обращение с находками. Скажем, могут подарить их музею или археологам, хотя не любят этого делать и чаще всего не встречают понимания и благодарности с другой стороны. Ведь для археолога любой «коп» — это безвозвратное нарушение целостности культурного слоя, т.е. прямой и беспримесный вред науке. А для музейщика, лишенного фондов на выкуп ценных находок и их хранение — лишь головная боль. Даже если экономические мотивы слабеют по объективным причинам, в коп приходят носители четырех базовых личностных характеристик. Это «внутренняя жажда поиска, интерес к находкам вообще»; страсть к коллекционированию; общий интерес к истории; увлеченность одним из видов досуга на природе, от которой довольно быстро переходят к «копу». Кроме самостоятельного интереса к поиску корпус «копателей» пополняется за счет тех, кто попробовал это занятие «за компанию», а начиная с 2014–17 гг. — и благодаря просмотру видеоблогов и чтению «Яндекс.Дзена», где появилось немало материалов о «копателях» и от «копателей». Антикопательское лобби существует, но его мощь пока невысока, — тогда как тяга людей к «копу», по оценке авторов, неистребима.

В. В. Федоров

Для цитирования: Федоров В. В. [Рец.] Селеев С., Моляренко О. Черные копатели. Этнография приборного поиска. М., Фонд «Хамовники», Common Place, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 116–118.

Литошенко Л. Н. Критика советской аграрной политики

Под ред. А. М. Никулина, В. О. Афанасенкова, И. А. Кузнецова, А. Ю. Мельникова. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2022. — 344 с.

Исторически преимущественное внимание читателей и исследователей привлекали труды тех отечественных экономистов-аграриев, что принадлежат к народнической линии и достаточно тесно с ней связанной т.н. «теорией трудового хозяйства» и «организационно-производственным направлением». Это совершенно закономерно и понятно — и такое положение вещей вряд ли изменится в любой обозримой перспективе, поскольку именно с названными направлениями связан наиболее оригинальный вклад отечественной интеллектуальной традиции в мировое крестьяноведение. Однако из собственно-русской перспективы, в том числе сугубо исследовательской, понятно внимание к другим направлениям и подходам — как в целях более глубокого и полного понимания той линии, что связана с именами Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева и др., так и понимания истории аграрной политики.

В первой книге «Библиотеки журнала „Крестьяноведение“» опубликованы работы Л. Н. Литошенко 1917 — 1923 гг.¹ Л. Н. Литошенко (1886 — 1943) принадлежит к тому же поколению, что и названные выше ученые-аграрники — однако достаточно резко выделяется на общем

¹ В составе тома сборник статей 1917 — 1918 гг., публиковавшихся в «Русских ведомостях» («Социализация земли»); статья из недолговечного еженедельника 1918 г. «Накануне» («Экономическое возрождение России»); доклад на заседании Государственной комиссии по электрификации ГОЭЛРО 1920 г. «Экономические условия электрификации сельского хозяйства»; статьи «Ограничение дробимости крестьянских хозяйств» (1921) и «Сельскохозяйственный кризис» (1922); брошюра 1923 г. «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства: к вопросу о природе крестьянского хозяйства», а также тезисы 1922 г. «Методы определения покупательно-платежной силы сельского населения» и рецензия 1918 г. на книгу В. Ильина (Ленина) «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», завершающаяся замечанием: «Можно только пожалеть, что

фоне русских исследований по аграрной экономике, поскольку придерживается последовательно-либеральных взглядов. Поэтому собранные под одной обложкой работы можно было бы озаглавить и как критика русской социалистической, эсеровской аграрной политики — включая сюда сжатые и энергичные выступления как против аграрных проектов, исходивших от Временного правительства, так и предполагавшихся ко внесению в Учредительное собрание.

Мы не будем останавливаться на отдельных конкретных сюжетах книги — они, безусловно, представляют большой интерес с точки зрения как истории русского сельского хозяйства, так и публицистического обсуждения его состояния и выработки аграрной политики. Это все предмет специальных исследований. Мы же сосредоточимся на одном моменте — высвечивании роли государства, тем более примечательном, что исходит он от либерального экономиста.

В статьях 2-й половины 1917 — начала 1918 года Литошенко быстро перестает обсуждать разнообразные аграрные проекты того времени, ограничиваясь их беглой все более язвительной характеристикой. Дело в том, что они теперь осознаются им как не имеющие сами по себе, в своих конкретных нормах, значения — аграрный вопрос решается сам, крестьяне опираются на те или иные положения (законов или законопроектов), чтобы осуществить собственные стремления. И тот решительный передел земли, экспроприация крупных и средних землевладений и проч., происходящее в 1917 и весной 1918 года — оказывается результатом не какой-либо государственной политики, а стремительного ослабления и затем фактического ухода государства из деревни.

Советская власть выступает не столько как та, которая действует, сколько как бездействующая или сокрушающая то, что ещё как-то могло пытаться сохраняться по инерции. И уже в самом начале 1920-х годов в его статьях мы находим разнообразные идеи о возможных преобразованиях крестьянского мира, вновь связанные с государственной политикой: попыткой противостоять крестьянским дроблениям, создав инструмент единонаследия хозяйства (по выбору завещателя) — в ситуации, где «черный передел» уже состоялся.

Но важно здесь то, какой свет это бросает на предшествующее — на роль государства в установлении аграрных порядков, значение государства, которое становится явным именно в момент его отступления. Где и тот самый мир «крестьянских республик» оказывается не

практическая деятельность Н. Ленина так долго мешает В. Ильину вернуться к продолжению интересно начатой работы» (стр. 107).

В приложении помещены две рецензии (С.Н. Прокоповича и Г.А. Студенского) на брошюру «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства».

иллюзией, но сильно другим, чем в исходной формулировке: не двух миров, «большого» и множества малых, скрытых под первым, а что вторые как раз обусловлены и возможны в рамках первого — не первое их «накрывает», существует поверх и помимо, а они — как разные аспекты одного.

В прежнем экономическом порядке высвечивается через отсутствие его в настоящем роль государства, связанного с самой толщей повседневности, создающего возможность существования хозяйств разных масштабов. И вместе с тем видна уже идущая к последующей советской политике (не содержательно, а по интонации) устремленность к масштабному государственному вмешательству, преобразованию даже не в числе прочего, а едва ли не как первоочередная цель, самих крестьянских привычек и обыкновений. Если для Литошенко 1917 — 1918 годов главное — наблюдаемое им крушение прежнего аграрного строя и подступающая натурализация хозяйства (процесс во многом стихийный), то для него же 1921 — 1923 годов вопрос заключается в предстоящей, вызываемой потребностями государства и народного хозяйства, масштабной государственной интервенции в крестьянский мир. Разумеется, сам автор и был, и оставался радикально далек от идей социалистического преобразования, мысли саму государственную интервенцию в логике управления, создания рамок/факторов, подталкивающих к желаемому поведению, а не в логике непосредственного указания правильного поведения. Но тем характернее, что в хронологически последней из включенных в сборник работ, брошюре «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», он текстуально увязывает с «прогрессом» целенаправленность, понимая ее в том числе как осознанную реализацию государственных целей и интересов. «Государственное» здесь возвращается, думается, не только как следствие испытаний только что завершившейся гражданской войны — но ещё и в сознании, насколько прежний, толкуемый ранее прежде всего как собственно-экономический, порядок обнажился на деле как не просто связанный, а в каждое мгновение производимый государственным порядком.

А. А. Тесля

Для цитирования: Тесля А.А. [Рец.] Литошенко Л.Н. Критика советской аграрной политики / Под ред. А.М. Никулина, В.О. Афанасенкова, И.А. Кузнецова, А.Ю. Мельникова. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2022 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 119–121.

Шубрт И. Подвойский Д. Г. Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте?

М.: ВЦИОМ, 2024. — 380 с.

Создать учебный или обзорный текст про теории, который бы отличался обстоятельностью и глубиной — большая и в то же время тонкая в исполнении работа. Прделанная авторами книги работа или, как они сами пишут, «продукт профессиональной жизнедеятельности» представляет собой попытку очертить лабиринт во множестве теорий социологии (определение авторов). Мы можем предложить встречную метафору: попытка обозначить палитру красок для живописания социальной жизни в ее многообразии.

В самом начале хотела бы внести уточнение о том, можно ли отнести данную работу к категории учебных. Полагаю, да, в том смысле, что просветительская функция в полной мере присуща данному тексту. Действительно, авторам удается упомянуть и включить в рассмотрение множество теорий, что, безусловно,

служит развитию кругозора читателя. Несомненная ценность книги — обширная библиография. Авторы привлекают разные, в том числе сложно доступные, источники на различных языках. Каждую главу завершает удобный в обращении список литературы.

Присоединяюсь также к утверждению авторов о том, что задача хорошего учебника упростить, но не уничтожить разнообразие. В этой книге теории изложены на «универсальном», не перегруженном специальными терминами и изысками языке социологии, что делает их доступными для освоения. Это можно назвать плюсом для учебной литературы. Минусом же подобного способа изложения будет то, что при такой «универсальной» подаче оказывается сглаженным своеобразие словарей отдельных теорий. Хотя словарь делает их сложными для понимания, в то же время он открывает отважным читателям уникальную логику мысли авторов этих теорий. Стоит добавить, что для глубокого погружения в теории одной только учебной или аналитической литературы явно недостаточно. Простота учебника намекает читателю, что для погружения в тему необходимо прочитать первоисточник.

Книга иллюстрирует посыл о существовании многих «хороших и разных» социологий, о мультипарадигмальности этой науки, что делает книгу современной и своевременной. В настоящий момент мы можем наблюдать потрясающее разнообразие социальных теорий микро-, мезо-, макромасштабов, апологетических и критических, нейтральных и ценностно-вовлеченных, оставшихся нам в наследие и произведенных сравнительно недавно. Многим из них находится место в этой книге. Среди героев этой книги мы найдём мыслителей, которые редко фигурируют в обзорных и аналитических текстах по социальной теории, таких, как Н. Элиас, Ш. Эйзенштадт, М. Маффели, У. Бек.

Крайне актуальным считаю также признание значимости языка теории для идентификации парадигмы, где «парадигма = оптика + теория + язык + метод» (с. 25 со ссылкой на М. Петрусика). В целом, оптика понимания теории как особого дискурса с отличительной для него терминологией и мировидением может считаться едва ли не самой продуктивной для осуществления анализа и пользования социальными теориями. Примечательно, что в заключительной части авторы книги называют приоритетной мыслительную ориентацию о решающей роли речевых актов в воспроизводстве социального (добавим: и теоретического).

Отдельный аспект, заслуживающий внимания в подобного рода работах, — это предложенные классификации. Внутренний критик вопрошает об основаниях приведенных классификаций, членений на парадигмы и течения, разбиения на главы. Задача классификации социальной теории в самом названии работы и в теле текста неоднократно обозначается как сложная и почти невыполнимая, в связи с чем конкретные и однозначно эксплицированные критерии разбиения теорий читатель, увы, в книге не обнаружит. Смутные ощущения про «пучки» или «букеты» сходных теорий (с.16) усугубляются при рассмотрении структур глав, в которых предложены композиции из теорий.

Более всего, пожалуй, озадачивает пятая глава. К предложенной в ней группе теорий *социальной сплочённости* (из названия главы) отнесены теории Леви-Стросса и Фуко наряду с Парсонсом и Хабермасом. Данная, как сказано авторами, «проблематичная группировка» обозначена в сопровождающем тексте как *теории структуры*, и такой вариант представляется всё же более проясняющим основания для объединения. Диахронный порядок этой главы также оригинален: Леви-Стросс, Парсонс, Мертон, Фуко, Луман, Хабермас, Гидденс, Бурдьё, Александер. Возможно, большая дробность глав позволила бы органичнее развести по ячейкам столь неоднородные теории. Либо же ситуацию могла исправить пусть и спорная, но более ясная артикуляция оснований для осуществления классификации. Сами авторы очерчивают границы своей рефлексии признанием, что ориентировались на разбиение текста и теорий по «плавающему» проблемно-тематическому

принципу. После прочтения книги основания и принципы классифицирования теорий становятся несколько более понятны, однако, всё же лишь интуитивно.

Отмечу также, что сложности классифицирования теорий в целом преодолимы и не столь безнадежны, хотя и требуют от аналитиков неизбежного риска сужения перспективы. Что бы хотелось возразить от себя — лабиринты социологической теории не представляются столь уж непроходимыми тому, кто изучает и использует их. Из личного опыта преподавания могу сказать, что существует проблема неразличения идей, понятийных схем и парадигм, характерная для неофитов. В этом плане книга «вооружает» читателя собственными, пусть не до конца определенными, вариантами различения.

Книга неоднородна по тематическому составу глав: освещение содержания отдельных групп («пучков») теорий перемежается с размышлениями о траекториях движения социальной мысли и социологии как таковой, ее зарождении и своеобразии, о характере дискуссий в социологии разных периодов. Интересен вдумчивый экскурс во второй главе по истокам формирования самой возможности мыслить социологически — «генеалогия новоевропейского рационализма и формирование научной картины мира» (с. 41) — от Платона, Бэкона, Канта, через развитие естественных наук и роли протестантизма, феноменализма и детерминизма в методологии. В четвёртой главе авторы выходят за границы сугубо теоретического поля к эмпирике. Достигнутый эффект — продемонстрировано, что в развитие социологии в определенный момент (начало XX века) вливается новая эмпирическая волна, представленная американской линией и неопозитивизмом.

Не без иронии отмечу, что в книге слышны актуальные точки современной общественной и идеологической полемики. Так, в тексте упоминается настойчивость экспансии западной модели науки и общества, предложена переоценка традиционных форм социальности не в русле прогресса, а присущих этим формам ценностей. Социология представлена как «интеллектуальный прецедент» западной Европы, которая в силу исторической констелляции породила новую науку, чья применимость за пределами Европы может и, вероятно, должна быть критически переосмыслена. Культура подозрения читающего позволяет, в свою очередь, критически переосмыслить сами предложенные утверждения в контексте сегодняшнего дня.

Вообще, написание учебника, как и аналитического обзора — дело неизбежно оценочное. Даже само упоминание той или иной фигуры и уделённый ей в тексте объем внимания выразительны. В книге можно заметить неравномерность освещения идей теоретиков. Спенсеру уделено несколько абзацев, теории Маркса (включая предшествовавших повлиявших философов) — несколько страниц, идеям Вебера и Латура — по 3 страницы, идеям Бурдьё — 11 страниц. В тексте, помимо того, встречаются авторские суждения об ошибочности

некоторых положений Маркса, преувеличениях Леви-Стросса, удачной аллегории Баумана — и все это делает ощутимым авторское дыхание, которое, подобно голосу преподавателя в аудитории, способно провоцировать любопытство и в то же время открыто желанию спорить. Право высказать оценочное суждение в данном случае, видимо, может быть обосновано авторским концептуальным видением и, по возможности, недогматичной его аргументацией. В данном случае авторское видение плюс доступное изложение наиболее существенных идей теоретиков в тексте весьма органично сочленено и со-представлено.

В завершение отмечу, что субъективность аналитика в тексте представляет эвристическую ценность в том случае, когда ему «противопоставлен» другой и третий коллега, что означает для нас необходимость включения в рассмотрение и список литературы для студентов более чем одну книгу, более чем одну аналитическую версию. Пусть с нами будет мультипарадигмальность, а вместе с ней и мультитекстовость!

И. А. Чудова

Для цитирования: Чудова И. А. [Рец.] Шубрт И., Подвойский Д. Г. Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте? М.: ВЦИОМ, 2024 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 122–125.

История Третьяковской галереи. XX век. 1913–1925

В 2-х книгах . М.: Третьяковская галерея, 2022. Кн. 1 — 312 с., кн. 2 — 408 с.

Изучать историю всегда интересно, познавательно и поучительно. Частью большой истории страны является история российских музеев. В результате исследований воссоздаётся картина возникновения музеев, их место и роль в истории отечественной культуры, анализируется опыт предшествующих поколений музейных работников. Занимаются изучением истории музейного дела научные центры и собственно музеи. Материалы публикуются в специальной научной литературе, в музейно-ведческих периодических изданиях, трудах по истории культуры. Особенно интересны издания музеев.

Значительным опытом в написании собственной истории обладает Государственная Третьяковская Галерея. Особое внимание всегда уделялось жизни и деятельности основателя Галереи Павла Михайловича Третьякова, периоду организации и становления коллекции. История дальнейшего развития музея известна гораздо меньше. Заполнить лакуны призван издательский проект «История Третьяковской галереи. XX век», инициированный сотрудниками музея и поддержанный Благотворительным фондом имени Павла Михайловича Третьякова.

Идея написать полную историю музея за новейший период на основе архивных материалов, возникла накануне празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне. В 2015 году первым увидел свет том, посвящённый трагическим страницам истории Третьяковской галереи в годы войны. В 1941–1945 годах была спасена коллекция, эвакуированная в считанные дни из Москвы в Новосибирск и Молотов (ныне Пермь), сохранилось здание

музея, пострадавшего от бомбежек в августе 1941 года. Невероятными усилиями удалось избежать утраты произведений, которые в 1944 году целыми и невредимыми вернулись в родной дом.

В 2022 году вышел из печати двухтомник, освещающий не менее сложный период — 1913–1925 годы. Во времена сложной политической обстановки, войн, революций и катастроф, постигших Россию, галерея расширила свою коллекцию, стала не просто общедоступным собранием выдающихся произведений русского искусства, а передовым музеем с научно разработанной экспозицией, одним из крупнейших в стране культурных и научно-просветительных центров.

Составители сборника успешно справились с задачей выявить и опубликовать документальные свидетельства истории Третьяковской галереи, представив некоторые совершенно неизвестные факты. Анализ собранного материала позволил вписать новые страницы в историю отечественного музееведения, когда история одного музея отражает процессы, происходившие в культурной и общественной жизни страны. Вступительная статья, блистательно написанная заведующей отделом рукописей ГТГ Е. А. Теркель, дает общую картину жизни музея в нелегкое время бурных перемен, непосредственно влиявших на музейные будни глобально и детально.

В первой книге двухтомника собраны архивные материалы 1913–1917 годов, рассказывающие о преобразованиях в жизни музея. Павел Михайлович Третьяков ещё при жизни передал свою коллекцию городу Москве, музей после его кончины находился в ведении Московской городской думы, которая приняла решение, что управлять Галереей будет Совет во главе с попечителем. Им стал Московский городской голова князь В. М. Голицын. Затем должность попечителя сделали выборной, с 1905 года по 1913 год её занимал художник и коллекционер И. С. Остроухов. 2 апреля 1913 года в результате нелёгкой борьбы попечителем избрали Игоря Эммануиловича Грабаря. Увлечённый написанием многотомной иллюстрированной «Истории русского искусства», Грабарь видел возможность материализовать свою концепцию в стенах галереи, развесив последовательно по залам лучшие живописные полотна отечественных мастеров, демонстрируя русское искусство в его в историческом развитии. Хорошо знакомый с устройством европейских музеев, Игорь Эммануилович стремился перенести лучшие достижения на родную почву, учитывая не только научную составляющую, но и дизайн экспозиции. Новая разреженная развеска должна была облегчить публике восприятие произведений, которые теперь помещали на уровне глаз, оставляя свободным место у пола и потолка. 3 декабря 1913 года музей открыли для публики. По поводу оценки новой экспозиции мнения разделились. И. Е. Репин авторитетно поддержал перемены, предположив, что сам Третьяков одобрил бы проведённые реформы. Покончив с перевеской, Грабарь с помощниками принялся за реформу учёта и описание собрания, что

было необходимо и для создания нового научного каталога. Галерея продолжала пополняться, несмотря на финансовые сложности, связанные с началом Первой мировой войны. Увеличившееся собрание, проделанная работа по описанию произведений, атрибуции и открытия, написание биографического очерка братьев Третьяковых позволили в конце 1917 года издать новый каталог, приурочив его выход к 25-летию передачи Галереи городу Москве.

Революционные события 1917 года вызвали значительные перемены в музейной жизни. Галерее грозило самоуправство персонала и нового начальства, назначенного Моссоветом. Сохранить саму коллекцию, экспозицию, все результаты реформ последних лет можно было лишь выведя музей из подчинения московским властям. 3 июня 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о национализации, и Галерея перешла в подчинение Наркомата Просвещения, ведь по своему значению музей давно уже был общероссийским, а не городским учреждением.

Вторая книга посвящена событиям 1918–1925 годов. Нужно было спасти музей от ужасных последствий разрухи. Во главу угла были поставлены добыча топлива, стройматериалов для ремонта, охрана собрания (введены ночные дежурства младших служащих, сторожам выдали винтовки). В 1921–1922 годах сложилось особенно тяжёлое положение: проблемы с отоплением привели к отсыреванию стен, приходилось снимать воду с них швабрами, предварительно убрав картины. Наступивший в стране голод заставил дирекцию заняться добыванием продуктовых карточек, муки, картошки, дров для сотрудников. В этих сложных условиях не прекращалась научная и экспозиционная работа. Впервые в залах стали устраивать выставки. Продолжалось и комплектование музея. Произведения поступали от художников и коллекционеров, а также через Государственный музейный фонд, куда свозили ценности из дворцов, особняков и усадеб. В 1925 году Третьяковской галерее была передано собрание русского искусства из ликвидированного Румянцевского музея. Появились и филиалы: Цветковская галерея, музей И. С. Остроухова, музей живописной культуры, Рогожско-Симоновский филиал (бывший пролетарский музей).

Этот период истории Третьяковской галереи, которому посвящен двухтомник, во многом связан с деятельностью одного человека — Игоря Эммануиловича Грабаря, личности многогранной, весьма неоднозначной. Авторы сборника с уважением и теплотой отмечают его значительную роль в поступательном развитии музея. У каждого музея есть герой, организующий и спасающий, и имя его становится священным для последующих поколений музейных сотрудников.

В связи с ролью личности в истории музея, необходимо указать на еще одно неоспоримое достоинство сборника — организацию и состав документальной хроники. Предваряют разделы перечисление

событий общественной и культурной жизни страны, даты выходов декретов государственной власти и постановления ведомств. Но самое главное, публикации официальных документов деятельности музея — журналы заседаний Совета по управлению, докладные записки, протоколы заседаний комиссий по различным вопросам, списки поступивших художественных произведений, акты осмотров, отчеты, сметы и т. д. дополняются документами личного происхождения — биографиями и письмами. Весь комплекс материалов реконструирует очень живо насыщенную жизнь музея, когда необходимо было проводить глобальные реформы и решать насущные проблемы.

Особо хотелось отметить, насколько ярко иллюстрирован сборник. Наряду с художественными произведениями из коллекции Галереи, фотографии и изображения документов позволяют очень живо представить происходившие события.

Издание представляет интерес не только для специалистов — музейщиков, историков культуры, искусствоведов и музейных работников. Двухтомник вдохновляет коллег на создание своей подробной истории, являет пример четкого выявления и научной публикации архивных документов. Музей в нашей стране приобрел значение «культурной нормы». Для широкой публики сборник поднимает авторитет Третьяковской галереи как научно-просветительского центра и делает любимый музей роднее, понятнее и ближе. Указанный двухтомник содержит массу новой информации, проанализированной в доступной читателю форме. Издание рекомендуется к участию в конкурсе Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года».

Н. В. Александрова

Для цитирования: Александрова Н.В. [Рец.] История Третьяковской галереи. XX век. 1913–1925. В 2-х кн. М.: Третьяковская галерея, 2022. // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 126–129.

«Хочется жить во всю силу...»: дневники подростков Оттепели

Изд. подг. И. Л. Савкина, С. В. Николаева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 559 с.

Дневники подростков Оттепели изданы Европейским университетом в Петербурге в рамках серии публикаций дневников российских-советских подростков, собранных в Центре изучения эго-документов «Прожито».

Авторы дневников — семь молодых людей, родившихся в 1943–48 годах. Они практически не помнят войну и ранее послевоенное время, все они — дети Оттепели, устремленные в будущее, живущие надеждами, мечтающие реализовать себя.

«Хочется прожить жизнь, как Бейль, Байрон, Курбе, Пётефи — бурно. Хочется жить во всю силу, допьяна: любить, страдать, скакать на коне, прыгать в воду, упоенно работать и — бороться — всю жизнь... — вот страстный хмель жизни», — записывает 20 декабря 1959 года Сергей Попадюк — юноша из интеллигентной московской семьи. И вот это страстное «хочется жить во всю силу» стало заголовком книги,

объединившей под своей обложкой дневники семерых ребят из самых разных регионов СССР, самого разного социального происхождения, статуса, материального достатка. Но их всех объединяла юность, любовь к жизни, небывалая доселе свобода: в стране мир, нет репрессий, есть возможности для того, чтобы учиться, познавать, дружить, влюбляться, читать. В стране веет свежий ветер, подростки готовятся вступать во взрослую жизнь, чувствуя себя гражданами огромной страны. Неслучайно составитель сборника кандидат филологических наук, доктор философских наук, научный сотрудник Университета Тампере Ирина Савкина озаглавила свою вступительную статью к корпусу дневников «„Если радость на всех одна...“ или Автопортрет поколения в юности». Она пишет о том, что объединяет всех семерых: «В какой-то степени все семь текстов можно рассматривать как своего рода мета-текст, как „дневник подростка Оттепели“: в них есть общая атмосфера открытости будущему, ощущение полноты и осмысленности жизни, которое, согласно многим воспоминаниям и исследованиям, было характерно для эпохи Оттепели».

Дневник ленинградки Аллы Сарибан погружает нас в атмосферу знаменитого литературного клуба «Дерзание» во Дворце пионеров имени Жданова, что в Аничковом дворце на Невском проспекте. Сама Алла частенько гуляет по Невскому, заходит в знаменитый Лягушатник — кафе-мороженицу, бывший ресторан «Данон», ходит в Русский музей, в Капеллу, изучает испанский, занимается музыкой, много читает.

Девушка-подросток внимательно вглядывается в себя, анализирует и рефлексировать. И дневник взялась вести для самовоспитания: «Ведь задача-то состоит в том, чтобы вырасти здоровым, культурным и в силу своих возможностей умным человеком, ведь надо же жить потом будет. И вот для того, чтобы заставить мозги работать, я решила прибегнуть к ведению дневника».

Алла поступит на вечернее отделение физического факультета ЛГУ. Впереди у неё будет очень яркая и непростая жизнь. Ей придется покинуть СССР из-за участия в диссидентском движении — она была одним из авторов феминистско-православного самиздатского журнала «Мария». После отъезда в Германию Алла будет заниматься компьютерным моделированием полимеров и писать книги. А оригинал её юношеского дневника попадёт в Бременский университет, в Архив Исследовательского центра Восточной Европы.

Виктор Архиреев — подросток из деревни Язвице, сначала не говорил по-русски. Его родной язык — карельский. Тем не менее, старшекласник Виктор, учась в школе в селе Кушалино, пишет по-русски, успевает не только учиться, но и подрабатывать, мечтает о высшем образовании. Эта мечта сбудется, но нескоро, хотя упорства Виктору не занимать.

Вот он записывает 1 ноября 1960 года: «Меня разбудило радио. Встал, повторил доклад по литературе о речи Павла Власова. Да, вчера получил письмо от подруги. Я прочитал его, задумался над собой. Нет, слабо пока, не настойчиво учусь, хотя оценки не плохие. Много ленюсь, таскаю лишний груз, который надо давно сбросить с себя. Я сейчас понимаю, что мы все живём не для себя и своих родных, а для всего народа, всех людей на земле».

При этом в дневнике Виктора есть воспоминания о послевоенном детстве: гнилой картошке, усталой матери, ссорах в семье...

Зина Лыкова, в замужестве Лелянова, уже будучи взрослой, опубликовала в электронном виде свой дневник. Только умолчала о тяжёлой операции, перенесённой в ранней юности, врачи тогда серьёзно опасались за её жизнь. Зинаида вымарала из публикации всё это — боль в сердце, страх смерти. Но дневник в книге помещён без купюр. И именно теперь ясно, отчего у Зины такая жажда жизни — вопреки болезни, вопреки приговору врачей. Вот она пишет 17 апреля 1963 года: «Сейчас 9 часов 40 минут вечера. По радио передают «Балладу» Шопена. Ой, какая прелесть! Сколько в ней красоты и успокаивающей силы!». Зинаида проживет 68 лет, переживёт мужа и младшую дочь...

В дневниках подростков практически нет политики. Но вот Михаил Балашов следит за международной обстановкой и переменами в стране. В дневнике запись от 22 ноября 1963 года даже обведена рамкой. Это день убийства Кеннеди.

«В газете напечатали портрет Кеннеди, красивый, он родился, как и папа в 1917 г. Только в мае. Жалко мне его, смелый был, за правду боролся, и жену его тоже жалко. Она ведь тоже ехала с ним в машине. Когда на её глазах пуля попала в шею ему она закричала: „О нет! Нет!“ и обняла его, но вторая пуля докончила дело».

Михаил пишет в октябре 1964 года о полёте в космос Комарова, Феоктистова и Егорова, начале Олимпийских игр в Токио, отставке Никиты Хрущева и о том, что первым секретарем ЦК КПСС стал Брежнев.

Балашов детство и юность провёл в Уфе, а сейчас он петербуржец, корабел, поэт, живёт на Васильевском, до сих пор ведёт дневник...

Галины Щербаковой, которая более пятидесяти лет проработает учительницей русского языка и литературы в Подольске после окончания Воронежского университета, уже нет в живых, её девичий дневник помогла подготовить к печати дочь Мария. Школьница Галя растёт в семье учителей, в дневнике подробно описывает свою жизнь, пишет о том, как ссорилась с мамой и не разговаривала с ней, переживала из-за этого. Пишет, какие фильмы смотрела, что читала, пишет даже, что каникулы надоели, и хочется в школу. Галя пишет о путешествиях, книгах, о том, что поэта Пушкина невозможно не любить...

А вот какую запись девушка делает 9 сентября 1964 года: «Только что прочла книгу „Когда фильм окончен“. Небольшие выписки из этой книги. Вообще очень интересно, познаваемо. Ромм, Габай, Швейцер, Чухрай. Но то о чем мечтают, что ли, Габай, Воинов, в некотором роде Швейцер, делает Чухрай. Делает действительно „просто, серьёзно, честно“, чувствуется его культура, его заинтересованность. В общем, его статья может и не такая заумная, как у Тарковского, который сам не знает, чего он хочет, но в ней есть необходимое цельное отношение к жизни. Тарковский своими бесчисленными „ассоциациями“ только морочит голову.

Мне ближе Ромм, его актёр мысли. Его фильм-размышление „9 дней“.

Может потому, что я сама слишком много думаю („мыслю!“) Во всяком случае он даёт моей голове пищу, в которой она нуждается».

Оттепель... Время надежд. И вышедшая именно сейчас эта книга дневников подростков, юность которых совпала с этим удивительным временем, тоже даёт надежду.

Г. Артёмenko

Для цитирования: Артёмenko Г. [Рец.] «Хочется жить во всю силу...»: дневники подростков Оттепели. / Изд. подг. И. Л. Савкина, С. В. Николаева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 130–132.

Кобеляцкий А., Шиц М. Люди 1920-х годов. Вопреки утопии.

М.: Бослен. 2024. — 368 с.

Книга журналистов Александра Кобеляцкого и Маргариты Шиц посвящена людям двадцатых годов прошлого века. Впрочем, как отмечают в предисловии авторы, она, собственно, написана их героями. В книге собраны «свидетельские показания» самых разных людей, отличающихся происхождением и профессией, возрастом и положением. Они радуются, страдают, влюбляются, предают, совершают героические поступки, допускают ошибки, смиряются, мучаются угрызениями совести, болеют, совершают преступления. Для многих из них эти годы будут самыми яркими в жизни. Для некоторых — последними. Есть среди них знаменитые властители умов, а есть и совсем неизвестные личности. Их свидетельства складываются в пеструю мозаику той эпохи.

Лишь немногие герои из ста сорока, действующих в этой книге, дожили до глубокой старости — как, например, Лев Термен, который в одной из глав книги встречается с Лениным и демонстрирует сконструированный им прибор. Или карикатурист Борис Ефимов, который пережил своего расстрелянного брата, писателя и журналиста Михаила Кольцова почти на семь десятилетий. У большинства людей 1920-х жизнь либо промелькнула яркой кометой, либо принесла им множество страданий. Те годы оказались невероятно насыщены событиями, эмоциями и идеями.

В стране сменился общественный строй, она пережила Первую мировую и Гражданскую войны, две революции, тиф, голод, разруху. Потери населения были огромны, экономика и транспорт развалены. Люди выживали, применяя разнообразные стратегии борьбы с многочисленными бедами и трудностями. Их сознание, привычки, уклад жизни балансировали между прошлым и настоящим.

То время характеризуется невероятным напряжением сил — духовных и физических. Зато впереди людей манила провозглашенная властями благая цель — общество свободы и равенства. Как выяснилось позднее, это была утопия. Сама дорога к великой цели вовсе не

была усыпана розами, а оказалась кровавой и очень тяжелой. «Век двадцатый, век необычайный. / Чем столетье интересней для историка, тем для современника печальней», — писал поэт Николай Глазков.

Цитата, которая вынесена на обложку книги (автор указан на титульном листе), характеризует подход авторов: «Не нужно описывать сражений и кровопролития, великих мук и дел. Достаточно для освещения эпохи показать обыкновенную повседневность в её среднем, самом обычном уровне». Это слова филолога-классика Ольги Михайловны Фрейденберг, двоюродной сестры Бориса Пастернака. Цитата хорошо отражает события, описанные в книге. Далеко не всегда героические, а зачастую малозначительные сюжеты повседневного бытия героев.

«Структурированный калейдоскоп», применяемый в книге «Люди 1920-х годов. Вопреки утопии» отчасти можно сравнить с тем, что использует в своем творчестве немецкий писатель и исследователь Флориан Иллиес. Но если герои книг Иллиеса («1913. Лето целого века», «Любовь в эпоху ненависти. Хроника одного чувства, 1929–1939» и других) живут в них на протяжении всего повествования, то в работе А. Кобеляцкого и М. Шниц герои оживают, если можно так сказать, на краткий миг. В книге описан какой-то один яркий момент из их жизни, относящийся к конкретному дню и месяцу 1920-х годов. Каждому герою посвящен разворот, максимум три страницы текста, приведены краткие биографические данные. Оформление книги (дизайнерское бюро Игоря Гуровича) заслуживает высокой оценки.

Что касается содержания, то от истории к истории мы попадаем словно в настоящий поток жизни, где соседствуют драма, комедия и фарс. Рассказы о голоде (Артур Холичер рассказывает о посещении в 1922 году Дома ребенка), об арестованных «врагах народа» (митрополите Вениамине, который противостоит разграблению церкви), о смерти дочери Марины Цветаевой в Кунцевском приюте перемежаются историями о шахматной лихорадке, поимке жителями Тетюшей огромной белуги, уроках художника-авангардиста Михаил Матюшина, который учит своих студентов рисовать «затылком».

Некоторые факты, рассказанные в книге, широко известны, другие авторам удалось выудить из-под спуда исторических напластований. В целом книга построена не на архивных источниках, а на опубликованных мемуарах и дневниках. Несмотря на кажущуюся простоту подобного поиска, видно, что он был скрупулезным и довольно тщательным.

Отдельная благодарность авторам за хронику событий десятилетия. Каждому году предшествует раздел «50 событий года», а каждая история сопровождается размещенными в верхнем колонтитуле событиями текущего и последующего месяцев.

Риску предположить, что ценность книги даже не в конкретных фактах, а в отношении к ним героев. Как правило, они не могут

знать всей правды о том, что фиксируют, но реагируют они непосредственно и эмоционально. Особенно интересно, когда на одни и те же события дается реакция нескольких героев, стоящих на разных ступенях общественной лестницы. Например, как в случае со Сталиным, который требует у крестьян-сибиряков хлеба. Они же видят в коллективизации такое ущемление своих прав, что «хоть бери вилы и иди воевать».

Было бы интересно проследить, как меняются настроения одних и тех же людей на страницах их дневников впоследствии, ведь некоторые, несмотря ни на что, продолжают вести свои записи в течение всей жизни. Уже следующее десятилетие менее богато на значимые письменные эго-документы. Тем ценнее те, которые все-таки дошли до нас. К примеру, записи Михаила Михайловича Пришвина, который говорил, что за каждую строчку его дневника — 10 лет лагерей. К счастью, все тетради сохранились, и вторая жена Пришвина сумела подготовить и издать этот огромный труд. Блестящие и очень полные дневники Корнея Чуковского и Ольги Берггольц тоже опубликованы.

Собственно, целью авторов, видимо, и было привлечь внимание читателей на те первоисточники, которые существуют, и к которым любой при желании может обратиться. И эта цель не может не вызывать уважения.

Хочется пожелать, чтобы труд авторов был продолжен и воплощён в новых выпусках серии «XX век. Современники», которая заявлена на обложке книги издательства «Бослен». Будем надеяться, что мы прочтём рассказы о тридцатых, сороковых и последующих десятилетиях, узнаем продолжение историй героев книги «Люди 1920-х годов. Вопреки утопии» и познакомимся с новыми интересными персонажами.

И. Скворцова

Для цитирования: Скворцова И. [Рец.] А. Кобеляцкий, М. Шиц. Люди 1920-х годов. Вопреки утопии. М.: Бослен. 2024 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 133–135.

Джаффе С. Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь

М.: Individuum, 2023. — 528 с.

Книга Джаффе посвящена любви к работе. Тому, как мы любим работу, стоит ли её вообще любить и любит ли работа нас в ответ. В книге 10 глав о разных видах любви и разных типах работ.

Две первых главы касаются труда любви. Джаффе не иронизирует на эту тему, не буду этого делать и я. Труд любви не сводится к репродуктивному труду, он касается и других обязанностей, которые фактически являются работой (и, притом, довольно изматывающей), но социум это не воспринимает как работу. Женщина не работает, она домохозяйка.

Предполагается, что труд любви сам по себе естественен для женщины, и потому он воспринимается естественно и не должен быть осквернён деньгами. Именно потому, что правильная любовь к деньгам отношения не имеет.

Интересно, кстати, что при анализе труда любви Джаффе упоминает даже охоту на ведьм и пишет, что возможна интерпретация, в кото-

рой вся охота на ведьм была фактически преследованием женщин, которые пренебрегали сложившейся системой трудовых отношений по поводу любви и осмеливались работать не так и не там, где им предписывало общество. Не знаю, права ли она, но идея кажется интересной.

Няням и домработницам тоже не особо легко. Они попадают в «серую зону» морали в том смысле, что они исполняют труд любви за деньги, а изначальное восприятие этого труда как бесплатного приводит нас к тому, что няням и домработницам систематически недоплачивают. Я бы сказал, что есть некоторая ирония в том, что труд нянь и домработниц в известной степени недооценивали как раз мамы, труд которых, в свою очередь, недооценивал социум.

Следующая группа, не так далеко стоящая от мам и домработниц — учителя. Мнение, что учительство является больше призванием, чем работой, является очень давним. Отдельно весело то, что труд учителя признаётся крайне важным, но ему отказывают в праве называться настоящей работой.

Дальше Джаффе изучает работу продавцов. Крупные сети магазинов одно время были довольно важным и неплохим работодателем, но всё закончилось довольно быстро. Ровно когда продавцы подумали о профсоюзах для того, чтобы отстаивать свои права.

В итоге магазины получили стабильную текучку кадров, но не то, чтобы их это очень волновало — это позволило избавиться от дорогостоящих сотрудников, а контролировать персонал стало довольно просто — максимальным закручиванием гаек и увольнением при любом поводе просто потому, что за дверью довольно много желающих работать.

Естественно, регламентация труда устроена так, чтобы можно было манипулировать зарплатами и в пределах одной должности. Неравенство стало нормой, и особенно интересно то, что происходило это под вывеской семейных ценностей.

Забавно, что пропаганда ценностей компании как семьи давала свои плоды. Джаффе приводит пример одной дамы, которая рассказывает о том, что буквально прошла все стадии горевания, когда узнала о банкротстве. И она утверждала, что такие переживания были у всех работников.

Дальше речь идёт про некоммерческие организации. Они, как следует из названия, не извлекают прибыль из работы. А раз они не зарабатывают денег — то какие могут быть вопросы к низким зарплатам и переработкам? Вы занимаетесь важным делом и должны быть благодарны за то, что вам вообще была предоставлена такая возможность.

Именно в разговоре про некоммерческие организации Джаффе чаще, чем в других главах книги, обращается к эмоциональному выгоранию. Довод, на самом деле, очень простой — работа в таких организациях гораздо чаще обращается к предназначению и высшим целям, и гораздо реже — к деньгам:

«Неслучайно, что НКО, которым удастся получить финансирование, похожи на успешные стартапы. Решение о выделении средств принимают люди, относящиеся к наиболее богатым слоям общества. И инвестициями, и благотворительностью сегодня занимаются главным образом миллиардеры из сферы высоких технологий и финансов, при этом в обоих случаях они руководствуются одной и той же логикой» (С. 214).

И после НКО Джаффе обращается к совсем нехарактерным отраслям. Например к художественному рынку.

Представление об особой одарённости художника появилось ещё в эпоху Возрождения в Европе. Тогда же возник и институт личной репутации, никак не связанной с институтом репутации гильдии — при найме художника хотели нанять именно лучшего. А для

художника репутация «придворного» или, позднее, «салонного» ознаначала рост дохода.

Позже на искусство повлияла промышленная революция. Она способствовала инвестициям в искусство и повысила цену на любые произведения искусства, созданные руками человека, а не станком. И именно в этот момент оформилось предположение, что художник должен быть голодным и трудиться из любви к искусству. Одновременно с этим искусство обособилось от религии, обеспечивавшей ему значительную часть сюжетов и мотивации. И в это же время окончательно свершилась революция, которая закрепила образ художника как отвергающего традиционную концепцию работы.

Дальше искусство переживёт ещё одну трансформацию. Появятся такие личности, как Уорхолл, Кунс, Хёрст и Поллок.

Про Поллока хочется сказать отдельно. Вы наверняка видели его картины, представляющие собой нагромождение капель краски без какого бы то ни было понятного образа, и, думаю, задавали себе вопросы о природе его искусства. Я тоже. Так вот, у Джаффе есть ответ:

«Джексон Поллок был идеальным американским художником послевоенного периода: он выплескивал свое „я“ на холст, создавая картины, понятные лишь тем, кто был достаточно умен, чтобы постичь его гениальность. Абстрактные картины Поллока противопоставлялись советскому социалистическому реализму и рассматривались как олицетворение свободы» (С. 248).

Джаффе утверждает, что Поллок своей популярностью обязан вовсе не своим работам. Он — как противовес соцреализму — был поддержан государством и без государственных денег мы бы про Поллока ничего не знали.

А Хёрст, Кунс и Уорхол замечательны тем, что заметную часть своих произведений они не создавали. На них работали стажёры. Их труд, естественно, оплачивался сильно меньше, чем труд титульного «художника». И именно стажировкам посвящена следующая глава книги.

Во-первых, стажёрам принято ничего не платить. Предполагается, что стажёр должен надеяться на то, что в компании его заметят и возьмут на постоянную работу. «И что тут страшного?» — спросите вы. Но все расходы, которые возникают у стажёра, он несёт сам. Компания, повторюсь, ему не только не платит, но и ничего не компенсирует. Ну и скорее всего ни на какую постоянную работу его не возьмут, потому что это невыгодно.

Вместо этого стажёры дорастают до прекариата — класса с неполной занятостью. Об этом классе писал Стэндинг, и Джаффе прямо на него ссылается. У прекариата, как и у стажёров, нет никаких гарантий завтрашнего дня.

Сама идея «стажёра» исходит из того, что работу надо заслужить. И ладно бы просто заслужить. Иногда всё гораздо, гораздо хуже:

«Но словно для того, чтобы подчеркнуть неравенство, царящее в этих сферах, был придуман «аукцион стажировок». На таких аукционах выставляются на продажу стажировки в компаниях, куда традиционно тяжело пробиться, — от дома моды Версаче до интернет-издания *Huffington Post* (теперь *HuffPost*).» (С. 294)

Ну и при таких вводных условиях несложно догадаться, почему так живуче утверждение, что «нормальную работу можно получить только по связям». И да, Джаффе утверждает, что часто так оно и есть.

Теперь академическая карьера. Неожиданность заключается в том, что если вы думали, что где-то положение преподавателей отличается от среднего — то вы ошибаетесь. А вот положение отдельных преподавателей от среднего может очень сильно отличаться.

Основная тенденция — замена штатных преподавателей внештатниками. Но это только половина проблемы. Вторая проблема в том, что такая работа создаёт сверхзанятость — вузовские преподаватели думают о себе как о локомотиве среднего класса, но на деле они оказываются как раз тем самым прекариатом с неустойчивой и временной занятостью — контракт может быть не продлён, а для более или менее приемлемого уровня жизни приходится работать одновременно в нескольких местах.

Есть и более неожиданное следствие. Замедляется воспроизводство профессиональных управленцев. В буквальном смысле это означает вот что: образование становится очень дорогим. Слишком дорогим для того, чтобы окупиться при работе менеджера.

В следующей главе речь идёт про разработку и (в том числе) про разработку видеоигр.

Начнём с того, что общим правилом для этих компаний всегда была повальная экономия буквально на всём. Например, Twitter (признан экстремистским и запрещён на территории РФ) вообще долгое время не хотел заводить отдел технической поддержки потому, что руководство не понимало, зачем он нужен.

Вторым способом экономить стал аутсорсинг и аутстаффинг всего, чего можно. Сотрудник за рубежом получает меньше, а работает больше. Вершиной этого всего стала фальшивая автоматизация — если вы помните, недавно Amazon закрыла свои автоматические магазины (без кассиров и продавцов), и в процессе выяснилось, что покупки анализировала вовсе не нейросеть, а специально обученные индусы.

Тут можно спросить, а почему у IT-компаний такие роскошные офисы? Это же не похоже на экономию? Ещё как похоже, только экономия не там. Это — экономия на личной жизни сотрудника. И имен-

но для решения бытовых проблем появляется куча приложений. Эту ситуацию описывает Кори Пайн в «Живи, вкальвай, сдохни», по этой книге у меня тоже есть подкаст.

Работники точно так же (если не больше) зависимы. И компания заинтересована в том, чтобы они никак не проявляли самостоятельность. Интересно, что компании очень любят играть в независимость, но на самом деле, например, они очень любят принимать политически мотивированные решения.

И последняя глава посвящена спорту. С ним всё те же проблемы — отсутствие нормальной оплаты труда для большинства спортсменов, перевод профессионалов в «стажёров» (студенческий спорт за последние десятилетия очень развился), и так далее, и тому подобное.

К чему это приводит? К тому, что всё меньше людей хотят связывать со спортом свою карьеру.

Идея, которую высказывает Джаффе, проста и понятна: любовь к работе придумали специально для того, чтобы денег не платить. Причём способы не платить могут быть самыми разными: от указания на то, что это труд — высокое призвание, до найма бесплатной рабочей силы — стажёров.

Естественно, такое положение дел появилось не сразу, а стало результатом довольно большой последовательности различных событий. Джаффе связывает это с неолиберализмом и сопутствующими изменениями в экономике.

Я не могу сказать, могли ли эти изменения привести ко всем тем последствиям, которые обсуждают в книге. Но можно уверенно говорить о том что ситуация с работой меняется. И судя по тому, что я наблюдаю сейчас, про это не говорят ни карьерные консультанты, ни журналисты, ни уж, тем более, работодатели.

Идея «не получилось поработать там — поработаю в другом месте» не выгодна прежде всего работодателю. Потому что он теряет возможность принуждать работника к труду и как-то его ограничивать. А как показывает книга Джаффе, практики принуждения и ограничения сейчас вполне себе существуют даже в очень просвещённом IT.

Речь, конечно, не про рабство. Но представим себе, вы релоцировались по рабочей визе. А потом внезапно захотели сменить работу. И запланировав такую смену вы с удивлением поняли, что рабочая виза действовала ровно до тех пор, пока вы выполняли конкретную работу у конкретного работодателя. Так ли уж это от рабства отличается?

Интересно, что работодатели с упоением воспроизводят миф о том, что если вы где-то показали себя как нелояльный сотрудник, то вас точно никуда больше не возьмут. Вас действительно не возьмут в то место, где компания собирает личные данные о своих работниках и буквально шпионит за ними, делая из этого далеко идущие выводы. Но тут уже думайте сами, так ли вам нужно там работать.

Меня удивляет то, насколько часто сами люди воспроизводят нарратив любви к работе. Конечно же, нет ничего плохого в том, чтобы любить свою работу. Это не повод для обвинения, я здесь не разделяю пессимизм Джаффе. Но когда, например, преподаватель университета мирится с постоянно ухудшающимися условиями труда, объясняя это предназначением, то эта ситуация должна насторожить. В первую очередь, кстати именно его, а не нас.

Грубо говоря, плоха не любовь к работе сама по себе, а безответная любовь. Иногда даже с абьюзивными отношениями со стороны работы. Интересно, что когда начинаешь думать про любовь к работе в таком аспекте, как-то иначе видишь некоторые высказывания о взаимоотношениях работы с человеком. Непонятно, что у работы есть взамен за мою преданность и любовь кроме денег. Точно знаю, что работа ради меня не бросит всё и не будет жить в ущерб себе, лишь бы мне было хорошо.

Работодателю, естественно, выгодна ваша любовь к работе. Вам она тоже может быть иногда выгодна. Но вопрос в том, в равной ли степени вы вкладываетесь в эти отношения?

А что в итоге?

«Дорогие коллеги» Сары Джаффе — довольно интересная книга. Интересная она в первую очередь тем, что в одном месте собрано достаточно много материала о любви к работе в разных отраслях. Чего-то принципиально нового в этой книге, пожалуй, нет, кроме общего нарратива про любовь к работе и его изменения.

Меня несколько насторожила общая логика рассказа — Джаффе постоянно пишет нам о том, что женщинам живётся тяжелее, чем мужчинам, и если в первых трёх главах это не вызывает вопросов, то дальше утверждения Джаффе о гендерном неравенстве в работе не всегда выглядят полностью обоснованными. Страдают все.

Эту книгу отлично дополняет работа Фассела про класс, гонзо-журналистика Кори Пайна и книги Стэндинга и Вайс.

В целом — это хорошая книга. И чуть не забыл: в тексте очень мало внимания уделено тому, как жизнь нам портят те самые «дорогие коллеги». Кто виноват? Переводчик. В оригинале книга называется «Работа не ответит тебе взаимностью: как приверженность нашей работе эксплуатирует, истощает и делает нас одинокими».

А. С. Новиков

Для цитирования: Новиков А. С. [Рец.] Джаффе С. Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь. М.: Individuum, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 136–141.

Павлов А., Прохоров А., Селеев С. Рои и ульи. Российское промышленное пчеловодство

Москва-Ульяновск: Фонд «Хамовники», Common Place, 2023. — 144 с.

Если в Европе главной пчеловодческой державой является Германия, то на постсоветском пространстве идёт соперничество между Россией, Украиной и Узбекистаном. И лидирует пока Украина, которая уже примерно 10 лет назад прошла стадию экономической концентрации и технологического усовершенствования. Теперь мёд там стал важным экспортным продуктом, а промысел уступил место рациональному бизнесу. У нас похожий процесс идет медленно, а после начала СВО и вовсе притормозил. Зато существует обширное и разнообразное пчеловодческое сообщество, которое ещё не подмяли под себя крупные аграрно-пищевые комплексы. Оно включает как бизнесменов, целенаправленно инвестирующих в пасеки, так и любителей, которые заводят пасеку исключительно для себя, без сбыта на сторону. Но костяк сообщества образуют «пчеловоды-промысловики, для которых

занятие пчеловодством является важным, а часто и единственным источником средств к существованию и обеспечению своей семьи». Более 40 глубинных интервью с пчеловодами из этого «костяка», взятые в 2021–23 годах, а также наблюдение более чем за 50 пасеками Европейской части России составили эмпирический материал первого в отечественной литературе социологического описания пчеловодов. Книга снабжена кратким словарём основных пчеловодческих терминов и очерком истории развития русского пчеловодства.

К «роям и ульям» люди приходят несколькими путями. Чаще всего промысел переходит к ним от отца или деда, начинавшего в советское время, когда Госплан широко поощрял колхозное пчеловодство в целях лучшего опыления полезных для растениеводства сельхозкультур. Промысел продолжается даже при переезде семьи к новому месту жительства (например, в Россию из Средней Азии). Другой путь — перенять промысел у знакомого пчеловода в качестве ученика, а затем коллеги. Авторы выделяют несколько ключевых типажей пчеловодов исходя из различия их картин мира. Они по-раз-

ному организуют производственный процесс, относятся к пчёлам, сбывают полученный продукт. Первый тип — «пчеловод-хозяин». Он относится к пчёлам как к разумным существам, влюблён в них и в пчеловодство, ориентирован на постепенное расширение пасеки, продает мёд по устоявшейся цене и личным каналам сбыта. Его образ действия — «добыча меда и продуктов пчеловодства для нужд семьи и продажи по ближайшему социальному окружению». Главные фигуры на пасеке такого типа — мужчины 50–70 лет, пришедшие в промысел в 1980–90-х годах, рассматривающие пчеловодство как основной источник дохода. Это «профессионалы широкого профиля», умеющие почти всё, что нужно на пасеке. Они работают обычно всей семьей, продают в основном мёд, сбыт организовали за счет своих социальных связей — в розницу.

«Пчеловод-промышленник», в отличие от «пчеловода-хозяина», ориентирован на удовлетворение нужд клиентов, минимизацию трудозатрат, увеличение сбора продуктов и их сбыта благодаря комбинации каналов продаж. Он относится к пчёлам утилитарно, как к полезным сельскохозяйственным животным. Перспектива переключиться на другой вид бизнеса для него — совсем не трагедия. «Пчеловод-коммерсант» ставит во главу угла максимизацию прибыли, фокусируется не на производстве, а на сбыте продукции и вкладывается в рекламное продвижение, следит за конкурентами. Пчела для него — орудие производства. Фокусируясь на конкретном продукте пчеловодства, он продвигает его через оптовые продажи, собственные торговые точки, торговые сети. Сам процесс пчеловодства для него — лишь приложение к коммерции. Наконец, «пчеловод-пропагандист» стремится к завоеванию авторитета среди начинающих пасечников и для этого обеспечивает информационную и консультативную поддержку, зарабатывая на этом и продвигая в народ информацию о чудесных свойствах мёда и способах его производства и использования. К своей пасеке он относится как к «демонстратору», а производственному бизнесу.

Авторы застали отрасль «в состоянии серьезного переустройства, активно меняющихся практик и под воздействием массы новых внешних факторов». Вплоть до середины 2010-х гг. ядром пчеловодческого промысла были семейные пасеки, начинавшие с малого, но выросшие со временем до 60–150 ульев. Продажа полученного мёда в розницу гарантировала промысловому достойный доход. Что же поменялось? Выделяются четыре главных фактора воздействия на отрасль: развивается промышленное пчеловодство; растет товарная эффективность «пасек нового типа»; развиваются крупные сельхозпредприятия, ведущие интенсивное хозяйство; традиционные каналы сбыта стагнируют или исчезают, на что влияет как ужесточение регулирования со стороны государства, так и развитие интернет-торговли, особенно в период пандемии коронавируса. В результате классические пасеки постепенно эволюционируют в нетоварные

или малотоварные, число ульев сокращается; распространяются «кочевые» пасеки большого размера; продажа меда в розницу уступает место централизованным, оптовым и эксклюзивным продажам; активно развиваются сопутствующие пчеловодческие промыслы.

Одновременно снизился порог входа в нетоварное пчеловодство, которое становится популярным видом досуга: «чтобы завести пасеку „для себя“ не нужно ничего, кроме подходящего участка и денег. Нет никаких проблем и с расширением пасеки». Что до денег, то стоимость организации пасеки на 15–20 ульев в 2023 г. оценивалась в 0,5–1 млн руб в зависимости от региона. На практике обычно начинающий пчеловод заводит несколько ульев, а затем эволюционным путем достигает оптимального для себя размера пасеки. Обычно после достижения предела в 15–20 ульев резко повышается трудоёмкость, так что дальше идут только те, кто решил сделать пчеловодство основным источником своего дохода. Расширение также упирается в проблему увеличения «взятка» (медосбора), т.е. базы для создания пчелами мёда. Так возникают кочевые пасеки, но они уже стоят дороже, а также требуют больших профессиональных знаний и несут большие риски. Существуют также разведенческие и досуговые пасеки, причем первые специализируются на производстве «пчелопакетов» и маток для других пчеловодов, а вторые — на организацию околопчелиного досуга, включая практики народной медицины. Возможно, последнее направление со временем ждёт большой успех, но сегодня это пока скорее экзотика.

В. В. Федоров

Для цитирования: Федоров В. В. [Рец.] Павлов А., Прохоров А., Селеев С. Рои и ульи. Российское и промысловое пчеловодство. Москва-Ульяновск: Фонд «Хамовники», Compton Place, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 142–144.

Gänswein, Georg, Gaeta, Saverio. Nient'altro che la verità. La mia vita al fianco di Benedetto XVI

Milan, Piemme, 2023. — 336 с.

Книга *Nient'altro che la verità. La mia vita al fianco di Benedetto XVI* («Ничего, кроме правды. Моя жизнь рядом с Бенедиктом XVI»), опубликованная издательством Piemme и вышедшая 9 января 2023 года, — это книга архиепископа Георга Генсвайна, частично повествующая о двух жизнях — почетного Папы римского Бенедикта XVI и его личного секретаря и автора книги.

В этом произведении изложена история папы, дать оценку которому наиболее сложно — Бенедикта XVI — баварца, который прошел путь от профессора и богослова до папского Престола. Жизнь этого христианского богослова второй половины прошлого века прослеживает его личный секретарь, он сопровождал его до самой смерти 31 декабря 2022 года. Эта книга интересна тем, что она одновременно является и автобиографией автора, и биографией Ратцингера, и историей его папства а, соответственно, и католической церкви

последних 40–50 лет. Эта работа не является «коллажем» из новостей, недосказанностей, недобросовестных истолкований. Эта книга документальна, и с проникновенных страниц Генсвайна открывается любовь к Богу и Церкви, которая была характерна для Ратцингера, его окружения и всех верующих во время папства Бенедикта XVI.

Бенедикт XVI, к сожалению, стал на Западе символом, «флагом», за который или против которого борются сформировавшиеся в последние десятилетия «команды». С одной стороны, так называемые «традиционалисты», с другой — «прогрессисты»: первые поддерживают Ратцингера как «антиберголлианца», считая его папой-традиционалистом и защитником веры, а папу Франциска (Бергольо) — манифестацией «антихриста». В то время как вторые убеждены в необходимости радикальных реформ не только ватиканских иерархий (аспект, который более или менее характерен для каждого папства), но и толкований Откровения, то есть послания, лежащего в основе евангелизации, которую Церковь считает своей основной задачей. Так называемые «прогрессисты» видят в Бенедикте XVI «плохого реакционера», а в Бергольо — «хоро-

шего революционера». Эти интерпретации глубоко идеологизированы и, следовательно, далеки от истины. Но они достаточно влиятельны, причём не только благодаря малосодержательной журналистской полемике. Если верно, что основой любой церкви являются её верующие, то их понимание и интерпретация происходящего в Ватикане важно для церкви. Ратцингера, как говорится в книге, часто критиковали за то, что он был оторванным от реальности теоретиком-теологом, а его преемника — за то, что он был прагматичным и не очень образованным священником. Генсвейн пытается показать преемственность этих двух фигур во имя блага Церкви и её паствы. Не ограничиваясь беспочвенной полемикой и даже некоторыми достоверными критическими замечаниями, автор не упускает возможности объяснить, как на самом деле Бенедикт и Бергольо всегда вели искренний диалог, проявляя симпатию и взаимное уважение: баварец ценил богословско-философские размышления аргентинца, а тот — пасториальный прагматизм баварца.

С историческим чутьём и филологической остротой в своем сочинении Генсвайн рассматривает все «скандалы», охарактеризовавшие папство своего соотечественника (давнее дело Эмануале Орланди, Vatileaks, педофилия, предполагаемые антиисламские высказывания, борьба со СПИДом в Африке и тому подобное), «сенсации», связанные с его отставкой, и, как уже было сказано, отношения между двумя папами. Без притворства представлены несколько «недоразумений» в отношениях между автором и Папой Франциском, и некоторые частные высказывания Почетного Папы по поводу более оригинальных богословских позиций, сформулированных нынешним преемником Петра. Следует сказать, и это делает честь интеллектуальной позиции автора, что решение сообщить о реакциях Ратцингера было продиктовано в основном тем, что новый Папа таким образом претендовал на непосредственную преемственность предшественникам.

О правдивости предпоследнего пункта говорит тот факт, что за публикацией этой работы (через 4 дня после похорон баварского понтифика) последовала полемика, закончившаяся удалением архиепископа Георга Генсвайна в Германию и изменением ритуала, касающегося выставления тела усопшего понтифика на катафалке (отныне только в гробу), двух ночных бдений (которые Бергольо сократил до одного) и церемонии закрытия гроба (теперь отмененной). Автор также утверждает: трудно поверить в то, что этот выбор является исключительно естественным следствием реформы церковных структур, проведенной Бергольо. В книге «Papa Francisco. El sucesor: Mis recuerdos de Benedicto XVI» («Папа Франциск. Преемник: Мои воспоминания о Бенедикте XVI»), книге-интервью Папы Франциска с испанским журналистом Хавьером Мартинесом-Брокалем, выпущенной 3 апреля в Испании издательством Editorial Planeta, Понтифик не упускает возможности продолжить распрю с баварским архиепископом, что нельзя не рассматривать как дополнительный аргумент в пользу того, что было сказано ранее.

Подвести итог богословским и доктринальным размышлениям Ратцингера невозможно, тем более в одном томе. То же самое должно быть сказано о его кардинальстве, папстве и «почётном папстве». Стоит подчеркнуть, что Бенедикт XVI был единственным папой-платоником за последние столетия и, скорее всего, последним, имеющим «европоцентристское» классическое гуманитарное образование. Его деятельность в качестве эксперта Второго Ватиканского собора и префекта Конгрегации доктрины веры только подтверждает эту необычность. Некоторые из тем, в которые он погрузился наиболее глубоко и о которых упоминается в тексте, следующие: христоцентризм, превосходство Петрова служения и его мартирологическая концепция, возвращение к Откровению и миссия Церкви, рассматриваемой как Тело Христово, определение начала Церкви в Евхаристии, отношения между верой и разумом, Истиной и свободой, любовью, искусством, евангелизация (с особым вниманием к Амазонии) и, что очень важно, реевангелизация христианских народов, а также кризис религии, критическое отношение к Новому Времени и к современной политике, восхваление монашества и, что не менее важно, безбрачия, проблемы гомосексуализма, педофилии, масонства, а также религиозная жизнь разведённых, «жертвенная» концепция Мессы и «священнический» характер деятельности пресвитеров и епископов, онтологическая и не «функциональная» концепция священничества и многочисленные размышления о литургии и ритуале.

Несмотря на специфичность, этой работе удастся передать пыл профессора, ставшего папой, который оставил значимый след в истории христианства. При этом автор не упускает из виду кризис веры, характерный прежде всего для давно принявших христианство стран. Искренняя вера Ратцингера сочетается с осознанием того, что Церковь как божественный и человеческий институт больше не играет роли «большинства» в современном западном обществе. Верующих мало, через несколько десятилетий привычки, передававшиеся на протяжении многих веков, перестанут действовать, и «текучесть» индивидуальности станет доминирующей. Именно в этот момент истинное Послание, воплощенное в Персону Христа, будет открыто заново, и, с верой в Его пришествие и Воскресение, Церковь вернется к истокам, она будет принадлежать сообществам, которые с энтузиазмом неофитов подадут чистый и простой пример веры всем людям доброй воли. Это ощущение не покидает (надеюсь, не только «латинского») читателя даже после прочтения последних страниц работы Генсвейна о смерти почётного папы.

С. Чеппаруло

Для цитирования: Чеппаруло С. [Рец.] Georg Gänswein, Saverio Gaeta. Nient'altro che la verità. La mia vita al fianco di Benedetto XVI. Milan, Piemme, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 145–148.

75 НОВЫХ КНИГ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ для чтения, обсуждения, рецензирования

В список вошли книги, переизданные или впервые вышедшие с 2022 г. в российских, в том числе университетских, и ведущих зарубежных издательствах. Список не претендует на систематический обзор, хотя стремилась отразить разнообразие направлений экономической социологии. И не про все книги можно однозначно сказать, что они по экономической социологии — некоторые, скорее, для тех, кто ассоциирует свои исследования с экономической социологией, находятся с другой стороны предметных и стилистических границ, очерчивающих экономическую социологию.

Содержание каждой книги буквально в двух словах представлено в названиях тематических блоков, но сделаю несколько более подробных акцентов.

Самым представительным получился блок об активах домашних хозяйств (объектах их собственности) и финансовых обязательствах — с исследовательской ревизией перезапуска государства благосостояния в государство благосостояния, основанного на активах (*asset-based welfare*), в котором не только перераспределяются денежные средства, но домохозяйства создают «подушки безопасности» в виде активов, обладание и использование которых, как надеются, снижает риски, связанные с нестабильностью рынка труда. Парадокс в том, что ценность активов, которые должны давать ощущение стабильности и уверенности, определяется на изменчивых рынках, а при растущей численности собственников идентичность «инвесторов» вытесняет идентичность «трудящихся», хотя место в профессиональной структуре всегда было значимо для определения принадлежности к классам, в том числе среднему. Книги из этого блока, в названиях которых упоминается средний класс (Вайс Х. Мы никогда не были средним классом и Müller M. et al. *Identity Under Pressure. Over-Indebtedness in the Middle Class*), скорее, о том, что средний класс как социологический конструкт — это средство проблематизации неустойчивости экономического статуса, амбивалентности обладания собственностью, за приобретением которой стоят высокие долговые обязательства. И Х. Вайс включает в объекты инвестирования среднего класса высшее образование и дипломы, отдача от которых может быть прервана стигмой длительной безработицы (Sharone O. *The Stigma Trap. College-Educated, Experienced, and Long-Term Unemployed*).

Жильё — тот актив, приобрести который стремятся почти все, хотя отнесение занимаемого жилья к активам, а не потребительским благам дискуссионно. Тем не менее, если судить по включённым в список книгам, жильё оказывается в центре политических, экономических, архитектурных проектов и воплощает и локализует в пространстве — прежде всего города — экономическое неравенство.

И в-третьих, что можно было бы сказать в отношении подборки книг об активах населения, — это внимание исследователей к семье. Р. Рональд и Р. Арундел начинают обзор и свой ответ на рецензии книги *Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World*, вышедшей под их редакцией, с тезиса, что «одной из наиболее неожиданных особенностей социальных и экономических изменений в XXI веке стало возрождение семьи»¹. Если другие издания из всей подборки, затрагивающие этот социальный институт (Hughes K., Tarrant A. *Men, Families, and Poverty. Tracing the Intergenerational Trajectories of Place-Based Hardship*; Goldin C. *Career and Family: Women's Century-Long Journey toward Equity*), рассматривают экономические роли внутри семьи, распределение совокупного времени супругов между внутрисемейной и внешней занятостью, то книги из блока об экономических активах (кроме названной также ещё *Family Firms and Business Families in Cross-Cultural Perspective: Bringing Anthropology Back In*; *Sociology of the Business Family. Foundations, Recent Developments, and Future Perspectives*) — о воспроизводстве родства в отношениях по поводу собственности и экономических активов, напоминание о том, что современные государство и рынок функционируют так, что для формирования экономического «базиса» молодых взрослых, начинающих жить отдельно от родителей, важны ресурсы семей, причем расширенных сетей родственных связей.

Savage M. The Return of Inequality. Social Change and the Weight of the Past — единственная книга в подборке, изданная в 2021 г.: я сделала исключение, чтоб поддержать книжный диалог с Пикетти Т. «Краткая история равенства». Тома Пикетти откликнулся на просьбу читателей «писать немного короче», но «История равенства» получилась краткой не только из-за объема книги, но и хронологически. Движение к равенству в западных странах с конца XVIII века (примерно с этого периода об экономическом неравенстве можно говорить, используя систематические данные) опирается на определённый институциональный инструментарий; кульминация этого движения — «великое перераспределение» 1914–1980-х гг., возможное, по мнению Пикетти, из-за развития социального государства благосостояния, прогрессивной шкалы налогов на имущество и доходы, ликвидации иностранных

¹ Ronald R., Arundel R. What about families, housing and property wealth in a neoliberal world? // *International Journal of Housing Policy*. 2023. Vol. 23. Issue 4. P. 847–854. DOI: 10.1080/19491247.2023.2275403

и колониальных активов. Собственно, это и есть период, непродолжительный в историческом плане, максимального приближения к равенству; затем, с начала 1980-х годов институты государства благосостояния и прогрессивного налогообложения «ослабли». Майк Севидж более категоричен, говоря о «вернувшемся» в это время неравенстве, но рост разрыва между богатыми и остальными слоями, по его мнению, «возвращает нас в прошлое» в институциональном плане, к политическим моделям XIX — начала XX веков. Поэтому сегодня не столько бедные, сколько богатые создают проблемы для обществ.

Bakel van M. *Breaking out of the Expat Bubble. How to Make Intercultural Connections and Friends* адресована непосредственно мигрантам, уехавшим за границу. Социальные сети, накопленный социальный капитал могут быть как ресурсом, так и бременем, ограничением. Вполне нормально желание использовать в новой стране социальные связи эмигрантского сообщества, но есть риск остаться в «пузыре эмигрантов» (expat bubble), в социальной капсуле ограниченных контактов с местным населением. Как выйти из неё, как создать новую социальную сеть с жителями принимающей страны, описано на данных многолетнего исследования, наблюдений и интервью с мигрантами.

В целом книги из тематического блока, посвященного трансграничной миграции, балансируют между государственными миграционными политиками и индивидуальными действиями мигрантов. Вариант синтеза этих макро- и микроуровней представлен в *Immigrant and Asylum Seekers Labour Market Integration upon Arrival: NowHereLand. A Biographical Perspective*. Исследовательские кейсы в книге предполагают в логике биографического подхода выделение «поворотных точек» (turning points) в жизни мигрантов, точнее, в период интеграции на местном рынке труда в первые годы иммиграции. Но, во-первых, каждая из таких точек соотносится с политиками и практиками, которые осуществляют органы власти, государственные службы, гражданские организации и т. п. Во-вторых, в отношении жизненных историй реализован интерпретативно-биографический метод (interpretive-biographic inquiry) — «совместный анализ истории жизни информанта исследователем, который берёт на себя аналитическую и интерпретирующую роль, и информантом, который проясняет, дополняет и размышляет под руководством исследователя». Ожидаемо, что такое соединение сбора и частичного анализа данных подразумевает многократное взаимодействие мигрантов и исследователей, в которых «исследователь-интерпретатор не просто собирает значения (восприятия информантов), но и подвергает их сомнению вместе с информантом»².

² *Immigrant and Asylum Seekers Labour Market Integration upon Arrival: NowHereLand. A Biographical Perspective*. Edited by Irina Isaakyan, Anna Triandafyllidou, Simone Bagliioni. Springer, 2022. P. 7–8.

Эта книга находится в открытом доступе; для неё и остальных «открытых» книг указаны ссылки на сайты издательств или университетов, где размещены тексты.

Стратификации жизненных шансов и рисков. Экономическое, профессиональное и другие измерения социальной структуры на локальном уровне. Стартовый капитал семьи и институтов заботы в переходе к взрослости. Издержки восходящей социальной мобильности для студентов из семей с низкими доходами. Социальная структура и человеческий капитал как «третий» фактор экономического развития

1. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк. Под ред. Н. Е. Тихоновой. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. — 424 с.
Полный текст: <https://publications.hse.ru/books/678853084>
2. Плюсин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place, 2022. — 448 с.
3. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 224 с.
4. Osborne M. Polished. College, Class, and the Burdens of Social Mobility. Chicago: The University of Chicago Press, 2024. — 224 p.
5. Paton K. Class and Everyday Life. London: Routledge, 2023. — 214 p.
6. Peilin L. Another Invisible Hand. The Transformation of Social Structure. London: Routledge, 2024. — 224 p.
7. Social Mobility in Developing Countries. Concepts, Methods, and Determinants. Edited by Vegard Iversen, Anirudh Krishna, and Kunal Sen. Oxford: Oxford University Press, 2022. — 512 p.

Благосостояние, основанное на активах: может ли собственность, цена которой зависит от рынка, давать уверенность? Финансовые обязательства как проверка на прочность классовой идентичности. Городской жилищный ландшафт и жилищное неравенство. Экономика неосязаемых активов. Внутрисемейные трансферты собственности и семейный бизнес

8. Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 200 с.

9. Хаскел Дж., Уэстлейк С. Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 408 с.
10. *Architecture and the Housing Question*. Edited By Can Bilsel, Juliana Maxim. London: Routledge, 2024. — 268 p.
11. Bartram R. *Stacked Decks. Building Inspectors and the Reproduction of Urban Inequality*. Chicago: The University of Chicago Press, 2022. — 224 p.
12. *Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World*. Edited By Richard Ronald, Rowan Arundel. London: Routledge, 2023. — 206 p.
13. *Family Firms and Business Families in Cross-Cultural Perspective. Bringing Anthropology Back In*. Ed. by Tobias Koellner. Palgrave Macmillan, 2023. — 318 p.
14. Mulcahy N. *Class and Inequality in the Time of Finance. Subject to Terms and Conditions*. London: Routledge, 2023. — 176 p.
15. Müller M. et al. *Identity Under Pressure. Over-Indebtedness in the Middle Class* / Marion Müller, Patricia Pfeil, Udo Dengel, Lisa Donath. Springer, 2023. — 203 p.
16. *Sociology of the Business Family. Foundations, Recent Developments, and Future Perspectives*. Editors: Heiko Kleve, Tobias Koellner. Springer, 2023. — 304 p.
17. *The Oxford Handbook of the Modern Slum*. Edited by Alan Mayne. Oxford: Oxford University Press, 2023. — 600 p.
18. *The Routledge Handbook of Housing and Welfare* / Edited By Martin Grandner, Mark Stephens. London: Routledge, 2023. — 358 p.
19. *The Sociology of Housing. How Homes Shape Our Social Lives* / Edited by Brian J. McCabe and Eva Rosen. Chicago: The University of Chicago Press, 2023. — 432 p.

«Институциональный инструментарий» движения к экономическому равенству, высокое экономическое неравенство как риск вернуться в прошлое и неравенства, с которыми мы сталкиваемся на разных жизненных этапах

20. Пикетти Т. *Краткая история равенства* / Пер. с французского В. М. Липки. М.: Издательство АСТ, 2023. — 384 с.
21. Savage M. *The Return of Inequality. Social Change and the Weight of the Past*. Cambridge, MA, London: Harvard University Press, 2021. — 448 p.
22. *The Routledge Handbook of Contemporary Inequalities and the Life Course*. Edited By Magda Nico, Gary Pollock. London: Routledge, 2023. — 458 p.

Одномерные и многомерные измерения бедности через дефицит ресурсов и потребление. Оценка влияния реформ, поддержанных МВФ, на бедность и неравенство. Гендерные проявления бедности

23. Силласте Г. Г., Круглова Е. Л. Феминизация бедности и ее социальные риски в условиях транзитивной экономики и нового гендерного порядка: опыт странового измерения. Москва: Прометей, 2023. — 364 с.
24. Kentikelenis A., Stubbs T. A Thousand Cuts. Social Protection in the Age of Austerity. Oxford: Oxford University Press, 2023. — 280 p.
25. Research Handbook on Measuring Poverty and Deprivation. Edited by Jacques Silber. Edward Elgar Publishing, 2023. — 776 p.
26. Hughes K., Tarrant A. Men, Families, and Poverty. Tracing the Intergenerational Trajectories of Place-Based Hardship. Palgrave Macmillan, 2023. — 265 p.

Территориальная локализация динамики государства и классов: создание средним классом «города для себя», «примерка лекал» среднего класса в странах «государственного капитализма» и «потребительского социализма», преемственность и изменчивость субъективной идентификации со средним классом

27. Boterman W., Gent van W. Making the Middle-class City. The Politics of Gentrifying Amsterdam. NY: Palgrave Macmillan, 2023. — 246 p.
28. China's Middle Class. The New Social Stratum. Edited By Li Youmei. London: Routledge, 2023. — 286 p.
29. Hansen A. Consumption and Vietnam's New Middle Classes. Societal Transformations and Everyday Life. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. — 203 p.
30. Middle Class Identities and Social Crisis. Cultural and Political Perspectives on the 'Global Rebellion'. Edited By Alejandro Grimson, Menara Guizardi, Silvana Merenson. London: Routledge, 2022. — 248 p.

Происхождение и культурный капитал как основание легитимации нового богатства. Проявление богатства: от украшений до могильной плиты, от уверенности в себе до «живого» окружения. Мировой рынок гражданства

31. Шимпфёссль Э. Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии / Пер. с англ. И. Евстигнеевой. М.: Individuum, 2022. — 352 с.
32. Alfani G. As Gods Among Men: A History of the Rich in the West Published (US). New York: Princeton University Press, 2023. — 440 p.

33. Daloz J.-P. Expressions of High Status. A Comparative Synthesis. Palgrave Macmillan, 2022. — 357 p.
34. Surak K. The Golden Passport. Global Mobility for Millionaires. Cambridge, MA, London: Harvard University Press, 2023. — 336 p.

Культурный бэкграунд экономического поведения — но может ли культура быть «сильнее» экономического принуждения? Отношения власти, вшитые в экономические практики. Современность как «эра Поланьи»

35. Аузан А. А. Культурные коды экономики. Издательство АСТ, 2022. — 160 с.
36. Тоуни Р. Г. Религия и подъем капитализма: историческое исследование (лекции, посвященные памяти Генри Скотта Холланда, 1922) / Пер. с англ. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под научной редакцией А. Апполонова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 440 с.
37. Chibber V. The Class Matrix. Social Theory after the Cultural Turn. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022. — 224 p.
38. The Ambivalence of Power in the Twenty-First Century Economy. Cases from Russia and beyond. Edited by Vadim Radaev and Zoya Kotelnikova. London: UCL Press, 2022. — 394 p.
Open Access PDF. URL: <https://www.uclpress.co.uk/products/190516>
39. The Routledge Handbook on Karl Polanyi. Edited by Michele Cangiani, Claus Thomasberger. London: Routledge, 2024. — 418 p.

Цифровые технологии: от обеспечения безопасности к контролю и надзору. Капитал цифровых платформ и цифровой капитализм. «Цифровое» закрепление «старых» неравенств

40. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. — 784 с.
41. Fourcade M., Healy K. The Ordinal Society. Cambridge, MA, London: Harvard University Press, 2024. — 384 p.
42. Levy K. Data Driven: Truckers, Technology, and the New Workplace Surveillance. New York: Princeton University Press, 2023. — 240 p.
43. Scheffer J. Mirrored Spaces. Social Inequality in the Digital Age. Wiesbaden: Palgrave Macmillan, 2023. — 166 p. Open Access, License CC BY.
URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-42793-1>
44. Wells K. J., Attoh K., Cullen D. Disrupting D. C.: The Rise of Uber and the Fall of the City. New York: Princeton University Press, 2023. — 224 p.

Свободная, платформенная, непостоянная занятость. Профессиональная и трудовая солидарность и объединения. Ловушка стигматизации: уязвимость образованных и опытных перед «клеймом» безработных. Трудовая пространственная мобильность

45. Бенанав А. Автоматизация и будущее работы / Пер. с англ. Н. Проценко. Издательство Института Гайдара, 2022. — 208 с.
46. Вендрамин П., Меда Д. Переосмысляя труд / Пер. с фр. Д. Демидовой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 263 с.
47. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Пер. с англ. А. Арямяна, К. Митрошенкова; под ред. Г. Юдина*. 2-е изд. М.: Ад Маргинем, 2022. — 368 с.
48. Кулаев М. А. Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России. Издательство Института Гайдара, 2023. — 504 с.
49. От precarious занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. — 364 с.
Полный текст: https://rsuh.ru/news/detail.php?ID=869033&spphrase_id=2480168
50. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия [Электронный ресурс]: аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков. М.: НИУ ВШЭ, 2022. Электрон. текст. дан. (0,635 Мб).
Полный текст: <https://publications.hse.ru/books/704045010>
51. Стребков, Д. О., Шевчук, А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 527 с.
52. Himmel C. Why Informal Workers Organize. Contentious Politics, Enforcement, and the State. Oxford: Oxford University Press, 2022. — 224 p.
53. Sharone O. The Stigma Trap. College-Educated, Experienced, and Long-Term Unemployed. Oxford: Oxford University Press, 2024. — 208 p.
54. Temporary and Gig Economy Workers in China and Japan. The Culture of Unequal Work. Edited by Huiyan Fu. Oxford: Oxford University Press, 2023. — 272 p.
55. Višić T. Peripheral Labour Mobilities. Elder Care Work between the Former Yugoslavia and Germany. Chicago: The University of Chicago Press, 2022. — 490 p.

Женская красота в ритуальных способах траты богатства. Предпринимательство как пространство равенства женщин и мужчин. Домашний труд как условие воспроизводства рабочей силы. Доходное неравенство супругов — обратная сторона гендерного неравенства на макроуровне. Политика и социальные нормы разделения домашнего труда и заботы

56. Мирс Э. Очень важные люди. Статус и красота в мире элитных вечеринок / Пер. с англ. М. И. Назаренко. М.: Издательство АСТ, 2022. — 448 с.

57. Ульянова Г. Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение. 2024. — 352 с.
58. Федеричи С. Патриархат заработной платы. Заметки о Марксе, гендере и феминизме / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Новое литературное обозрение. 2023. — 144 с.
59. Goldin C. Career and Family: Women's Century-Long Journey toward Equity. New York: Princeton University Press, 2023. — 344 p.
60. Windebank J. Domestic and Care Work in Modern France. Gender, Family and the State. Palgrave Macmillan, 2023. — 241 p.

Анализ современных потребительских рынков: как продают эмоции, культуру и идентичность, и почему проходит мода на «модные скандалы»

61. Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / Пер. с англ. А. В. Рахманько. М.: Издательство АСТ, 2023. — 352 с.
62. Томпсон Д. Б. Торговцы культурой: Книгоиздательский бизнес в XXI веке / Пер. с англ. А. Корбута. М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 480 с.
63. Шапиро Б., Ляпин Д. Россия в шубе. Русский мех: история, национальная идентичность и культурный статус. М.: Новое литературное обозрение. 2023. — 304 с.
64. Vänskä A., Gurova O. Understanding Fashion Scandals. Social Media, Identity, and Globalization. London: Bloomsbury Publishing, 2023. — 248 p.

Институты советской экономики: формальные и неформальные способы администрирования и централизованного планирования, замыслы и результаты экономических реформ, теневое предпринимательство

65. Митрохин Н.* Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. В 2-х томах. М.: Новое литературное обозрение. 2023. Т. 1. — 304 с. Т. 2. — 608 с.
66. Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение. 2022. — 320 с.

Практики доступа к ресурсам и благам: коррупционный опыт на индивидуальном и локальном уровнях, ресурсы и сети черных копателей. Антикризисные практики россиян. Неформальные практики решения проблем от рождения до смерти

67. Денисова-Шмидт Е., Леонтьева Э. Коррупция на Дальнем Востоке: компромисс между народом и властью. М.: Common Place, 2022. — 144 с.
68. Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения / В. В. Радаев (рук. авт. кол.), Д. Х. Ибрагимова, А. Д. Казун и др.; под ред. В. В. Радаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. (Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Вып. 1 (1), 2023). — 122 с.
69. Селеев С., Моляренко О. Черные копатели. Этнография приборного поиска. М.: Common Place, 2023. — 192 с.
70. Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье: социологические очерки по мотивам полевых наблюдений / О. Б. Божков, С. Н. Игнатова, И. В. Троцук, А. М. Никулин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 290 с.
71. The Global Encyclopaedia of Informality. Volume 3. A hitchhiker's guide to informal problem-solving in human life. Edited by Alena Ledeneva. London: UCL Press, 2024. — 666 p. Open Access PDF.
URL: <https://www.uclpress.co.uk/collections/sociology/products/232613>

Ресурсы мигрантов и мигранты как ресурс: государственное регулирование международной миграции, социальный «пузырь экспатов», интерактивность интеграции мигрантов на рынках труда принимающих стран, экономика трансграничных денежных переводов

72. Agarwala R. The Migration-Development Regime. How Class Shapes Indian Emigration. Oxford: Oxford University Press, 2022. — 288 p.
73. Bakel van M. Breaking out of the Expat Bubble. How to Make Intercultural Connections and Friends. London: Routledge, 2024. — 258 p.
74. Immigrant and Asylum Seekers Labour Market Integration upon Arrival: NowHereLand. A Biographical Perspective. Edited by Irina Isaakyan, Anna Triandafyllidou, Simone Baglioni. Springer, 2022. — 231 p. Open Access, License CC BY.
URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-14009-9>
75. Remittances as Social Practices and Agents of Change. The Future of Transnational Society. Edited by Silke Meyer, Claudius Ströhle. Palgrave Macmillan, 2023. — 465 p. Open Access, License CC BY.
URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-81504-2>

Для цитирования: Черкашина Т. Ю. 75 новых книг по экономической социологии для чтения, обсуждения, рецензирования // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 148–157.

* Г. Юдин, Н. Митрохин включены Минюстом РФ в реестр иностранных агентов

Авторы номера

Наталья Владимировна Александрова — кандидат исторических наук, заведующая отделом рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина. **Адрес:** Волхонка, д. 8. **Электронная почта:** n107078@yandex.ru.

Галина Артёменко — журналист, библиограф. **Электронная почта:** galina-art@yandex.ru.

Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003) — доктор философских наук, профессор, Главный научный сотрудник Института социологии РАН, основатель и первый декан факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки).

Иван Александрович Климов — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. **Адрес:** Покровский б-р, д. 11, каб. М405. **Электронная почта:** Klimov_ivan@list.ru.

Александр Валерьевич Кобеляцкий — журналист-фрилансер, историк по образованию. Соавтор книг «Ивановы. История знаменитой спортивной семьи» (2017), «Люди 1920-х годов. Вопреки утопии» (2024). **Электронная почта:** kobe2001kobe@yandex.ru.

Лариса Алексеевна Козлова — кандидат философских наук, руководитель сектора социологии науки Института социологии ФНИСЦ РАН, заместитель главного редактора «Социологического журнала». **Адрес:** Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35 корп. 5. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru.

Алина Владимировна Лихачевская — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** alina.likhachevskaya@yandex.ru.

Алексей Сергеевич Новиков — кандидат философских наук, магистр психологии, директор ООО «Технологии социальных исследований», автор подкаста о литературе «И чо?». **Электронная почта:** asnovikov@gmail.com.

Кирилл Евгеньевич Новиков — кандидат философских наук, доцент кафедры Международной политики и зарубежного регионоведения РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. **Адрес:** Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1. **Электронная почта:** kenovikov@yandex.ru.

Денис Юрьевич Сивков — кандидат философских наук, доцент Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–6, стр. 1. **Электронная почта:** sivkov-dyu@universitas.ru

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. **Адрес:** Калининград, ул. Чернышевского, д. 56. **Электронная почта:** mestr81@gmail.com.

Валерий Валерьевич Федоров — кандидат политических наук, профессор, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения, главный редактор журнала «Мониторинг. Социальные и экономические перемены». **Адрес:** Москва, ул. Пречистенка д. 38. **Электронная почта:** fedorov@wciom.com.

Саша Чеппаруло — аспирант филологического факультета СПбГУ. **Адрес:** Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. **Электронная почта:** sto82615@student.spbu.ru

Татьяна Юрьевна Черкашина — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета. **Адрес:** Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 3338. **Электронная почта:** touch@nsu.ru.

Ирина Александровна Чудова — кандидат социологических наук, преподаватель Евразийского технологического университета. **Адрес:** Республика Казахстан, Алматы, Толе би 109 б. **Электронная почта:** dauza14@gmail.com.

Никита Яценко — магистрант Центра практической философии «Стасис», Европейский университет в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А. **Электронная почта:** nyatsenko@eu.spb.ru.

Пути России
2024. Том 2. №2

Издатель:
ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3-5, стр. 1

www.jrsre.ru

Подписано в печать 01.06.2024.
Формат 70x100/16.

16+

Пути России

Том 2 № 2

2024